

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1975

Редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

В $\frac{70202-575}{042(02)-75}$ 272-75

© Издательство «Наука» 1975

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск (одиннадцатый по общему счету) «Временника Пушкинской комиссии» сохраняет определившуюся в прежних выпусках структуру данного издания. Он посвящен итогам изучения и популяризации биографии и творческого наследия Пушкина в 1973 г.

Первый отдел, «Материалы и сообщения», включает в себя статьи, посвященные вовсе неизвестным или еще недостаточно изученным автографическим текстам Пушкина, новым материалам для истории его жизни и творческой деятельности, а также судьбе его произведений в русской и зарубежной литературе и критике. Статья Л. С. Сидякова обращает внимание на случайно пропущенные в новейших изданиях (в том числе и в полном академическом) черновые тексты нескольких строф «Евгения Онегина». Р. Е. Терехина публикует краткую запись для памяти, сделанную Пушкиным и вложенную в одну из книг его личной библиотеки; оказывается, смысл этой записи может быть раскрыт: она поддается датировке и представляет известный интерес для истории занятий поэта «Словом о полку Игореве». Статья Е. М. Двойченко-Марковой «Заметки о Пушкине и беженцах этерии в Кишиневе» на основе новых архивных данных, опубликованных в Румынии и Греции, раскрывает неизвестные эпизоды из истории подготовки греческого восстания 1821 г. в Бессарабии и знакомств Пушкина с некоторыми его участниками. В статье Л. М. Ариштейна разбирается анонимная статья о Пушкине в английском журнале «National Review», которая, по-видимому, написана по поручению А. И. Герцена и по его материалам.

Отдел второй, «Обзоры», открывается, как обычно, библиографическим указателем, составленным В. В. Зайцевой, в котором перечисляются книги и статьи о Пушкине, опубликованные в 1973 г. Статья В. Е. Холшевникова характеризует составляемый под его руководством «Словарь рифм Пушкина» и отличия этого коллективного труда от того большого аналогичного «Словаря», который недавно выпущен Висконсинским университетом (США) под редакцией профессора Дж. Томаса Шоу (J. Thomas

Shaw. Pushkin's Rhymes. A Dictionary). Статья Л. С. Сержана и Ю. В. Ванникова ставит вопрос о необходимости составления и издания «Словаря французского языка Пушкина» и обсуждает принципы организации этой интересно задуманной и весьма важной в научном отношении работы.

В третьем отделе «Временника» сосредоточены мелкие заметки, посвященные различным вопросам биографии и творчества Пушкина. Некоторые из них основаны на архивных разысканиях и уточняют отдельные эпизоды из истории жизни поэта, объясняют рисунки Пушкина или оставшиеся загадочными строки в его рукописях и письмах; в них решаются проблемы атрибуции поэту произведений, автографические рукописи которых неизвестны, текстологические вопросы. Здесь же публикуются заметки исторического характера, касающиеся возникновения статей о Пушкине, в частности двух одесских некрологов, и т. д.

Отдел «Хроники», по техническим причинам, не мог на этот раз поместить всю имеющуюся у Пушкинской комиссии информацию о деятельности пушкинских музеев, о мероприятиях, связанных с пушкинскими памятными местами, открытием новых памятников поэта и т. д. Однако ввиду того что многие из указанных мероприятий относились к концу 1973 г. и предусматривались подготавливавшимся в то время планом широко задуманных юбилейных празднеств следующего, 1974 г. (по случаю 175-летия с дня рождения поэта), все события 1973 г., оставшиеся в данном издании не упомянутыми, будут освещены в следующем выпуске «Временника», в «Хронике» 1974 г.

Как и в предыдущих выпусках «Временника», в одиннадцатом выпуске все цитаты из сочинений и писем поэта даются по «Полному собранию сочинений Пушкина» (тт. I—XVI. Изд. АН СССР, 1937—1949); если цитированное издание не оговорено особо, в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад.». Дополнительный, XVII том этого издания («Справочный том. Дополнения и исправления. Указатели»), вышедший в 1959 г., цитируется сокращенно — «Справочный том».

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. С. СИДЯКОВ

К ИСТОРИИ РАБОТЫ ПУШКИНА НАД ВТОРОЙ ГЛАВОЙ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

В рабочей тетради Пушкина 1824—1827 гг. (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 835; старый шифр ЛБ, № 2370) на л. 58 находится черновой текст заключительных стихов VI, VII, VIII и X строф второй главы «Евгения Онегина», не учтенный большим академическим изданием сочинений Пушкина. Привожу его в порядке названных строф (номера стихов даются по отношению к полному тексту строфы).

VI

- 9 Он из Герм.<ани> туманной
Привез презренье суеты¹
Славолюбивые² мечты
Ученость [ум] не много странной³
Всегда

VII

- 9 Он⁴ забавлял мечтою сладкой⁵
Сомненья⁶ сердца своего —
Цель жизни нашей для него⁷ —
Был<а>⁸ заманчивой загадкой —
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал⁹ —

¹ Привез учености плод<ы>

² Вольнолюбивые

³ а. Дух пылк<ой>, тон <?> вес<ь>ма <?> б. Дух пылк<ой> и не много странной в. Дух пылк<ой> или <?> не много странной

⁴ Начато: Уж <?> —

⁵ а. Он наслаждался жизнью сладкой б. Он создавал мечтою сладкой в. Он наполнял мечтою сладкой

⁶ а. Начато: <нрзб.> б. Волненья

⁷ а. Как в тексте. б. Цель этой жизни для него

⁸ Начато: казался ему

Она заманчивой загадкой

⁹ И ничего не понимал

VIII

- 10 Людей священные¹⁰ друзья
Что их бессмертная¹¹ семья
Неотразимыми лучами¹²
Когда-нибудь нас озарит
И мир¹³ блаженством одарит —

X

- 13 Он пел поблеклой жизни цвет¹⁴
(Без малого¹⁵ в 18 лет)

За этими черновыми отрывками следуют наброски стихов, относящиеся, по-видимому, уже к четвертой главе «Евгения Онегина» и также не включенные в варианты VI тома большого академического издания:

С¹⁶ мо<е>й холодной душой
[Печально преданной¹⁷ другой]

любовью чистой

Стихи эти связаны, по-видимому, либо с отповедью Онегина Татьяне,¹⁸ либо с начальными строфами четвертой главы романа. Они перекликаются с ранее представленными в той же тетради (см. л. 41—41 об.: ср.: VI, 341, 339, 342) лирическими излияниями то «автора», то Онегина: в процессе творческой работы Пушкина они оказывались взаимопереходными. Однако поэт не задерживается на этой, начатой уже ранее и завершаемой лишь впоследствии теме и возвращается к «картине счастливой любви» Ленского: вслед за черновым текстом XXV строфы четвертой главы «Евгения Онегина» (л. 57 об.) на л. 58 и 58 об. идут черновики XXVI и XXVII строф.

Таким образом, публикуемый текст находится между черновым текстом XXV (л. 57 об.) и XXVI строф четвертой главы «Евгения Онегина»; он занимает в рабочей тетради Пушкина всю верхнюю часть л. 58, причем распадается на несколько от-

¹⁰ а. Как в тексте. б. надежные

¹¹ а. свободная б. священная в. могучая

¹² Начато: Когда-нибудь пустыню <?>

¹³ Начато: И миру

¹⁴ а. Он пел <нрзб.> лет

б. Он пел поблеклой цвет

Увядшей жизни

¹⁵ Начато: Без малого быв <?>

¹⁶ Начато: Мне ль

¹⁷ отданной

¹⁸ Предположение Н. В. Измайлова. Автор пользуется случаем выразить Н. В. Измайлову признательность за помощь в прочтении публикуемых отрывков.

деленных друг от друга отрывков: сперва идут последние стихи строфы VIII второй главы, затем концовка строфы VII и заключительное двустушия строфы X, а уже вслед за ним — за разделяющей чертой — фрагменты стихов, предположительно относимых к четвертой главе романа. Отрывок же строфы VI приписан сбоку, слева от концовки строфы VII. Последняя складывается из разрозненных фрагментов: вначале идут стихи 12—14, затем стих 11 и непосредственно вслед за ним стихи 9 и 10. Под первыми тремя стихами VII строфы знаки концовки и разделения. Нижнюю часть листа занимает уже черновик строфы XXVI четвертой главы «Евгения Онегина».

Рукопись эта была в свое время описана В. Е. Якушкиным;¹⁹ он — правда, не всегда точно — привел лишь первые стихи составляющих ее отрывков (конец строфы X он открывает отсутствующим здесь стихом «Он пел те дальные страны...»). Только отрывок строфы VI приведен полностью, но также не вполне точно; приняв последнее слово «Всегда», указывающее на совпадение заключительного двустушия с сложившимся ранее текстом строфы («Всегда восторженную речь || И кудри черные до плеч»), за «Вид», В. Е. Якушкин ошибочно прочел конец публикуемого отрывка: «Ученость и немного странный || Вид...». Следующие за отрывками строф второй главы «Евгения Онегина» стихи не упоминаются В. Е. Якушкиным вовсе, а строфа XXVI четвертой главы романа по недосмотру обозначена как XXVII. Все это предопределяет необходимость осуществляемой ныне полной публикации приведенного текста.

Возникает естественный вопрос о месте публикуемых отрывков в творческой истории второй главы «Евгения Онегина» и их соотношении с другими рукописями этой главы и печатным текстом. Решение его зависит прежде всего от возможности датировки этих черновых отрывков, неожиданно вклинивающихся в черновой текст четвертой главы романа. В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского строфы XXIV—XXVII четвертой главы «Евгения Онегина» датированы 1—5 января 1825 г.²⁰ Действительно, в рукописи после строфы XXIII находятся даты: «1 Генв. 1825» и «31 дек. 1824» (VI, 336). Строфа эта, вводящая читателя в круг событий, последовавших за объяснением Онегина и Татьяны, открывает ряд строф (XXIV, XXIVa—XXIVд; см.: VI, 356—361), сконцентрированных вокруг темы Татьяны и предваряющих как сюжетную коллизию будущей седьмой главы (подготовка к поездке в Москву), так и

¹⁹ См.: Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. — Русская старина, 1884, т. XLIII, июль, с. 31. См. также: Гофман М. Л. Пропущенные строфы «Евгения Онегина». — Пушкин и его современники, вып. XXXIII—XXXIV, Пб., 1922, с. 24, 45—46.

²⁰ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., Изд. АН СССР, 1951, с. 550.

пейзажные описания конца четвертой главы (ср. строфу ХI окончательного текста со строфами ХХIVв и ХХIVд в черновике; см.: VI, 89—90 и 358—359, 360; ср. с. 327). Строфы эти в тетради № 835 занимают л. 52—54, почти не прерываясь другими текстами (исключение составляет небольшой отрывок сцены в Чудовом монастыре из «Бориса Годунова» на л. 52 об.). Листы же 54 об. — 57 об. заняты рядом других произведений Пушкина, датируемых в большом академическом издании периодом с 1 по 25 января 1825 г. (часть «Набросков к замыслу о Фаусте»), незаконченные стихотворения «Я был свидетелем златой твоей весны...» и «[Лишь розы] увядают...», стихотворные отрывки «Скажи мне, Ночь, зачем твой тихой мрак...» и «Он вежлив был в иных прихожих...», эпиграмма на Воронцова «Сказали раз царю, что наконец...» и некоторые другие тексты). Только после этого, на л. 57 об., Пушкин возвращается к «Евгению Онегину», но, изменив ранее намеченный план, переходит к новой теме: для этого создается новая концовка строфы ХХIV («Увы, Татьяна увядает...»), переключающая внимание читателя на тему Ленского («Но полно; нужно мне скорей || Развеселить воображение || Картиной счастливой любви...»; VI, 357), составляющую содержание следующих, ХХV—ХХVII строф (л. 57 об. — 58 об.).

Таким образом, работа Пушкина над ХХIV—ХХVII строфами четвертой главы «Евгения Онегина» не представляла собой единовременного процесса, но подразделялась на два этапа, не обязательно тесно между собой связанных хронологически. Возвращение на л. 57 об. к «Евгению Онегину» не было простым продолжением ранее начатой работы, а переводило ее в новое русло: новая концовка строфы ХХIV и следующие за нею строфы ХХV—ХХVII представляют собой единый комплекс, прямо не вытекающий из первоначального варианта ХХIV строфы и следующих за нею, развивающих ту же тему, отброшенных строф. Поэтому прямая хронологическая последовательность в работе над ними отнюдь не обязательна, и их приурочение к началу января 1825 г. не может считаться несомненным. Косвенные данные, напротив, свидетельствуют о другом. Уже на л. 58 об. за черновым текстом ХХVII строфы четвертой главы «Евгения Онегина» следует заметка ««О стихотворении „Демон“», датировка которой не ограничивается январем 1825 г. (XI, 531); начиная же с л. 59 и до л. 65 следует черновой автограф стихотворения «Андрей Шенья», датированного маем—июнем 1825 г. Все это позволяет поставить вопрос о передатировке ХХV—ХХVII строф четвертой главы «Евгения Онегина» более поздним временем; подтверждением этого могут служить и появляющиеся между ними черновые наброски, относящиеся к нескольким строфам второй главы романа.

Над второй главой «Евгения Онегина» Пушкин работал в основном в конце 1823 г.; январем 1824 г. предположительно датируется ее первая беловая рукопись, существенно отличающаяся

от печатного текста, появившегося в октябре 1826 г. Чрезвычайно близка к последнему вторая беловая рукопись этой главы, относящаяся к началу 1825 г., т. е. ко времени работы Пушкина над четвертой главой романа. Происхождение этой рукописи необычно: Пушкин изготовил ее для перенесшего тяжелую болезнь П. А. Вяземского; первое упоминание об этом содержится в письме поэта к В. Ф. Вяземской от 24 марта 1825 г. (XIII, 156). В письмах к самому Вяземскому от конца марта—начала апреля Пушкин сообщает уже о своей работе над этой рукописью («я переписываю для тебя Онегина»; «Онегина переписываю. Немедленно и он явится к тебе»; см.: XIII, 159, 160). К 20-му числу апреля работа над рукописью была закончена, и А. А. Дельвиг отвозит ее в Петербург Л. С. Пушкину (XIII, 165).

Переписывание второй главы «Евгения Онегина» для Вяземского не было механическим: Пушкин внес в новую беловую рукопись существенные изменения, в частности переработал VI, VII, VIII и X строфы. Можно предполагать, что следы именно этой работы и несет л. 58 тетради № 835; в трех строфах — VII, VIII и X — текст второй беловой рукописи полностью совпадает с последним вариантом публикуемого черновика, и лишь в строфе VI Пушкин в основном возвращается к тексту первой беловой рукописи, хотя учитывает все же и результаты работы над новым черновым вариантом. Сравним:

1-я беловая рукопись

Он из Германии свободной
Привез учености плоды
Вольнолюбивые мечты
Дух пылкой, прямо благородной
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч

(Ф. 244, оп. 1, № 931, л. 4 об.)

2-я беловая рукопись

Он из Германии туманной
Привез учености плоды,
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч

(Там же, № 932, л. 1 об.)

Таким образом, черновые отрывки, публикуемые в настоящей статье, почти несомненно связаны с работой Пушкина над второй беловой рукописью главы «Евгения Онегина». Косвенным подтверждением этого служит характерная ошибка Пушкина при переписывании VII строфы: дойдя до 9-го стиха, он поначалу вписывает его прежний вариант («Он [знал и труд и вдохновенье]»), но затем, видимо, спохватившись, обращается к новой концовке строфы: «Он забавлял мечтою сладкой» и т. д. (ф. 244, оп. 1, № 932, л. 1 об.).²¹ Главный интерес этих отрывков и заключается в том, что они дают возможность проследить харак-

²¹ Возможно, что аналогичный случай наблюдается и при переписывании XXII строфы второй главы: сперва Пушкин повторяет прежний вариант («Вот юность. Ольга подарила || Ему восторгов первый сон»), а затем переделывает этот стих: «Она поэту подарила || Младых восторгов первый сон» (ф. 244, оп. 1, № 932, л. 3). Однако в данном случае отсутствует предшествующая рукопись, содержащая уже этот новый вариант.

тер творческой работы Пушкина при создании второй беловой рукописи и, следовательно, окончательного текста романа, поскольку в строфах VII, VIII и X второй главы этот текст совпадает с последними вариантами черновика.²² Именно в этих случаях (строфы VII, VIII и X) разночтения между первой и второй беловыми рукописями, пожалуй, наиболее значительны: прежние концовки здесь заменялись совершенно новыми. Ср. варианты первой беловой рукописи:

VII

- 9 Он знал и труд и вдохновеень
И освежительный покой
К чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влеченье
Страстей мятежных буйный пир
И слезы и сердечный мир

(VI, 558)

VIII

- 10 Что жизнь их — лучший неба дар —
И мыслей неподкупный жар
И Гений власти над умами
Добру людей посвящены,
И славе доблестно равны

(VI, 558)

X

- 13 Он пел дубравы где встречал
Свой вечный, милый идеал

(VI, 560)

Остальные переделки во второй беловой рукописи носят, как правило, менее радикальный характер;²³ исключение составляет

²² В первом издании второй главы «Евгения Онегина» имелось, правда, одно разночтение в конце строфы VII: последний ее стих читался «И чудеса вообразал» (см.: Пушкин А. Евгений Онегин, роман в стихах. М., 1826, с. 13; курсив мой, — Л. С.). Оно было отмечено в примечании к изданию предшествовавших глав (см.: VI, 640); здесь восстанавливалось чтение рукописи «И чудеса подозревал», которое было затем введено во второе издание второй главы «Евгения Онегина» (1830). Кроме того, в прижизненных изданиях «Евгения Онегина» не воспроизводился конец VIII строфы; впервые, хотя и с ошибками, он был напечатан Г. Н. Геннади, см.: Пушкин А. С. Сочинения, т. 3. Изд. Я. А. Исакова. СПб., 1859, с. 40. Правильное чтение появляется в издании: Пушкин А. С. Сочинения. Изд. осьмое, испр. и доп., под ред. П. А. Ефремова. Т. III. М., изд. Ф. И. Анского, 1882, с. 32.

²³ Я, естественно, не касаюсь здесь вопроса о творческой истории второй главы более широко и не упоминаю поэтому о многих ее деталях, как например исключение целого ряда строф, восстановление некоторых первоначально зачеркнутых и т. д. Речь, таким образом, идет лишь о случаях прямой замены одного текста (или его деталей) другим.

строфа XIV, конец которой также целиком заменяется, частично за счет переработки зачеркнутой XVIII (XI) строфы (см.: VI, 561; ср. с. 37). Кроме того, творческая работа по изменению первоначального текста частично велась непосредственно на первой белой рукописи (см., например, л. 20 об., 21, 24; ср.: VI, 568, 569, 571), вероятно одновременно с переписыванием для Вяземского, хотя, конечно, точно установить, когда появляется этот слой переработок, не представляется возможным; очевидно, что по времени он отделен от первоначального слоя этой рукописи.

Публикуемые черновые отрывки нескольких строф второй главы «Евгения Онегина» проливают, таким образом, некоторый дополнительный свет на историю работы Пушкина над этой главой, обнаруживая следы творческой переработки первоначально сложившегося ее текста и существенно дополняя представление о характере этой работы. Они должны быть учтены при подробном исследовании истории текста и вообще творческой истории «Евгения Онегина». Они помогают, кроме того, уточнить датировку работы Пушкина и над четвертой главой романа: если предположение о непосредственной связи этих черновиков с переписыванием второй главы для Вяземского верно, то создание концовки XXIV—XXVII строф четвертой главы «Евгения Онегина» может быть отнесено к концу марта—апрелю 1825 г., чему не противоречит их положение в рабочей тетради Пушкина почти непосредственно перед черновой рукописью «Андрея Шенье». Следует, наконец, отметить еще одну любопытную подробность: переработка VI, VII, VIII и X строф второй главы «Евгения Онегина» вносит существенные коррективы в характеристику Ленского,²⁴ и осуществляется она именно тогда, когда Пушкин приступил к новой разработке его образа в четвертой главе романа; вполне возможно поэтому, что оба этих процесса взаимосвязаны, и работа Пушкина над образом Ленского получает в результате некоторое новое освещение. Но исследование этого вопроса выходит за пределы задач, стоявших перед публикацией случайно упущенных при издании вариантов «Евгения Онегина» черновых отрывков нескольких строф пушкинского романа.

---

²⁴ См.: Лотман Ю. М. К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, с. 145—147.

Р. Е. ТЕРЕБЕНИНА

НЕИЗВЕСТНАЯ ЗАПИСЬ ПУШКИНА К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

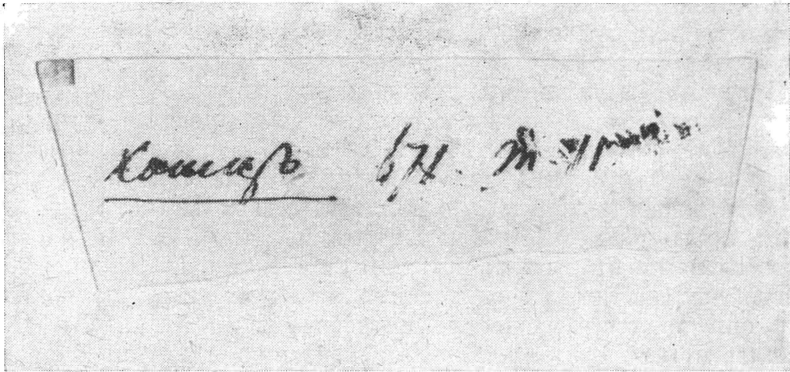
Во II части хранящегося в библиотеке Пушкина издания «Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. Сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером... Перевел с немецкого Дмитрий Языков» (СПб., 1816) мы обнаружили две неучтенные в библиографическом описании библиотеки закладки, одна из которых с автографом поэта. Края закладок, едва выступающие из книги, потемнели от пыли и почти слились с обрезом; очевидно поэтому их не заметил не только Б. Л. Модзалевский, но и другие исследователи, обращавшиеся к этому тому.¹ По почерку, хотя и не слишком характерному, принадлежность автографа Пушкину сомнений не вызывает; специальная экспертиза подтвердила, что и чернила его и бумага обеих закладок пушкинского времени.² Что же касается книги, то достоверно известно, что Пушкин обращался к «Нестору» А.-Л. Шлецера: сохранились его заметки, сделанные при чтении введения («Предуведомления») к изданию (XII, 207—208); в статье о «Слове» он ссылается на мнение «великого скептика» о памятнике, которое приведено на 384-й странице первого тома (XII, 147).

---

¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. — Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, № 431 (далее: БП, №...). В статье Я. И. Ясинского «Работа Пушкина над лексикой „Слова о полку Игореве“» есть ссылки на страницы II тома (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, с. 366).

² Экспертиза была проведена в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР (Ленинград) в октябре 1970 г. Микроскопический анализ показал, что бумага закладок тряпичная (льняная), по структуре и технологии изготовления может быть отнесена ко второй четверти XIX в.; по свечению в ультрафиолетовых лучах она близка к бумаге типа № 212 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, которой Пушкин пользовался в 1828—1834 гг. (см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, с. 332); чернила автографа железогалевые.

Два небольших лоскутка белой бумаги; от длительного лежания в книге на них, особенно на менее плотном без автографа, отпечаталось верхе книжных листов. Лоскуток с автографом лежал в книге сложенным вдвое, и, судя по отпечаткам чернил, он был сложен сразу после заполнения и тогда же сбоку обрезан наискось; нижний край его неровно оборван; размеры лоскутка: 103 (89)×32 (27) мм. На внутренней стороне его темными чернилами написано: «Конец 671. г. II» (слово «конец» подчеркнуто). В книге лоскуток лежал между страницами 670 и 671. На этих страницах, комментируя текст летописи «Олег,

Запись для памяти, сделанная Пушкиным при чтении II части «Нестора. . .» А.-Л. Шлецера в переводе Д. Языкова.

в знак победы, повесил щит свой на градских воротах» («И повеси щит свой в вратах, показуя победу»), Шлецер приводит несколько примеров из древних исторических трудов об обычае разных народов в ознаменование победы вешать на городские ворота щиты и шлемы или вонзать в них копыта и мечи. И в одном из этих примеров, на указанной Пушкиным 671-й странице, встречается слово «конец»: «*Болеслав, король Польский, взял Киев в 1018 г.; вошел в первые ворота, называвшиеся у жителей золотыми, вонзил он мощною рукою конец (обнаженного меча) и, пробив их в самой середине, оставил по себе торжественный знак взятия города или победы над оным. Длуг. 153*» (курсив Шлецера). Со слова «вошел» приводится цитата из «*Historia Polonica*» Яна Длугоша; латинский текст ее дан Д. И. Языковым в примечаниях (с. 820); слов «обнаженного меча» в оригинале нет («*forti brachio mucrone vibrans impigit*»), они добавлены Шлецером и поэтому даны в скобках и мелким курсивом.³

³ См.: Нестор. *Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache: verglichen, von Schreibfehlern und Interpolationen gereinigt, erklärt und übersetzt von August Ludwig Schlözer. Dritter Teil. Göttingen, 1805, S. 291.*

Очевидно, что новый автограф — это запись для памяти. Приведенный Шлецером пример Пушкин хотел где-то использовать. В том же значении, что и в «Истории» Длугоша, слово «конец» употребляется в «Слове о полку Игореве». Перед походом буй-тур Всеволод говорит о своих воинах: «а мои ти Куряни свѣдоми кѣмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възле-лѣяны, конецъ копия въскрѣмлени».

В писарской копии перевода древнего памятника, сделанного В. А. Жуковским, Пушкин знаком «NB» отметил стих «Концем копыя вскормлени».⁴ Так как пушкинская статья о «Слове» обрывается на истолковании слов «свѣдоми кѣмети», смысл этой пометы был до последнего времени неясен и она никем не истолковывалась. Новый автограф позволяет прокомментировать помету.

Пушкина, по-видимому, прежде всего заинтересовал сам факт употребления слова «конец» в цитате из древнего памятника в рассказе о событиях XI в. Оспаривая скептиков, сомневающихся в подлинности «Слова о полку Игореве», Пушкин писал: «Других доказательств нет, как слова самого песнотворца <...> Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления?» (XII, 148). Обратившись при работе над «Словом» к чтению памятников древнерусской письменности, Пушкин отмечает в них словесные и фразеологические параллели к «древнему памятнику нашей поэзии». В хранящемся в библиотеке поэта первом томе «Летописца Руского от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича» (СПб., 1792; БП, № 220), по наблюдениям Я. И. Ясинского, закладки положены в местах, где в фактах или словах обнаруживаются связи со «Словом о полку Игореве».⁵ В тексте «Древнего сказания о победе великого князя Дмитрия Иоанновича Донского над Мамаем» (М., 1829; БП, № 132) Пушкин подчеркнул слова (а на полях поставил крестики и между страницами положил закладки), встречающиеся в «Слове». И интересно, что в писарской копии перевода В. А. Жуковского стихи с этими словами также отмечены знаками «NB».⁶

У Длугоша слово «конец» употреблено без дополнения, т. е. без «обнаженного меча»; последние слова, как мы уже отметили, добавлены Шлецером и поэтому даны в скобках и мелким курсивом, так что сразу видно, что в цитате их нет.

⁴ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 1123, л. 2 об. Опубликовано в кн.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.—Л., «Academia», 1935, с. 130.

⁵ Временник Пушкинской комиссии, вып. 6 с. 339—340.

⁶ Рукою Пушкина, с. 131, 141.

Для слова «конец» такое отпадение дополнения, раскрывающего его содержание (конец *чего*), характерно. С одной стороны, это связано с многозначностью слова, вернее, с широтой его употребления, ибо все имеет *конец* и *начало* (что одно и то же), и этим, вероятно, объясняется большое количество фразеологических выражений со словом «конец» без определяющего слова. С другой стороны, это связано, по-видимому, с устойчивостью его употребления в том или другом значении (ср. у Пушкина: «Младой певец Нашел безвременный *конец!*» — VI, 130; «Щелкалов! разослать Во все *концы* указы к воеводам» — VII, 69, и др.). Но по отношению к какому-либо оружию слово «конец» во времена Пушкина (да и в наши дни) без дополнения не употреблялось. В «Капитанской дочке» Гринев перед дуэлью, «пришед домой, осмотрел свою пшагу, попробовал *ее конец*» (VIII, 303). Вот почему, по-видимому, употребление в цитате из древнего памятника слова «конец» без дополнения, в значении заостряющегося окончания колющего оружия, и привлекло внимание чуткого к языку Пушкина.⁷ В связи с этим он мог обратить внимание и на перевод соответствующего места в «Слове».

Почти все переводчики «Слова о полку Игореве», к переводам которых Пушкин обращался, — А. С. Шишков, И. Левитский, Я. Пожарский, В. Ганка, А. Ф. Вельтман — перевели текст «конец копия вскормлены» так же, как и Жуковский: «концем (ом) копья (ия) вскормлены», лишь Н. Ф. Грамматин, к прозаическому переводу и комментариям которого Пушкин обращался в статье, перевел его как «с острия копья вскормлены».⁸ Форма «*конец* копия» представляет собой беспредложный вини-

⁷ Слово могло заинтересовать Пушкина и в связи с развернувшейся между Ю. И. Венелиным и И. Ф. Калайдовичем полемикой об этимологии слова «князь». Венелин в своей книге сопоставлял его со словами, имеющими в корне элемент *кон*, *кн*: конец, начало, закон, книга (см.: Венелин и Ю. И. Древние и нынешние Болгаре в историческом, политическом и религиозном их отношениях к Россиянам, т. I. М., 1829, с. 48). Критический отзыв о его книге Калайдович напечатал в «Московском вестнике» (1829, ч. VI, с. 146—151): Венелин отвечал ему в статье «Старый долг, или Запоздалая антикритика» (Телескоп, 1832, № 15, с. 394—412).

⁸ См.: Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, ч. VII. СПб., 1826, с. 6 (БП, № 430); Ироническая песнь о походе Игоря на половцев, писанная на славянском языке в XII столетии, ныне переложенная в стихи старинной русской меры Иваном Левитским. СПб., 1813, с. 5 (БП, № 210); Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгород-Северского, вновь переложенное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний. СПб., 1819, с. 9; Слово о плку Игореве. Slovo o plku Iгореve. Slovanom Latinskago pisma. Vierno v podlinnom jazycie, s českym i niemeckum prevodom. Izdano Vjacseslavom Hankuju. V Prazie, 1821, s. 6—7 (БП, № 969); Слово о полку Игоревом и Суд Любуши. Николая Грамматина. М., 1823, с. 39 (БП, № 104—105); Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского. Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом. М., 1833, с. 8 (БП, № 70). См. также: Карамзин Н. М. История государства Российского, т. III. Изд. 2-е, исправл. СПб., 1818, с. 220 (БП, № 177).

тельный падеж; в современном языке он передается с помощью предлога, и с этой точки зрения перевод Грамматина («с остря копь») правильное перевода творительным падежом («концем»); это мог заметить и Пушкин. В связи с нахождением нового автографа мы можем сказать, что Пушкин должен был обратить внимание на то, что Грамматин в переводе заменил слово «конец» (копья) «острием». Оно употреблено в «Слове о полку Игореве» действительно в таком значении (конец копья, т. е. его заостряющееся окончание, острие).⁹ Но поскольку слово «конец» употреблялось в таком сочетании во времена Пушкина, переводить его не было необходимости. В переводе В. А. Жуковского, собственно в его очень близком к оригиналу стихотворном переложении, Пушкин отмечает все случаи неоправданных отступлений от текста памятника. Так, в 194-м стихе, «Тут пир докончили бесстрашные русские», Пушкин подчеркивает два последних слова, видимо оспаривая такой перевод слов «храбри Русичи».¹⁰

И, наконец, приведенный Шлецером факт Пушкин мог использовать для реального и художественного комментария отрывка из древнего памятника. С. П. Шевырев вспоминал, что Пушкин «с глубоким уважением» говорил «о поэтических достоинствах» «Слова о полку Игореве».¹¹ В его статье много тонких и глубоких наблюдений над художественной системой памятника. Истолковывая текст «иже истягну ум крепостию своею и поостри сердца своего мужеством», Пушкин писал: «... иже истягнул ум крепостию. (изтянул — вытянул, натянул, изведаль, испробовал. *Пожарск. <ий>*: опоясал, 1-ые толк. <ователи>: напярғши ум крепостию своею). Изтянул, как лук, изострил, как меч, — метафоры, заимствованные из одного источника» (XII, 150). В переводе А. Ф. Вельмана во фразе «расширив могуществом ум свой» поэт подчеркнул слово «расширив» и на полях написал карандашом: «натянул» (БП, № 70, с. 5). Так перевел и Жуковский («Натянул он ум свой крепостью, Изострил он мужеством сердце»);¹² его перевод Пушкин оставил без замечаний, очевидно признав правильным. Пушкин отводит переводы первого издания, Пожарского и Вельмана, по-видимому потому, что в отличие от Жуковского они не сохранили образности оригинала. Отмеченная Пушкиным глагольная метафора не привлекла внимания специалистов и, видимо, не нашла признания (в современных научных переводах ее нет); но важно, что поэт чутко уловил здесь характерную особенность художественной системы «Слова». В трудах новейших исследователей на массу примеров показано, что военно-феодалный быт того

⁹ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2. Д—Копье. Составитель В. Л. Виноградова. Л., «Наука», 1967, с. 203.

¹⁰ Рукою Пушкина, с. 134.

¹¹ Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней. Вып. 2. М., 1846, с. 259.

¹² Рукою Пушкина, с. 128.

времени нашел в памятнике широкое и многообразное отражение и наряду с земледельческим трудом и природой явился одним из источников его образности. Военная символика определила и характеристику древнерусского воина в рассматриваемом нами тексте («под трубами повити, под шеломы взлелеяны, конец копия вскормлены»). Приведенные Шлецером факты Пушкин мог использовать и для истолкования художественного образа, источником которого они являются и содержание которого они определяют.

Вторая закладка лежала в книге между страницами 780 и 781, в тексте II прибавления к тому, названного Шлецером «Землеописание России, из ... столетия». Отрывок этот, извлеченный им из списка летописи, принадлежавшего Г. А. Полетики, относится к «географии среднего века». Он содержит в себе перечень, видимо по княжествам, городов русских (Европейской части, до Волги) и частично — смежных с ними земель (на западе), с указанием, на каких реках стоят города; при некоторых городах отмечается, каменные они или деревянные (например: «На Стугне: Белгород <...> Киев древян на Днепре, а церковь десятинная каменна <...> На Десне: Чернигов <...>»). На страницах, между которыми лежала закладка, находится перечень городов киевских (продолжение), волынских, литовских (среди них указано много русских городов) и рязанских. В библиотеке поэта немало книг по географии — не только общих трудов, но и описаний отдельных областей и городов, карт и планов. При работе над многими произведениями и трудами Пушкин проводил географические разыскания, отсюда необыкновенная точность его описаний. Так, работая над «Полтавой», поэт набрасывает карту Украины; в материалах к «Истории Пугачева» сохранился начертанный им план района при Чесноковке, в материалах к «Истории Петра» — набросок карты с расположением городов: Витебска, Минска, Орши, Смоленска и Могилева. Географические описания и планы помогали поэту конкретнее и нагляднее представить место действия и ход событий. Интерес к русской исторической географии был связан у Пушкина, по-видимому, также с его работой над «Словом о полку Игореве» (в перечне встречаются почти все города и реки, упоминаемые в памятнике), но он мог быть отражением и его более общих интересов к истории древней Руси. Заметки при чтении Шлецера о введении к «Нестору» свидетельствуют о внимании Пушкина к дебатировавшимся в то время в критике проблемам древней русской истории.

Эти заметки на основании упоминания в них «статьи», т. е. «Философического письма», П. Я. Чаадаева, в октябре 1836 г. появившегося в «Телескопе», датируются концом 1836 г. На основании же письма А. И. Тургенева от 13 декабря 1836 г. к брату Николаю, концом 1836 г. датируются и заметки и статья Пушкина о «Слове о полку Игореве», в которой он ссылается на мнение Шлецера, высказанное последним на с. 384 первого тома. Оче-

видно, этим же временем следует датировать и пушкинские закладки при чтении второго тома «Нестора».

Найденные материалы, не столь значительные сами по себе, вносят интересные штрихи и проясняют некоторые моменты большой работы Пушкина над «Словом о полку Игореве». Они свидетельствуют, что Пушкин читал не только первый, но и второй том «Нестора» Шлецера и, по-видимому, все издание. Факт этот заслуживает специального рассмотрения сам по себе и особенно в связи со свидетельством А. И. Тургенева, что Пушкин готовил критическое издание «Слова о полку Игореве» — «вроде Шлецера „Нестора“». ¹³ Новый автограф позволяет также установить время работы Пушкина над переводом «Слова» В. А. Жуковского, до сих пор определявшееся предположительно.

Замечания Пушкина в писарской копии перевода Жуковского сделаны карандашом и чернилами. Первый раз он прочел перевод до конца с карандашом в руках. Замечания чернилами, во многих случаях уточняющие пометы карандашом, а в некоторых — отменяющие их, обрываются на середине перевода (на стихе 263). Неизвестно, когда Жуковский передал Пушкину свой перевод «Слова». Предполагают, что не ранее получения Пушкиным перевода от А. Ф. Вельтмана (в феврале 1833 г.), послужившего, по-видимому, толчком для его занятий «Словом». В кратком описании автографов Пушкина замечания в переводе Жуковского датированы серединой ноября 1833 — декабрём 1836 г. — временем общения поэта с Жуковским после получения перевода Вельтмана. ¹⁴ Но Т. Г. Зенгер (Цявловская) еще в 1935 г. отнесла их «к 1836 г., и, может быть, точнее — к декабрю этого года», когда, по свидетельству современников, Пушкин вплотную занимался памятником. ¹⁵ Н. К. Гудзий, обратив внимание на «соответствие, почти полное», поправок и помет Пушкина в переводах Жуковского и Вельтмана с его толкованием текста в набросках и статье (что говорило об их «одновременности», или, вернее, близости во времени), согласился с этой датировкой. ¹⁶ Запись при чтении II тома «Нестора» Шлецера подтверждает предположение Т. Г. Зенгер и Н. К. Гудзия. Если приведенный Шлецером факт Пушкин хотел использовать для комментирования текста «Слова» и именно с этим связана его помета в переводе Жуковского (а иное

¹³ В письме к Н. И. Тургеневу от 13 декабря 1836 г., см.: Шеголев П. Н. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., 1928, с. 278. Напомним, что А. И. Тургенев учился в Геттингене у Шлецера и был в числе русских студентов, помогавших последнему в работе над «Нестором» (Русская старина, 1882, т. XXXIV, май, с. 449).

¹⁴ См.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. Составила О. С. Соловьева. М.—Л., «Наука», 1964, с. 40, № 1123.

¹⁵ Рукою Пушкина, с. 147.

¹⁶ Гудзий Н. Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. Сборник статей под ред. проф. А. Еголина. М., 1941, с. 268—269.

толкование записи трудно найти), то запись при чтении «Нестора» должна предшествовать помете (карандашом) в переводе. Дата записи — конец 1836 г., не ранее октября; значит, первый раз Пушкин обратился к переводу Жуковского не ранее этого времени. Так как некоторые сделанные чернилами пометы Пушкина в переводе, нашедшие отражение в заметках, отменяются в статье (например, перестановка стихов 46, 47 и 48), то очевидно, что поправки в переводе чернилами предшествовали статье, датированной декабром 1836 г. Следовательно, время работы Пушкина над переводом Жуковского — конец 1836 г., не ранее октября, но и не позже начала декабря.

Е. М. ДВОЙЧЕНКО-МАРКОВА

ЗАМЕТКИ О ПУШКИНЕ И БЕЖЕНЦАХ ЭТЕРИИ В КИШИНЕВЕ

Жизнь Пушкина в Бессарабии и значительная часть его творчества тесно связаны с греческим национально-освободительным восстанием, известным под названием *этерии*,¹ которое начато было на территории Молдавии и Валахии сыном валахского господаря, генералом русской службы Александром Ипсиланти. О знакомстве и дружеских связях Пушкина с Ипсиланти и его сподвижниками в настоящее время известно довольно много. Однако в новейших работах об *этерии* исторического характера, появившихся как у нас, так и за рубежом, можно найти ряд данных, представляющих интерес для биографии Пушкина кишиневского периода, которые могут также служить порой немаловажными пояснениями для его произведений и творческих замыслов этих лет. В настоящей статье мы стремимся, не повторяя широко известные факты, пополнить их новыми данными и соображениями, которые, с нашей точки зрения, могут сказаться существенными для дальнейшей разработки творческой биографии Пушкина 1820—1822 гг.

---

¹ Первое тайное общество под названием «*Этерия*» было основано в Вене поэтом Ригасом Велестинлисом (1796), автором известного военного гимна. В 1814 г. в Одессе возникла новая организация, называвшаяся «*Филики Этерия*» (т. е. «Общество друзей»), в 1821 г. руководившая восстанием против турок в Молдавии, Валахии и Морее. Слово «*этерия*» и производные от него были известны Пушкину и употреблялись им только в этой форме (см.: Словарь языка Пушкина, т. IV. М., 1961, с. 1011). Между тем в русской печати, и в частности в литературе о Пушкине, *этерию* нередко называли также *гетерией*, а участников движения — *гетеристами*, воспроизводя древнегреческое придыхание, чуждое новогреческому языку начала XIX в. (см. «Геллада» вместо «Эллада» от греч. Ἑλλάς в вин. падеже ед. ч.). Возможно, впрочем, что такая транскрипция восходит к французским *Hétairie*, *hétairiste* (от греч. ἑταῖρῆα — «товарищество»). См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 523. Болгары — современники восстания 1821 г. называли *этерию* — «*заверой*», см.: Тодоров Н. Филики *этерия* и болгары. София, 1965. «*Заверой*» *этерия* называлась также в Молдавии и Валахии.

В работах об этерии Г. Л. Арша,² И. Иовва³ и других отношении Пушкина к этеристам представляются в несколько иной перспективе, нежели они изображались еще в недавнее время.

Следует прежде всего отметить выявленные здесь более подробно связи братьев Ипсиланти с будущими декабристами. Теперь уже ни для кого не тайна, что, как пишет Г. Л. Арш, «в процессе подготовки греческой революции 1821 года возникло взаимодействие между революционными силами Греции и России»; он отмечает, что идейное воспитание, полученное в среде передового русского офицерства, помогло братьям Ипсиланти найти свое место в строю борцов за революционное ниспровержение османского ига в Греции.⁴

Семья Ипсиланти была издавна связана с тайной подготовкой освободительного движения на Балканах, в частности с началом греческой революционной борьбы за независимость, в лице ее первого руководителя и идеолога поэта Ригаса. Ригас был одно время секретарем деда Александра Ипсиланти — великого драгомана Порты, ставшего затем господарем в Валахии и в Молдавии. Когда заговор Ригаса был раскрыт, отец Александра Ипсиланти пытался спасти поэта. Таким образом, в семье Ипсиланти история жизни и борьбы Ригаса была известна из первых уст и оказала решающее влияние на Александра и его братьев, последовавших примеру замечательного греческого революционера. Биографы Александра Ипсиланти отмечают, что он еще с юных лет строил планы освобождения Греции и его любимой песней был знаменитый военный гимн Ригаса, в котором поэт призывал все балканские народы к вооруженному восстанию.

В апреле 1820 г. представители тайной греческой организации «Филики Этерии» отправились в Петербург, чтобы предложить Александру Ипсиланти возглавить национально-освободительное движение. Высокое положение Александра Ипсиланти в русском обществе, его звание царского флигель-адъютанта создавали в глазах соотечественников особый ореол, «символизируя заинтересованность русского правительства в деле этерии». Поэтому, когда из Петербурга начали приходить воззвания и письма Александра

---

² Имеем в виду следующие работы Г. Л. Арша: 1) *Историография «Филики Этерии»*. — *Новая и новейшая история*, 1964, № 3, с. 53—63; 2) *Тайное общество «Филики Этерия»*. Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М., 1965; 3) *Этеристское движение в России*. М., 1970. Аршу принадлежит также статья «К вопросу об идейном воздействии Великой французской революции на балканские народы. (Неизвестный текст конституции и «Военного гимна» Ригаса Велестинлиса)». — В кн.: *Французский ежегодник*, 1963. М., «Наука», 1964. См. также: Вурнас Т. «Филики Этерия». — *Новая и новейшая история*, 1964, № 3, с. 34—40.

³ Иовва И. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кпшинева, 1963. См. также статью И. Иоввы «Пушкин в Кпшинева» в «Литературной газете» (1974, № 14, 3 апреля), где опубликованы выдержки из бумаг, хранящихся в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде (из архива П. Д. Киселева).

⁴ Арш Г. Л. Этеристское движение в России, с. 350.

Ипсиланти к «братьям и дорогим соотечественникам», их рассматривали как обещание русской помощи.⁵

Получив двухлетний отпуск для лечения, Александр Ипсиланти выехал в Москву, а оттуда на юг России, где стал собирать вокруг себя эмигрантов из Греции, Молдавии и Валахии. В Кишиневе он привлек к сотрудничеству двух братьев — князей Кантакузиных, Георгия и Александра. Как и братья Ипсиланти, они были потомками древнего греческого рода, обосновавшегося в Валахии и Молдавии. Мать их была дочерью молдавского господаря Григория Каллимаки. Отец их эмигрировал в Россию в конце XVIII в., и сыновья получили русское воспитание. Георгий Кантакузин был, как и Александр Ипсиланти, участником Отечественной войны и вышел в отставку в чине полковника. Александр Кантакузин, камер-юнкер, имел свой дом в Кишиневе — один из лучших каменных домов города, где собиралось, по утверждению И. П. Липранди, только избранное общество. Там Пушкин сблизился с французом Л. Репей, литератором и воспитателем детей князя, впоследствии переводчиком на французский язык поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (М., 1830).⁶ Оба князя стали ближайшими сотрудниками Александра Ипсиланти и активными участниками этерии. Пушкин особенно любил бывать в доме Георгия Кантакузина, женатого на сестре лицейского товарища поэта, будущего государственного канцлера России — А. М. Горчакова. Согласно бессарабским преданиям, в архиве Кантакузиных (вывезенного впоследствии в Яссы) хранились письма и стихи Пушкина; местонахождение их ныне неизвестно.

Таким образом, Пушкин в Кишиневе сразу же соприкоснулся с главными организаторами греческого национально-освободительного движения, подготовка к которому велась чрезвычайно активно. Здесь заготавливались воззвания к балканским народам, писались письма и посылались нарочные в Молдавию, Валахию, Сербию и Грецию. Александр Ипсиланти и Георгий Кантакузин не раз выезжали из Кишинева на границу Молдавии в Скуляны для свидания с их уполномоченными.

Давно уже пора развеять старую легенду о том, что выступление Александра Ипсиланти оказалось для жителей Кишинева полной неожиданностью. Мало того, постепенно выясняется, что местные официальные круги не только знали о приготовлениях к восстанию, но и оказывали Александру Ипсиланти и его соучастникам всяческую поддержку.

---

⁵ Там же, с. 244, 251.

⁶ О знакомстве Пушкина с этим французским литератором свидетельствует в своих воспоминаниях И. П. Липранди (Русский архив, 1866, № 8—9, стлб. 1236). Последний утверждает, что фамилия этого француза была Рипе и что он был гувернером трех сыновей А. М. Кантакузина. На самом деле его звали Люсьен Репей (L. Rereu); известно также, что он был сотрудником одесского альманаха «La Quêteuse» (1834), где появился его перевод элегии Батюшкова «Умирающий Тасс».

Греческий историк, участник этерии И. Филимон, касаясь подготовки восстания, пишет: «В это время генерал Михаил Орлов командовал передовым отрядом на Пруте, который входил в состав Южной армии под командованием Витгенштейна. Находясь с ним в дружеских отношениях <...> и будучи вполне уверен в либеральных чувствах генерала, Ипсиланти с уверенностью изложил ему, в чем заключались его цели в связи с Грецией, и очень долго добивался, чтобы он со всеми войсками, которыми командовал, участвовал в переходе Прута. Ипсиланти предлагал: он с греками немедленно перейдет Прут, а Орлов вступит с русскими в княжества, как правитель».⁷

Недавно были опубликованы архивные документы, из которых следует, что генерал И. Н. Инзов и генерал Киселев выражали симпатии грекам и «сквозь пальцы» смотрели на все мероприятия, связанные с их подготовкой к выступлению. Посылая доклад царю о начавшемся восстании, Инзов не упомянул о том, что перед этим происходило в самом Кишиневе, и на запрос: «были ли ему известны действия Ипсиланти во время его пребывания в области и Кишиневе» — уклончиво ответил, что Ипсиланти «так сумел скрыть свой план, что даже никто из его родных не знал об этом».⁸ Вместе с тем Инзов продолжал тайно выдавать паспорта желающим присоединиться к войску Ипсиланти. Известно, что одесская эфория «Филики Этерии» в письме к Инзову от 12 ноября 1821 г. выразила ему благодарность за оказанные этеристам многочисленные услуги.⁹

О существовании этерии и о планах Ипсиланти, без сомнения, осведомлен был также М. Ф. Орлов; это известно нам из фактов, собранных греческим историком «Филики Этерии» И. Филимоном,¹⁰ а также из собственных свидетельств Орлова. В письме от 9 июля 1820 г. (т. е. вскоре после своего назначения командующим 16-й дивизией) Орлов писал А. Н. Раевскому, имея в виду освобождение Греции: «Ежели б 16-ую дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить. Полки славные, все сибирские кремни. Турецкий булат о них притупился».¹¹

Зная близость Пушкина к Инзову и М. Ф. Орлову и его частые встречи с главными руководителями этерии в Кишиневе, трудно согласиться с тем, что начавшееся восстание явилось для него неожиданностью. Поэт вел дневник греческого восстания,

⁷ См.: Aricescu C. Istoria revoluțiunii române dela 1821. Craiova, 1874, p. 84; Иовва И. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение, с. 84—85; Нечкина М. В. Движение декабристов, т. I. М., 1955, с. 327.

⁸ Иовва И. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение, с. 20—24.

⁹ См.: Арш Г. Л. Тайное общество «Филики Этерия», с. 96.

¹⁰ Там же, с. 97.

¹¹ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 225.

который он вместе с другими кишиневскими записками, по его собственному признанию, «принужден был сжечь <...> в конце 1825 года, при открытии несчастного заговора» (XII, 310). До нас, однако, дошло несколько отрывков, о которых можно предполагать, что они в той или иной форме входили в эти «сожженные» записки и, следовательно, избежали уничтожения.¹² Сюда относятся прежде всего две так называемые исторические «заметки» (писанные на французском языке): «Заметка о восстании Ипсиланти» («Note sur la révolution d'Ipsylanti») (XII, 190) и «Заметка о Пенда-Деке» («Note sur Penda-Déka») (XII, 190—191). Эти заметки указывают на основательное знакомство Пушкина не только с текущими событиями, но и с историей возникновения этерии, связанной с судьбой поэта Ригаса Велестинлиса и с семьей Ипсиланти. Сюда же относится так называемое черновое письмо Пушкина от начала марта 1821 г. к В. Л. Давыдову (XIII, 22—24), о котором теперь высказано правдоподобное предположение, что оно является «написанными под видом письма страницами записок Пушкина о греческой революции».¹³

В «Заметке о восстании Ипсиланти» (XII, 190, 414) Пушкин, упоминая сподвижников «безрукого князя», среди «капитанов <...> облеченных некоторой властью», первым называет некоего Лампро (Lampro). Об этом лице в литературе о Пушкине сведений не сообщалось. В комментарии к названной заметке прямо указывалось: «Кто такой Лампро — нам неизвестно».¹⁴ Только сейчас начинают появляться в исторических исследованиях кое-какие сведения об этом интересном человеке — греческом поэте, авторе военных стихов, близком к Ригасу и Ипсиланти.¹⁵

Мало-помалу для нас становятся более ясными или менее загадочными многие другие лица из кишиневского общества, которых упоминает Пушкин в своих бумагах этого времени. Так, например, в записи дневника (веденного в Кишиневе) от 2 апреля 1821 г. мы находим следующие строки: «Вечер провел у Н. Г. —

¹² Такое предположение высказал И. Фейнберг, см. его статью «Сожженные записки Пушкина» в кн.: Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 5-е. М., 1969, с. 291. И. Фейнберг полагает, что указанные заметки были «продолжением задуманной Пушкиным серии писем о греческой революции» (т. е. так называемого письма к В. Л. Давыдову), что они писаны позднее и должны быть датированы июнем 1823 и июлем 1824 г.

¹³ Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина, с. 290. С указанными догадками И. Фейнберга высказал полное согласие И. Сливенски в статье «Пушкин о греческом восстании и о некоторых участниках восстания в Дунайских княжествах», помещенной в периодической серии Болгарской Академии наук: *Etudes Balkaniques*, 7, Sofia, 1968, p. 235—248.

¹⁴ Селинов В. И. Комментарии к отрывку «Из журнала греческого восстания», писанного Пушкиным в 1821 г. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVI—XXXIX. Л., 1930, с. 66. В «Справочном томе» академического издания (Л., 1959, с. 259), по неизвестным для нас основаниям, Лампро отождествлен с «Ламбро Капиони».

¹⁵ Elian Al. Sur la circulation manuscrite des écrits politiques de Rhigas en Moldavie. — *Revue roumaine d'histoire*, București, 1962, № 2, p. 495.

Прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками, я один говорил как грек — все отчаявались в успехе предприятия *Этерии*» (XII, 302). Кто такая Н. Г.? Высказывалось предположение, что под этими инициалами скрыта Елена Гартинг, упомянутая Пушкиным и в другой записи (от 31 марта 1831 г.).¹⁶ Друг Пушкина К. К. Данзас уверял, что в ее доме жила гречанка, воспетая Пушкиным; таким образом, слова «прелестная гречанка» относятся не к Елене Гартинг.¹⁷

Сочувствуя делу освобождения Греции и веря в его успех, Пушкин мечтал принять непосредственное участие в восстании. 9 мая он записывает в дневнике: «Третьего дня писал я к князю Ипсиланти с молодым французом, который отправляется в греческое войско». Возможно, что речь шла о женевце Бордые, вступившем в Священный батальон Александра Ипсиланти и погибшем в бою под Драгашанами.¹⁸

Надеясь на помощь России, А. Ипсиланти спешил заверить своих соратников, что он действует с ведома русского правительства и что «русские войска в Бессарабии получили секретный приказ быть в готовности». В Яссы А. Ипсиланти явился в русском мундире при русских орденах, и слова его первых прокламаций давали понять, что «Россия споспешествует его предприятию».¹⁹

К сожалению, Ипсиланти не учел того, что во внешней политике русского правительства произошли большие изменения и что созданный Александром I реакционный Священный союз, с его принципами легитимизма и консерватизма как основы международных отношений, не позволял России следовать своей традиционной политике покровительства угнетаемым балканским народам, вплоть до вооруженного вмешательства, — политике, которая была ее официальной доктриной с XVIII в.

Современные советские историки недавно опровергли распространенное на Западе мнение о том, что Россия была вдохновительницей *этерии* и что Александр I знал о готовящемся греческом восстании. Подготовка вооруженной борьбы за освобождение

¹⁶ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества Пушкина, т. I. М., 1951, с. 289.

¹⁷ См.: Из черновых заметок П. В. Анненкова для биографии Пушкина. — В кн.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 338. Елена Гартинг в действительности не была гречанкой. Урожденная Стурдза, она принадлежала к старинному молдавскому роду. Ее брат Михаил Стурдза, а затем и ее сын от первого брака — Григорий Гика были господами Молдавии. Сама она была замужем вторым браком за русским генералом Гартингом, который был губернатором Бессарабии с 1813 по 1817 г. Интересные подробности о Елене Гартинг сообщает в своих мемуарах участник русско-турецкой войны 1806—1812 гг., французский эмигрант Рошешуар (Rochechouart L. V., de. Souvenirs sur la révolution, l'empire et la restauration. Paris, 1892). См. также: Rosetti R. Amintiri, vol. I, p. 248; Бантыш-Каменский Д. Н. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810, с. 147.

¹⁸ Documente privind istoria României. Răscola din 1821. Vol. 5. București, 1962, p. 220, 390.

¹⁹ Documente privind istoria României, p. 185.

Греции велась без ведома и вопреки новой политике петербургского двора в отношении Балкан, в которой оказалось невозможным совместить традиционное покровительство России угнетенным народам с верностью принципам Священного союза.²⁰

Без вооруженной поддержки России выступление Александра Ипсиланти было обречено на провал. После того как Александр I осудил действия Ипсиланти, заявив, что восставшие не получат никакой помощи со стороны России, молдавский господарь Михаил Суцу, примкнувший было к этерии, одним из первых покинул Молдавию. Еще раньше бежал в Россию с семьей один из самых видных молдавских русофилов — Иордаки Росетти-Рознован. Вслед за ними поток беженцев наводнил Кишинев. 5 мая 1821 г. Инзов писал А. Ф. Ланжерону: «Кишинев наполнился выходцами из Молдавии и Валахии. Население всей Бессарабии по крайней мере удвоилось».²¹ В официальном рапорте от 11 мая 1821 г. Инзов сообщал подробности: «Почти все молдавские бояры выехали к нам и частью в Австрию. Бедные же поселяне, побуждаемые робостью, составляют плоты из камыша и с помощью сего крайнего способа переправляют к нам себя, жен, малолетних детей и имущество, какое забрать успели. Настоящее положение их представляет весьма трогательную картину. Если турецкое правительство действительно решилось занять всю Молдавию своими войсками, то наверно сказать можно, что земля сия совершенно будет пуста, ибо к удержанию побегов нет никаких средств».²²

По словам А. Ф. Вельтмана, «Кишинев был в это время басейном князей и вельможных бояр из Константинополя и двух княжеств; в каждом доме, имеющем две-три комнаты, жили переселенцы из великолепных палат Ясс или Букареста <...> Прежде было приятно жить в Кишиневе, но прежде были будни перед настоящим временем. Вдруг стало весело даже до утомления. Новые знакомства на каждом шагу <...> На каждом шагу загорался разговор о делах греческих: участие было необыкновенное. Новости разносились, как электрическая искра, по всему греческому миру Кишинева. Чалмы князей и кочулы бояр разъезжали в венских колясках из дома в дом с письмами, полученными из-за границы. Можно было выдумать какую угодно нелепость о победах греков и пустить в ход; всему верили, все служило пищей для толков и преувеличений».²³

²⁰ См.: Арш Г. Л. Этеристское движение в России, с. 347—350; Дюстян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 82, 178, 195.

²¹ Из архивных данных, опубликованных в кн.: Иовва И. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение, с. 34.

²² См.: Селинов В. И. Из истории национально-освободительной борьбы греков и румын в начале XIX в. (По архивным данным). — Новый Восток, М., 1928, кн. 20—21, с. 342.

²³ Вельтман А. Ф. Бессарабские воспоминания о Пушкине. — В кн.: Майков Л. Н. Пушкин. СПб., 1899, с. 117—118. Ср.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников в двух томах, т. I. М., 1974, с. 497—500.

Самым видным и влиятельным среди молдавских бояр, бежавших в Кишинев, был Иордаки Росетти-Рознован, владелец знаменитого поместья Стынка, находившегося на правом берегу Прута, напротив Скулян (слово «стынка» означает на молдавском языке «скала»). Имение Рознована служило местом сосредоточения этеристов при их отступлении, и оно неоднократно упоминается Пушкиным в его черновых набросках, связанных с описанием этерии.²⁴ Вокруг Иордаки Росетти-Рознована группировалась почти вся молдавская знать, видевшая в нем ближайшего кандидата на молдавский престол. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Рознован оказал важные услуги русской администрации в Молдавии. Его административный талант был отмечен Ланжероном, который считал Рознована и его сына Николая самыми выдающимися и достойными среди молдавских бояр. Иордаки Росетти-Рознован был твердо уверен, что Россия поддержит греческое восстание и что ее войска войдут в Молдавию и Валахию. Занимая выжидательную позицию, он прожил в Бессарабии до 1824 г., поддерживая оживленную переписку с Петербургом. Среди его бумаг были найдены письма И. Каподистрии, Строганова, М. С. Воронцова, А. Ф. Ланжерона и других русских сановников. Сохранился также его меморандум о Молдавии Александру I, написанный в Кишиневе.²⁵

В своих воспоминаниях Липранди уделяет очень мало внимания Розновану и его сыновьям, среди которых Николай не уступал своему отцу в политических талантах и в связях с Петербургом. Он был в переписке с Ф. Витгенштейном, Строгановым, М. С. Воронцовым, Д. В. Дашковым и посылал русскому правительству проекты конституции для Молдавии, рассчитывая, как и его отец, стать господарем. Николай Росетти-Рознован получил образование во Франции и в Германии, откуда вернулся полный либеральных идей. Отличаясь страстью к чтению, он собрал у себя в Стынке лучшую в Молдавии библиотеку.²⁶ В Кишиневе у Николая Рознована собиралась молдавская молодежь, любившая потолковать о политике. По-видимому, среди них были те представители «кишиневской молодежи», которые, по свидетельству Липранди, «увивались за Пушкиным»²⁷ и о которых М. С. Воронцов, требуя удаления поэта из Одессы и Кишинева, писал как о «скверном обществе молодых бояр», находя связи их с Пушкиным политически опасными.²⁸

²⁴ См. первоначальный план повести «Кирджали» (VIII, 838) и «Note sur Penda-Déka» (XII, 190—191).

²⁵ Меморандум был озаглавлен «Reflexions sur la Moldavie» (Gen. Rosetti Radu. Familia Rosetti. București, 1937, p. 93—95).

²⁶ Rosetti Radu. Familia Rosetti, p. 121; Paracostea C. T. O bibliotecă din Moldova la începutul secolului al XIX-lea. Biblioteca dela Stinca. — Studii și cercetări de bibliologie, vol. V, 1963, p. 215—220.

²⁷ См.: Летописи Государственного Литературного музея, кн. I. Пушкин. М., 1936, с. 556.

²⁸ Русская старина, 1879, октябрь, с. 292.

Такие видные представители молдавского общества, как Иордаки Росетти-Рознован и его сын Николай, не могли пройти мимо внимания Пушкина и, возможно, заняли свое место в сожженных кишиневских записках поэта среди «исторических лиц», о которых он говорил «с откровенностью дружбы или короткого знакомства».

Зато и в пушкинских стихах, и в воспоминаниях современников сохранились подробности о знакомстве поэта с самым открытым из домов молдавских бояр — с домом Смаранды Богдан, вдовы молдавского ворника Димитрия Богдана. Липранди ошибается, называя ее вдовой «великого ворника Богдана, казненного князем Морузи вместе с его логофетом Кузою».²⁹ Ворник Манолаки Богдан был казнен в 1778 г., когда Смаранда Богдан была еще ребенком. Она стала женой сына казненного Богдана — Димитрия. Казнь Манолаки Богдана была крупным историческим событием. Принадлежа к одному из самых старинных молдавских родов, умный и образованный ворник Богдан был чрезвычайно популярен среди своих соотечественников. Господарь Константин Морузи, боясь популярности Богдана, ложно обвинил его и Иона Кузу в придворных интригах. Казнь вызвала открытое возмущение среди населения Молдавии и оставила следы в народном фольклоре.³⁰ Смаранда Богдан тоже не была чужда политике. Будучи связана родственными узами с Иордаки Росетти-Рознованом, она смолоду примкнула к партии сторонников России и возглавила торжественную встречу Кутузова в Яссах в 1810 г.³¹ В том же году она известила Рознована о связи некоторых бояр с Наполеоном, и это позволило русским пресечь измену в самом начале.³²

По словам одного французского путешественника по Востоку, «имя мадам Богдан было связано со многими историческими событиями, в том числе с Венским конгрессом», где прекрасная молдаванка привлекла всеобщее внимание.³³ Позже о ее политическом салоне в Яссах отзывались как о центре молдавских сторонников

²⁹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стлб. 1242. Впервые на эту ошибку было указано в нашей статье: Dvoicenco Eufrosina. Puşkin și refugiații Eteriei la Chişinău. — Artă și tehnică grafică, Caietul 9, Bucureşti, 1939, p. 27.

³⁰ См.: Stihuri asupra pieirii vornicului M. Bogdan și a spătarului J. Cuza. — In: Cronici și povestiri românești versificate. Sec. XVII—XVIII. Bucureşti, 1967, p. 197—220; Jorga N. Histoire des Roumains, vol. VIII. Bucureşti, 1929, p. 51.

³¹ Об этом рассказывал сам Кутузов в письме своим дочерям из Ясс от 27 марта 1810 г. (письмо было опубликовано, см.: Revue de Paris, 1935, 15me avril, p. 791). См.: Bezviconi Gh. Călători ruși în Moldova și Muntenia. Bucureşti, 1947, p. 178.

³² См.: Gen. Rosetti Radu. Familia Rosetti, p. 110; Rosetti R. 1) Amintiri, vol. I, p. 97—98; 2) Arhiva senatorilor din Chişinău. Bucureşti, 1909, p. 104—110.

³³ См.: Hommaire de Hell Xavier. Voyage en Turquie et en Perse, vol. I. Paris, 1854, p. 186.

России.³⁴ Современник Пушкина в Кишиневе Ф. Ф. Вигель утверждал, что Смаранде не чужды были и литературные увлечения. В своих воспоминаниях он упоминает об одном ее произведении, в котором она описывала на французском языке путешествие по Италии.³⁵ Рассказывая о беженцах этерии в Кишиневе, Липранди говорит, что «Богданша жила открыто более других». У нее каждую неделю было три приемных вечера с оживленной карточной игрой; особенно славились ее танцевальные вечера.³⁶ Несмотря на свои 50 лет, Смаранда Богдан выглядела молодой, любила танцы, но наибольшим ее пристрастием была карточная игра. В «Джоке» Вельтмана она изображена пляшущей с Иордаки Рознованом:

Рознован — «качула маре»,
С Богданясою «пофтим».³⁷

А в своем шуточном стихотворении, в ряде изданий получившем условное название «Кишиневские дамы», Пушкин изображает ее как своего постоянного партнера в карточной игре:

Ты с утра до поздней ночи
Рада в банк играть со мной.

(II, 192)

Дом Смаранды Богдан привлекал Пушкина и присутствием в нем красивой дочери Богданши — Марии (Маргиолицы) Балш, о которой Липранди писал: «Она была женщина лет под тридцать, довольно пригожа, чрезвычайно остра и словоохотлива. Владела хорошо французским языком и с претензиями. Пушкин был также непрочь поболтать, и должно сказать, что некоторое время это и можно было только с ней одной. Он мог иногда доходить до речей весьма свободных, что ей очень нравилось, и она в этом случае не оставалась в долгу. Действительно ли Пушкин имел на нее какие виды или нет, сказать трудно».³⁸

Другой современник Пушкина в Кишиневе, князь П. И. Долгоруков, более определенно пишет о чувствах Пушкина к Марии Балш: «Пушкин, любя страстно женский пол, а в особенности, как полагают, г-жу Балш...» и т. д.³⁹ По-видимому, это было взаимное увлечение. Пушкина всегда привлекали в женщинах «остроумие, блеск и внешняя красота»,⁴⁰ а Мария Балш соединяла

³⁴ Colectia Hurmuzaki, Documente, vol. XVII, p. 531; Bezviconi Gh. Călători ruși în Moldova și Muntenia, p. 178.

³⁵ Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. 6. М., 1892, с. 194.

³⁶ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, стлб. 1243.

³⁷ «Качула маре» — большая (высокая) шапка; «пофтим» — пожалуйста. Полный текст «Джока» см. в нашей книге: Двойченко-Маркова Е. М. Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века. М., 1966, с. 66—67.

³⁸ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, стлб. 1422.

³⁹ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни... [Дневник]. — Сб. «Звенья», 1951, т. IX, с. 52.

⁴⁰ Керн А. П. Воспоминания. Л., «Academia», 1929, с. 291.

в себе все эти достоинства.⁴¹ Однако роман этот продолжался недолго. По словам Липранди, «в это время появилась в салонах некто Альбрехтша, она была годами двумя старше Балш, но красивее, с свободными европейскими манерами; много читала романов, многие проверяла опытом, и любезностью своей поставила Балш на второй план; она умела поддерживать салонный разговор с Пушкиным и временно увлекла его». В неопубликованной части рукописи воспоминаний Липранди даны о ней интересные биографические подробности.⁴² В текст Липранди вкрались, однако, некоторые неточности, которые были нами в свое время исправлены и пополнены по румынским источникам.⁴³ «Альбрехтша» принадлежала к старинному роду молдавских бояр Башота. Шестнадцати лет она была выдана замуж за знатного и богатого боярина Константина Канта,⁴⁴ который во время русско-турецкой войны 1806—1812 г. был уличен в связях с известным молдавским гайдуком Бужором. Пойманный русскими казаками, Бужор был казнен вместе с двумя своими покровителями — Константином Кантом и Илие Катаржи. Жена Канта, Екатерина Григорьевна, наблюдала из кареты казнь своего мужа. «Богатая, прекрасная и очень образованная, она недолго оставалась вдовой. Интендант наших войск Алексей Николаевич Бологовский женился на ней. Она не позволяла ему взгляда на другую женщину, но сама пользовалась полной свободой. Когда Бологовский сделан был интендантом в Варшаву, генерал Альбрехт влюбился в нее и наконец был тот, что Бологовский уступил ее ему, и генерал женился». ⁴⁵ Но и тут брак расстроился из-за ревности Екатерины Григорьевны. Она уехала к родным в Яссы, а в 1821 г. вместе с ними бежала в Кишинев. По словам Липранди, Пушкин очень интересовался прекрасной молдаванкой, был в близких отноше-

---

⁴¹ Мария Балш была одной из самых блестящих представительниц яского общества первой половины XIX в. Она упомянута во многих мемуарах современников (см.: Ròsetti R. Amintiri, vol. I, p. 228—229), а также явилась одной из героинь исторического романа Д. Алмаша «Здравствуй, лес, дружище» (Almaş. Alei, codrule firtate. Bucureşti, 1956).

⁴² ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 122, л. 107—108. Статья Липранди «Из дневника и воспоминаний» была напечатана в «Русском архиве» (1866) не полностью. В 1936 г. были опубликованы дополнения, но не по рукописи, а по корректурным листам из архива Бартенева (Цявловский М. Из воспоминаний И. П. Липранди о Пушкине. — В кн.: Летописи Государственного Литературного музея, кн. I. Пушкин. М., 1936, с. 548—558). О рукописных материалах Липранди см. в статье: Эйдельман Н. Я. Где и что Липранди? — В кн.: Пути в неизвестное. М., 1972, с. 125—178. Однако в корректуру не вошли некоторые из воспоминаний Липранди, в том числе подробности о Екатерине Григорьевне Альбрехт.

⁴³ Dvoicenco Eufrosina. Puşkin şi refugiaţii Eteriei la Chişinău. p. 27—28.

⁴⁴ А не за Катаржи, которого называет Липранди и который был участником Константина Канта и гайдука Бужора.

⁴⁵ Летописи Государственного Литературного музея, кн. I. Пушкин. М., 1936, с. 554.

ниях с ней, но и его она впоследствии замучила своей ревностью.⁴⁶

Пушкинистам не удалось расшифровать, кто была «Екатерина III» в «Дон-Жуанском» списке Пушкина, имя которой стоит в непосредственной близости с «Аглаей, Калипсо и Пульхерией» — увлечениями Пушкина в кишиневский период его жизни. По-разному истолковывали и «тему ревности», проникшую в произведения Пушкина в это же время и развитую впоследствии в «Цыганах». Едва намеченный в «Кавказском пленнике», мотив страстной ревности господствует в «Бахчисарайском фонтане», а в «Черной шали» и в дальнейшей лирике («Простишь ли мне ревнивые мечты», «Ненастный день потух» и др.) Пушкин обнаруживает глубокое психологическое понимание этой «роковой страсти», которой и сам был, как известно, подвержен.⁴⁷ Быть может, приведенные нами новые биографические подробности и их уточнения внесут больше ясности в исследования жизни и творчества Пушкина в Кишиневе, в которых остается еще немало слабо изученных страниц.

Одной из них считается история ссоры Пушкина с мужем Маргиолицы Балш, в то время «спатаром», Тодором Балшем.⁴⁸ История эта имеет непосредственную связь с предыдущим рассказом о Марии Балш и Екатерине Альбрехт. После появления «Альбрехтши» в кишиневском обществе отношения Пушкина с Марией Балш становились все более и более натянутыми, особенно после того, как Пушкин откровенно признался, что в Екатерине Альбрехт его привлекают ее «пылкие страсти» и ее «историческое» прошлое. История гайдуга Бужора, его связь с Константином Кантом и сцена казни обоих были хорошо известны Пушкину от очевидцев и должны были действовать на его поэтическое воображение.⁴⁹ События эти были ярко отражены в мемуарах современников⁵⁰ и в народном творчестве. В истории молдавского гайдучества Бужор был одной из самых романтических и ярких фигур. Народная память окружила его легендами и сложила о нем замечательные песни. Никого из гайдуков так горько не оплакивал народ:

⁴⁶ ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 122, л. 108. Там же (л. 107) Липранди приводит неопубликованный куплет «Джока», посвященный «Альбрехтше» (подробности в кн.: Двойченко-Маркова Е. М. Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века, с. 66).

⁴⁷ См.: Губер П. К. Дон-жуанский список Пушкина. Л., 1923, с. 26—27, 79.

⁴⁸ Некоторые биографы Пушкина ошибочно называют его «ворником» и «кишиневским помещиком», см.: Барте́нев П. И. Пушкин в Южной России. М., 1862, с. 109—114; Халиппа И. Н. Город Кишинев времен жизни в нем А. С. Пушкина. — Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. I, Кишинев, 1900, с. 139—140 и др.

⁴⁹ В упомянутом румынском историческом романе Д. Алмаша о Бужоре и Канте Екатерина Григорьевна изображена как главная героиня, предмет последней любви Бужора. Такой она осталась и в народных преданиях Молдавии, широко использованных Алмашем в его романе.

⁵⁰ См.: Sion G. Souvenire contemporane. București, 1915, p. 66 sq.

Ой, зеленая метелица!
По дороге пыль клубится,
На помост Бужор идет,
Горько плачет весь народ, —
Это смерти черный путь,
И с него уж не свернуть...⁵¹

Еще при жизни Пушкина, в 1833 г., в журнале «Телескоп» появилась статья Александра Хашдеу «Румынские народные песни на русском языке» с многочисленными примечаниями. В одном из примечаний к гайдуцким песням автор подробно останавливается на истории Бужора, придав образу знаменитого молдавского гайдука политическое значение, изобразив его как борца за независимость.⁵²

Интерес Пушкина к Екатерине Григорьевне Альбрехт, имя которой связывали с романтической историей Бужора, несказанно раздражал Маргиолицу Балш, и она, по словам Липранди, «искала колоть Пушкина». «Он стал с ней сдержаннее и вздумал любезничать с ее дочерью Аникой, столь же острой на словах, как и мать ее, но любезничал так, как можно было только любезничать с двенадцатилетним ребенком. Оскорбленное самолюбие матери и ревность к Альбрехтше (она приняла любезничанье с ее дочерью-ребенком в смысле, что будто бы Пушкин желал этим показать, что она имеет уже взрослую дочь) вспыхнули: она озлобилась до безграничности».⁵³

На одной из вечеринок у Смранды Богдан зашел разговор о столкновении брата Тодора Балша с его соотечественником, которое должно было кончиться дуэлью, но противники на нее не решились. Пушкин вмешался и предложил заступиться за честь обиженного. Присутствовавшая при разговоре Маргиолица Балш с насмешкой сказала Пушкину (намекая на его не состоявшуюся дуэль с полковником Старовым): «Да вы сами за себя постоять не можете». На это Пушкин отвечал, что если бы на ее месте был ее муж, он сумел бы поговорить с ним; поэтому ничего не остается делать, как узнать, так ли и он думает. Разговор Пушкина с Балшем вышел резкий. Когда у Балша вырвалось слово «сы-

⁵¹ Молдавский фольклор. М., 1953, с. 304.

⁵² Телескоп, 1833, ч. 14, № 8, с. 518—519. Подробнее см.: Двойченко-Маркова Е. М. Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века, с. 109—111.

⁵³ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, стлб. 1423. Биография Аники Балш тоже занимает видное место в мемуарах ее современников. Красивая, умная, самоуверенная, не терпящая возражений, она была «притчей во языцех» яесского общества, долго помнившего ее бурное столкновение с председателем суда из-за несправедливого решения одного из ее процессов о наследстве (Suțu Rudolf. Iași de odinioară, vol. 2. Iași, 1928, p. 79—82). Воспитанная англичанкой, Аника Балш устроила свой дом на английский лад и заставляла лакеев и кучеров обращаться к ней по-английски (Rosetti R. Amintiri, vol. I, p. 166—171). Современники долго помнили ее английский экипаж на улицах Ясс и кучеров-цыган, которым она кричала по-молдавски: «Погоняй по-английски, ворона!».

лочный», Пушкин вне себя схватил подсвечник и замахнулся им на обидчика.⁵⁴ В дневнике князя П. И. Долгорукова, который записывал события по свежим следам, говорится далее: «Сцена, как рассказывали мне очевидцы, была ужаснейшая. Балш кричал, содомил, старуха Богдан упала в обморок, беременной вице-губернаторше приключилась истерика, гости разбрелись по углам, люди кинулись помогать лекарю, который тотчас явился со спиртом и каплями — оставалось ждать еще ужаснейшей развязки, но генерал Пушин успел все привести в порядок и, схватив Пушкина, увез с собою. Об этом немедленно донесли наместнику, который тотчас велел помирить ссорящихся. Вчера поутру свели их в доме вице-губернатора. Балш начал просить прощения, извиняясь похмельем, но Пушкин, вместо милости и пощады, выхватил заряженный пистолет и, показывая оный, сказал Балшу: „Вот как я хотел с вами разделаться. Здесь уже не место“. При сих словах, положив пистолет обратно в карман, он ударил его в щеку. Их тотчас разняли, а Пушкин потом приехал к генералу, который мыл ему голову в кабинете и после обеда отправил его с адъютантом под арест».⁵⁵ В другом месте Долгоруков прибавляет: «Балш подавал просьбу наместнику, но сей, как говорят, помирил его с Пушкиным».⁵⁶

В 1938 г. в архивах семьи Балш в Бухаресте мне удалось обнаружить черновик жалобы Балша Инзову, написанный по-французски. Рассказывая о столкновении с Пушкиным, Тодор Балш называет поступок поэта «преднамеренным покушением на его жизнь» и просит наказать его так, как по русским законам наказывают «убийц». Для себя он просит защиты и гарантии неприкосновенности, как для иностранца, состоящего под «высочайшим покровительством».⁵⁷

Анализируя столкновение Пушкина с Тодором Балшем, советский исследователь Г. Ф. Богач придает этому инциденту политическое значение, предполагая, что «за историей с молдавским вельможей» скрывается «нечто гораздо серьезнее обывательского скандала в великосветском обществе». В связи с этим Г. Ф. Богач

⁵⁴ Отмечая этот жест Пушкина, Бартнев вспоминает аналогичную сцену в «Выстреле» (VIII, 66): Офицер <...> почел себя жестоко обиженным и, в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио, который едва успел уклониться от удара (Бартнев П. И. Пушкин в Южной России, с. 110). Возможно, что Балш позволил себе и другое оскорбление. В яских мемуарах биографа Балша — Р. Росетти вскользь замечено, что Пушкин был высечен в секретной канцелярии Министерства внутренних дел (на самом деле это был слух, распушенный Ф. И. Толстым, который достиг Кишинева и вызывал ярость Пушкина, отраженную в его письмах и в стихотворении «Чаадаеву»), см.: Rosetti R. Amintiri, vol. I, p. 199.

⁵⁵ Долгоруков П. И. [Дневник], с. 52—53.

⁵⁶ Там же, с. 58. В дневнике Долгорукова отмечена и дата инцидента — 6 марта 1822 г. Второе столкновение состоялось 8 марта того же года.

⁵⁷ Dvoicenco Euphrosyne, Puškin et les Balsch à Kišinev. — Revue des études slaves, Paris, 1938, t. XVIII, fasc. 1—2, p. 73—75.

считает необходимым более подробно осветить личность Тодора Балша, которая, говорит он, «до сих пор по-настоящему не установлена, а поиски нужного нам боярина еще не привели к положительным результатам».⁵⁸

Биография Тодора Балша довольно обстоятельно изложена в мемуарах и воспоминаниях его соотечественников. Но русским биографам Пушкина она была неизвестна, и они часто путали Балша с двумя другими его тезками. С ними Тодор Балш состоял в дальнем родстве, и все они принимали активное участие в политической деятельности. Один из них даже стал в 1856 г. каймаканом в Молдавии, а Балш, знакомец Пушкина, хотя тоже стремился к господарской власти (на что ушло все огромное состояние его жены Маргиолицы), достиг только высокого положения гетмана (главнокомандующего) молдавского войска. Когда в Молдавии в 1830-х годах при содействии русских началась организация национального войска (милиции), Тодор Балш поступил в специальную ускоренную школу военной подготовки в Одессе, получил чин полковника и занял пост командующего яским гарнизоном. Став гетманом и устраивая показательные маневры, Тодор Балш всячески подчеркивал свою преданность России. В 1866 г., будучи уже глубоким стариком, он с готовностью снова облекся в военную форму и высказал желание стать на защиту отечества в известном конфликте с турками при возведении на престол объединенных княжеств принца Карла.

В 1820-х годах Тодор Балш вовсе не был «пожилым тяжело-весным молдаванином», каким любят его представлять себе биографы Пушкина. Мемуары соотечественников рисуют Балша очень красивым и ловким ловеласом, известным своими похождениями, и обычно подчеркивают моральное и культурное превосходство его жены.⁵⁹

После истории с Балшем, находясь под домашним арестом, Пушкин написал известное послание к Н. С. Алексееву:

Мой друг, уже три дня
Сяду я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом...

(II, 247)

Послание не было закончено. В рукописях Пушкина сохранились отрывки дальнейшего текста:

... Невинной суеты,
А именно — мараю
Небрежные черты,

---

⁵⁸ Богач Г. Ф. К истолкованию стихотворения Пушкина «Мой друг, уже три дня...». — В кн.: Пушкин на юге, т. 2. Кишинев, 1961, с. 255—256.

⁵⁹ См.: Rosetti R. Amintiri, vol. I, p. 220—234.

Пишу карикатуры, —
Знакомых столько лиц, —
Восточные фигуры
< . . > < . . > кукуниц
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!

(II, 745)

Несмотря на явное раздражение, сквозящее в этих строках, в молодом Пушкине поражает удивительная наблюдательность. Образ Балша очерчен в соответствии с тогдашней модой, усвоенной ясской молодежью. Часть из них сохраняла чалму и бороду при полувосточном наряде, часть спешила обрить бороду, но все они старались не отставать от русских в умении вести себя в светском обществе и в искусстве лихо плясать модную тогда мазурку.

В тот же период Пушкин написал длинное стихотворение о кишиневских дамах, которое дошло до нас далеко не полностью. Его принято начинать с куплета:

Раззевавшись от обедни,
К Катакази еду в дом.

(II, 192)

На самом деле стихотворение начиналось со слов: «Дай, Никита, мне одеться; В митрополии звонят» (II, 470).⁶⁰

В этом стихотворении Пушкин описывает свой утренний визит в дом кишиневского губернатора Катакази сразу же после обедни в митрополии. Картина, которую поэт застаёт в этом доме (дамы на диване с поджатыми под себя ногами), это обычный молдавский «тайфаз», т. е. отдых после обильного утреннего завтрака, описанный в мемуарах ясских старожиллов. «Завтрак подавался часов в десять утра, после чего все усаживались на диванах в турецкой позе, дамы отдельно, и часто, отдыхая, перебирали четки», — пишет один из них.⁶¹

Как известно, Пушкин перенял этот обычай, и до конца его жизни современники отмечали «любимую позу» поэта — сидение на диване с поджатыми ногами, находя ее несколько необычной и включая ее в число странностей Пушкина.⁶²

---

⁶⁰ Приписка В. П. Горчакова к рукописи воспоминаний Липранди (ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 122, л. 24) уже обратила на себя внимание и отмечена в печати (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I. М., 1974, с. 290, 502).

⁶¹ См.: Rosetti R. Amintiri, vol. I, p. 59.

⁶² Русский архив, 1866, № 10, стлб. 1280; Керн А. П. Воспоминания, с. 263 и др.

Л. М. АРИНШТЕЙН

СТАТЬЯ О ПУШКИНЕ В АНГЛИЙСКОМ ЖУРНАЛЕ 1850-х ГОДОВ

В ранней англоязычной пушкиниане выделяется своей содержательностью анонимная статья «Русская литература и Александр Пушкин» («Russian literature and Alexander Pushkin»), напечатанная в октябрьской книжке журнала «National Review» за 1858 г.¹ Обстоятельная по фактическому материалу, статья особенно примечательна своей исторической концепцией и необычной для тех лет глубиной понимания роли Пушкина в истории русской литературы и общественной мысли. Основательность этой ранней работы о Пушкине подчеркнута во введении к указателю А. Ярмолинского «Пушкин на английском языке»,² где статья была учтена впервые.³

Не менее примечательна другая особенность статьи: творчество великого русского поэта рассматривается в ней сквозь призму герценовской концепции развития русской литературы. На эту особенность обратила внимание английская славистка Моника Партридж,⁴ впервые подвергнувшая текстуальному рассмотрению статью о Пушкине и принадлежащую тому же анонимному автору статью о Лермонтове.⁵

Для советских исследователей тексты статей долгое время оставались недоступными: А. Л. Григорьев, который упоминает о них в работах «Влияние А. И. Герцена на освещение русской литературы в зарубежном литературоведении»⁶ и «Пушкин в за-

---

¹ National Review, vol. 7, 1858 (Oct.), p. 361—382.

² Pushkin in English. A list of works by and about Pushkin. Edited with an introduction by A. Yarmolinsky. N. Y., 1937, p. 4.

³ Там же, с. 26.

⁴ Partridge M. Alexander Herzen and the English press. — Slavonic and East European Review, vol. 36, 1958 (June), p. 465—467.

⁵ Russian Literature and Michael Lermontoff. — National Review, vol. 11, 1860 (Oct.), p. 330—347.

⁶ Ученые записки Ленингр. гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. 237, 1963, с. 165—166.

рубежном литературоведении»,⁷ вынужден был знакомиться с их содержанием по изложению М. Партридж.⁸

Ни одному из исследователей не удалось раскрыть имя анонимного автора. Вероятно, по этой причине статья о Пушкине практически не принималась во внимание ни при оценке русско-английских литературных связей, ни при исследовании проблемы «Пушкин и Герцен», к которой, как будет доказано ниже, эта статья имеет прямое отношение.

1

Критико-библиографический журнал «National Review» выходил в Лондоне с июля 1855 по ноябрь 1864 г. Его бессменным издателем и редактором являлся известный в то время литератор Ричард Холт Хаттон (R. H. Hutton, 1826—1897), вторым редактором был У. Бейджхот (W. Bagehot). В журнале, выпуски которого появлялись четыре раза в год, публиковались только обзорные статьи, содержавшие весьма подробный и серьезный анализ трудов по истории, социологии, философии, теологии, географии, а также обзоры выдающихся явлений в области литературы и искусства. Все материалы публиковались без подписей. Предметом критико-аналитических обзоров были не отдельные труды, а три-четыре книги разных авторов на одну тему. Статья о Пушкине написана в форме обзора собрания сочинений А. С. Пушкина в издании П. В. Анненкова (1854—1857), однотомника поэтических произведений Пушкина в переводе на немецкий язык Ф. Боденштедта (1854) и книги А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (лондонское издание 1853 г. на французском языке).⁹

Статья состоит из трех частей: обзор русской литературы допушкинской поры, биографические сведения о Пушкине, анализ его творчества. Обзор развития литературы постоянно соотносится с важнейшими событиями русской истории, в интерпретации которых отчетливо обнаруживается влияние взглядов Герцена. Бегло коснувшись роли Ломоносова и Карамзина, автор переходит к событиям, оказавшим, с его точки зрения, решающее влияние на судьбы русского общества и литературы: «1812 год изменил общество не только внешне, но внес новые элементы...» в самую

---

⁷ Пушкин. Исследования и материалы, т. VII. Пушкин и мировая литература. Л., 1974, с. 223.

⁸ То, что в распоряжении исследователя не было оригинального текста, не могло не привести к некоторым недоразумениям. Так, в первой из названных статей на с. 166 читаем: «Статья о Пушкине завершается герценовскими словами о мученичестве» (так исследователь называет известный герценовский перечень погибших русских поэтов и писателей). В действительности статья о Пушкине завершается строками из пушкинского «Памятника», а о герценовском мученичестве в ней не упоминается вовсе. Ошибка повторена и во второй статье А. Л. Григорьева (с. 223).

⁹ National Review, vol. 7, p. 361. Далее при ссылках на это издание страницы приводятся в тексте.

глубину народной жизни. Патриотический подъем, который слил в едином порыве крепостных и крепостников в их борьбе с общим врагом<...> и оказался достаточно мощным, чтобы изгнать захватчиков, изменил положение всех общественных классов, за исключением крестьян, возвращенных к позорному рабству<...> Но в сознании русской молодежи уже зрели новые идеи, новые устремления. Возникают тайные общества, ставившие перед собой освободительные задачи: их деятельность завершилась восстанием 1825 года. Литература не могла остаться незатронутой потоком новых идей; и действительно: с этого времени ее развитие идет на новой и более широкой основе» (с. 362—363).

Подробно охарактеризовав черты русской литературы, вступившей, таким образом, в новый — третий, по классификации автора статьи, — период развития, он добавляет: «У истоков третьего периода мы встречаемся с человеком, который и сегодня остается величайшим поэтом русского народа — самым всеобъемлющим и вместе с тем самым национальным его писателем — с Пушкиным» (с. 363). Обзор развития русской литературы завершается цитатной характеристикой исторической роли Пушкина из книги А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (с. 363—364).

Биографическая часть статьи написана на основе книги П. В. Анненкова «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина», составляющей, как известно, первый том его семитомного издания собрания сочинений Пушкина. Эта часть статьи, вобравшая в себя обширный фактический материал и написанная, пожалуй, наиболее выразительно, удачно иллюстрируется цитатами из произведений Пушкина и воспоминаний его современников. Так, в связи с рассказом о лицейском периоде приводится французское стихотворение Пушкина «Mon portrait» (с. 365). Выбор стихотворения продиктован, по-видимому, стремлением представить оригинальное произведение поэта на относительно доступном английскому читателю языке. Эпизод с Державиным на выпускном экзамене в Лицее сопровождается прозаическим переводом строфы из «Евгения Онегина»: «В те дни, когда в садах лицей...» (с. 365). Сообщив, что поэма «Руслан и Людмила» утвердила Пушкина в сознании современников как великого национального поэта, автор приводит слова Жуковского: «Победителю-ученику от побежденного учителя» (с. 366).

Много внимания уделено свободолобвию Пушкина. «Передовая русская молодежь находилась в то время в состоянии умственного брожения и революционного порыва. Пушкин был наполнен этими настроениями: своей огромной популярностью и славой он не в последнюю очередь обязан многочисленным свободолобивым стихотворениям, часть которых до сих пор не напечатана. Одно из них — ода „Вольность“ — попало на глаза императору; в результате Пушкин был сослан...» (с. 367). Автор рассказывает о годах ссылки, цитирует по этому поводу Герцена

и в завершение своих размышлений об этом периоде пишет: «Если бы Пушкин находился в Петербурге во время событий 14 декабря 1825 г., он, вероятно, как и многие другие, принял бы участие в восстании и, возможно, провел бы остаток своей жизни в Сибири...» (с. 368).

Столь же подробно изложены последующие этапы жизни Пушкина: возвращение из южной ссылки, жизнь в Михайловском, поездка на Кавказ, болдинская осень. Автор называет важнейшие произведения, созданные поэтом в соответствующие периоды, удачно подбирая английские ритмико-фразеологические эквиваленты к русским названиям произведений Пушкина («The Brazen Horseman», «The Stone Guest», «The Rubber-Brothers», «The Bohemians» и др.). Рассказ о дуэли и смерти Пушкина сопровождается переводом полного текста письма Жуковского к С. Л. Пушкину о последних часах жизни поэта (с. 370—373). Это письмо могло быть знакомо читателям «National Review»: его ранее полностью перевел Томас Шоу в своей статье о Пушкине, опубликованной в 1845 г. журналом «Blackwood's Edinburgh Magazine».¹⁰ Впрочем, статья Шоу, по-видимому, не была известна анонимному автору: во всяком случае лексика и стиль двух переводов письма Жуковского совершенно различны.

Переходя к анализу творчества, автор выделяет проблемы периодизации, традиций, народности Пушкина, художественно-эстетической ценности и общественно-политического значения его произведений. Примечательно, что в отличие от большинства зарубежных исследователей автор статьи выдвигает на первый план русские источники творчества Пушкина: «Первыми образцами для его поэзии были Державин и Жуковский, на которых он смотрел как на учителей. Он не раз выражал восхищение ими <...> но очень скоро превзошел их. Более долговременным было влияние Батюшкова и Крылова <...> У первого он научился пластическим формам выражения поэтической мысли и построения стиха <...> причем развил эту способность настолько глубоко, что, будучи незнакомым с древнегреческим языком, он создал ряд стихотворений — „Муза“ и другие — совершенно в эллинском духе. От второго он воспринял национально-народный элемент, развив его с такою полнотою, что уже в ранних своих стихотворениях <...> он проявил себя как глубоко национальный поэт (proved himself a thorough national poet). Впоследствии он стал наиболее народным из русских поэтов» (с. 374).

Касаясь европейских традиций в творчестве Пушкина, автор пишет: «Русские влияния были не единственными в формировании его как поэта. В „Городке“ он сам назвал своих любимых поэтов — преимущественно французов XVIII века, и прежде

¹⁰ Shaw Thomas Budd. Pushkin, the Russian poet. — Blackwood's Edinburgh Magazine, 1845, vol. 57, p. 675—678. О статье Т. Б. Шоу см.: Алексеев М. П. Пушкин на Западе. — Временник Пушкинской комиссии, № 3, 1937, с. 149.

всего Вольтера и Парни...» (с. 374). Вопросу восприятия Пушкиным французской культуры автор отводит относительно много места, делая при этом весьма содержательные заключения. Переходя к немецким и английским традициям, при рассмотрении которых наибольшее внимание уделено Байрону, автор без каких-либо отклонений излагает известную точку зрения Герцена, а затем полностью цитирует соответствующий отрывок из работы «О развитии революционных идей в России» (с. 376—377).¹¹

Если автор ранней статьи о Пушкине Т. Б. Шоу стремился дать представление о великом поэте, предлагая читателям мастерски выполненные стихотворные переводы,¹² то автор статьи в «National Review» выступает как интерпретатор поэтического мира Пушкина, причем интерпретатор подготовленный и проникательный, который никогда не упускает возможности разъяснить общественный смысл пушкинского творчества в условиях русской действительности преддекабристского и особенно последекабристского периода. Именно с этих позиций анализируется «Евгений Онегин» — единственное произведение, которое рассматривается подробно (с. 377—380). Анализ «Онегина» завершается также обширной цитатой из Герцена (с. 378—379; ср.: Герцен, т. 7, с. 203—204). Далее следует сжатый анализ «Полтавы», «Бориса Годунова» и «Маленьких трагедий», которые автор оценивает исключительно высоко (с. 381).

В заключительных абзацах вновь подчеркивается всемирно-историческое значение великого русского поэта: «В лице Пушкина Россия обрела истинно национального поэта, который по отношению к своей стране и своему народу является тем же, чем Байрон и Гете по отношению к Англии и Германии» (с. 381). Статью завершает прозаический перевод первой и второй строф «Памятника» (с. 382).

2

Содержание статьи «Русская литература и Александр Пушкин» подсказывает путь раскрытия ее авторства. Анонимный автор не случайно включил в обзор труд Герцена: он полностью разделяет взгляды последнего на русскую действительность; статья буквально проникнута герценовской концепцией развития революционной идеологии в России, герценовским пониманием

¹¹ Ср.: Герцен А. И. Собрание сочинений и писем в 30 томах, т. 7. М., Изд. АН СССР, 1956, с. 202—203. Далее при ссылках на это издание том и страница указываются в тексте.

¹² В статье Шоу представлены переводы 22 пушкинских стихотворений (см.: Blackwood's Edinburgh Magazine, 1845, vol. 58, p. 28—43, 140—156), о которых тогда же с восхищением отзывался П. А. Плетнев. См. письма Плетнева от 24 августа 1845 г. к В. А. Жуковскому (Плетнев П. А. Сочинения и переписка, т. 3. СПб., 1885, с. 559) и от 28 августа 1845 г. к Д. И. Коптеву (Русский архив, 1877, кн. 3, с. 367).

общественно-исторической роли Пушкина. Если анонимный автор — не сам Герцен, то его надо искать в кругу близких единомышленников Герцена.

Соответствующие разыскания не остались безрезультатными. В переписке Герцена 1857—1859 гг. по меньшей мере семь писем имеют отношение к интересующей нас статье о Пушкине и к принадлежащей тому же автору статье о Лермонтове. Так, в письме Герцена от 14 августа 1858 г., адресованном к Мальвине Мейзенбург, читаем: «Вот заглавия с точностью какого-нибудь канцеляриста...», и далее в подлиннике латинским шрифтом: «*Sotchinenia A. Pushkina, isdanie Annenkova, S. Petersburg., 1854—1857, VII vol. Gedichte von Alexander Poushkin, deutsch von Friedrich Bodenstedt. Berlin, 1854. Du développement des idées revolutionnaire en Russie, par A. Herzen. 2 Ed. Londres, 1853*» (т. 26, с. 198—199).

Именно эти три книги и были предметом критического обозрения, в форме которого написана статья о Пушкине. Их заглавия приведены в подзаголовке этой статьи в той же последовательности и с теми же характерными особенностями написания: «*Sotchinenia A. Pushkina, isdanie Anenkova (The works of A. Pushkin, edited by Anenkov), 7 vols. St. Petersburg, 1854—1857. Gedichte von Alexander Pushkin, übersetzt von Friedrich Bodenstedt <...> Berlin, 1854. Du Développement des Idées revolutionnaire en Russie. Par Alexander Herzen. Deuxieme édition. Londres, 1853*» (с. 361).

Не подлежит сомнению, что названия книг, сообщенные Герценом «с точностью какого-нибудь канцеляриста» в письме от 14 августа 1858 г., представляют собой уточнение названий, которые должны были появиться и действительно появились (с незначительными редакционными поправками) в подзаголовке статьи в журнале «*National Review*» в октябре того же года.

Обратимся теперь к тексту письма Герцена от 29 апреля 1859 г., адресованного той же М. Мейзенбург: «Как могли вы хоть на минуту подумать, что Лермонтов добровольно служил на Кавказе! <...> Лермонтов был первоначально сослан на Кавказ, в армию, в 1837 г. за свои стихи на смерть Пушкина; он возвратился в 1840 (sic!) и сразу же после этого был снова сослан в Кавказскую армию <...> Разве вы не получили от меня историю русской литературы Милюкова? — она довольно хороша, из нее вы могли бы кое-что почерпнуть» (т. 26, с. 259).

Сопоставим этот фрагмент со статьей 1860 г. о Лермонтове: в перечне книг к этой статье значится упомянутый Герценом труд А. Милюкова (с. 330). Изложение материалов книги Милюкова занимает первые четыре страницы статьи. В тексте статьи подчеркивается вынужденный характер службы Лермонтова в Кавказской армии («*Forced to serve in the army, which for so many years in vain struggled with the wild free-born tribes of the Caucasus*» — с. 339) и дважды упоминается, что при-

чиной его высылки на Кавказ были стихи на смерть Пушкина (с. 334).

Приведенное сопоставление позволяет заключить, что адресат писем Герцена — Мальвида Мейзенбург и была анонимным автором статей о Пушкине и Лермонтове. Соответствует ли такое заключение фактам биографии Мейзенбург, и прежде всего характеру ее отношений с Герценом?

Мальвида Мейзенбург (1816—1903), немецкая писательница и общественная деятельница, автор известных мемуаров «Воспоминания идеалистки», многие страницы которых посвящены ее встречам с Герценом, с 1852 г. находилась в политической эмиграции в Лондоне. К началу 1853 г. относится ее знакомство с Герценом; с ноября 1853 г. по май 1856 г. она жила в доме Герцена, в качестве воспитательницы его дочерей и близкого друга его самого. Из писем Герцена видно, что он высоко ценил живой ум, образованность, а впоследствии и литературные способности Мейзенбург. Со своей стороны, Мейзенбург пишет об огромном влиянии, которое оказывал на ее духовную жизнь Герцен, вспоминает о его беседах, в частности и о русской литературе: «После уроков Герцен часто приглашал меня в свою комнату и старался знакомить с русской литературой, причем читал переводы Пушкина, Лермонтова, Гоголя и других и давал при этом живое изображение русской жизни и характеров».¹³

После того как Мейзенбург в 1856 г. покинула дом Герцена, она занялась интенсивной литературной деятельностью, которая в конце 1850-х годов тесно переплеталась с литературной деятельностью Герцена: она неоднократно переводила работы Герцена, а также, по его рекомендации, произведения русских писателей. В свою очередь Герцен охотно редактировал ее собственные работы, в основном статьи на социально-политические, исторические и литературные темы. Среди своих работ, относящихся к этому периоду, Мейзенбург упоминает в воспоминаниях «критические статьи <...> о недавно появившихся русских книгах».¹⁴ Приведенный материал не оставляет сомнений,

---

¹³ Meusenbug M. Memoiren einer Idealistin, Bd. II. «Vierte Auflage». Berlin und Leipzig, 1899, S. 150. Далее Мейзенбург цитирует тот же самый отрывок из герценовской характеристики Пушкина, который приводится в статье в «National Review», причем совпадают не только начальные и конечные слова цитаты, но и купюры в ней (с. 151—153). В русском переводе (Мейзенбург М. Воспоминания идеалистки. Перевод с немецкого. М.—Л., «Academia», 1933, с. 238—239) соответствующее место полностью опущено.

¹⁴ Meusenbug M. Memoiren einer Idealistin, Bd. III, S. 167. Упоминания Мейзенбург о критических статьях на русскую тему не раз привлекали внимание исследователей и комментаторов. Первые, ссылаясь на эти статьи, развивали мысль о влиянии взглядов Герцена на западноевропейских литераторов, не раскрывая при этом, о каких, собственно, статьях идет речь и где они напечатаны (см.: Гусарова Ф. П. А. И. Герцен — пропагандист русской литературы на Западе. — Ученые записки Ленингр. гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. 196, Л., 1959, с. 48; Григорьев А. Л. Влияние А. И. Герцена на освещение русской литературы в зарубежном лите-

что это и есть статьи «Русская литература и Александр Пушкин» и «Русская литература: Михаил Лермонтов», опубликованные в 1858 и 1860 гг. в журнале «National Review» в виде обзора «недавно появившихся русских книг» — А. И. Герцена, П. В. Анненкова и А. П. Милюкова.¹⁵

Таким образом, факты биографии Мейзенбург и характер ее отношений с Герценом в конце 50-х годов полностью подтверждают правильность предлагаемой атрибуции.¹⁶

3

Тот факт, что автором английской статьи о Пушкине была М. Мейзенбург, в то время ближайший литературный сотрудник Герцена, переносит относящуюся сюда проблематику в иную плоскость: рассмотрение статьи оказывается частью более общей проблемы — деятельности Герцена как пропагандиста великого русского поэта в Англии. Проблема эта не нова. Впервые на нее обратил внимание М. П. Алексеев в докладе «Словарные записи Ф. Энгельса к „Евгению Онегину“ и „Медному всаднику“», прочитанном в 1951 г. на III Всесоюзной Пушкинской конференции.¹⁷ В дальнейшем, однако, исследователи проблемы «Герцен — пропагандист русской литературы на Западе» сосредоточивались на вопросе восприятия идей Герцена во Франции и в Германии;¹⁸ проблемы же, относящиеся к Англии, освещались неполно, а порой и неточно:

ратуроведении. — Там же, т. 237, 1963, с. 162—163); вторые ограничивались неизменной формулой: «статьи Мейзенбург о русской литературе, печатавшиеся в периодической английской печати, не обнаружены» (Герцен, т. 26, с. 375).

¹⁵ В работе А. Л. Григорьева «Влияние А. И. Герцена на освещение русской литературы...» интересующие нас статьи фигурируют дважды: в одном случае как критические статьи Мейзенбург, в другом — как «статьи о русских писателях, помещенные в английском журнале „Нейшенел ревю“ за 1858 и 1860 годы», автором которых «возможно... был Вильям Рольстон (1829—1889), известный пропагандист русской литературы в Англии...» (с. 162—163, 165—166).

¹⁶ Вопросам духовного влияния Герцена на Мейзенбург и их литературному сотрудничеству уделено немало внимания в книге: Vinant G. Un esprit cosmopolite au XIX-e siècle M. de Meysenbug (1816—1903). Sa vie et ses amis. Paris, 1932, p. 114, 121—161, 180—243. Заметим попутно, что немецкие исследователи, как правило, не касались этих вопросов. Так, Э. Райке, автор основной биографии Мейзенбург на немецком языке, уделил ее знакомству с Герценом всего несколько строк (Reicke E. Malwida von Meysenbug. Berlin, 1911, S. 53).

¹⁷ Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1953, с. 24—25.

¹⁸ См.: Гусарова Ф. П. А. И. Герцен — пропагандист русской литературы на Западе, с. 5—69; Григорьев А. Л. 1) Влияние А. И. Герцена на освещение русской литературы в зарубежном литературоведении, с. 157—172; 2) Пушкин в зарубежном литературоведении. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VII. Пушкин и мировая литература. Л., 1964, с. 221—225.

По мнению этих исследователей, главную роль в распространении среди англичан герценовских взглядов на русскую литературу в 50—60-е годы играла работа Герцена «О развитии революционных идей в России».¹⁹ Однако если это справедливо для Франции и Германии, то в Англии дело обстояло по-другому. Указанная работа Герцена вышла в 50-е годы дважды на немецком языке (в журнале «*Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben*» в 1851 г. и отдельной брошюрой в 1854 г.) и трижды на французском (парижское издание 1851 г. и лондонские издания 1853 и 1858 гг.). На английский же язык при жизни Герцена эта книга не переводилась.²⁰ Статья о Пушкине в журнале «*National Review*» и последовавшая за ней статья о Лермонтове были первыми работами, в которых герценовская концепция развития русской литературы представлены на английском языке. Объективный смысл статей о Пушкине и Лермонтове в том и состоял, что они восполняли отсутствие английского перевода важнейшей работы Герцена о русской литературе.²¹ Этим немаловажным обстоятельством объясняется и их стилевая специфика — систематическое изложение герценовской концепции на основании работы «О развитии революционных идей в России» в сочетании с цитированием отрывков из этой работы,²²

¹⁹ Ср.: Гусарова Ф. П. А. И. Герцен — пропагандист русской литературы на Западе, с. 6 и сл.; Григорьев А. Л. Влияние А. И. Герцена на освещение русской литературы..., с. 160 и сл.

²⁰ В литературе о Герцене нередко упоминается английский перевод работы «О развитии революционных идей в России», якобы сделанный В. Линтоном (Гусарова Ф. П. А. И. Герцен — пропагандист русской литературы на Западе, с. 48). Ссылка на английский перевод В. Линтона основана на недоразумении: в действительности Линтон перевел работу Герцена «Русский народ и социализм» («*The Russian people and their socialism*», 1855). Из письма Герцена к М. К. Райхель от 9 ноября 1853 г. явствует, что Линтон предполагал перевести и «О развитии революционных идей в России» (т. 25, с. 128), однако это намерение осуществлено не было. В комментариях к академическому изданию сочинений Герцена вопрос о переводе на английский язык работы «О развитии революционных идей в России» не только не разъяснен, но, пожалуй, еще более запутан: утверждая, что «в Англии книга Герцена приобрела популярность благодаря усилиям Уильяма Линтона, выдающегося чартистского поэта», комментатор не поясняет, в чем, собственно, эти усилия заключались. Далее следует дезориентирующая ссылка на «письма Герцена к Линтону (...), связанные с работой над переводом „О развитии революционных идей в России“, якобы опубликованные в «Литературном наследстве», т. 63 (т. 7, с. 420—421). Между тем, посвященные Герцену тома «Литературного наследства» (т. 63, 64) никаких сведений относительно работы Линтона над переводом не содержат.

²¹ Отсюда ошибочность точки зрения, согласно которой статьи в «*National Review*» представляют отклик на работу Герцена (Partridge M. Alexander Herzen and the English Press. — *Slavonic and East European Review*, vol. 36, 1858 (June), p. 465—466; Григорьев А. Л. Пушкин в зарубежном литературоведении, с. 223).

²² Не поняв этой специфики, М. Партридж с некоторой иронией пишет: «Пушкин представлен английской публике исключительно через вос-

и то активное участие, которое принял в их издании сам Герцен.

О степени личного участия Герцена в работе над статьей о Пушкине позволяют судить его письма к Мейзенбург и содержание самой статьи, к анализу которых мы переходим. Такой анализ уместно начать с наиболее раннего этапа, связанного с замыслом статьи о Пушкине, однако этот этап не нашел отражения в переписке Герцена; поэтому мы ограничимся указанием на две группы фактов, наводящих на мысль, что инициатива создания статьи принадлежала Герцену.

В ходе литературного сотрудничества Герцена и Мейзенбург в конце 50-х годов выработался определенный тип взаимоотношений с весьма четким разделением функций: инициатива в выборе тем для статей и переводов, особенно если это касалось России, принадлежала Герцену. Хорошо известны рекомендации Герцена Мейзенбург перевести на английский язык «Капитанскую дочку» и «Арапа Петра Великого» Пушкина, «Фауста» Тургенева, на немецкий — «Семейную хронику» С. Т. Аксакова и т. д. (т. 26, с. 17, 55, 90).

Другая группа фактов относится к ситуации, в которой возник замысел статьи. Работа «О развитии революционных идей в России» предназначалась для западноевропейского читателя.²³ В 1856—1857 гг., когда уже существовало два немецких и два французских издания этой работы и готовилось (и именно в Лондоне!) третье французское издание, отсутствие перевода на один из важнейших западноевропейских языков не могло не вызывать озабоченности Герцена.²⁴ Зная деятельную натуру Герцена, трудно себе представить, что он пассивно ждал, пока кто-то проявит инициативу в популяризации столь важной для него книги. Не следует при этом упускать из виду, что сам Герцен начиная с 1854 г. в английской прессе не выступал, во всяком случае под собственным именем.²⁵

приятие Герцена, включая такие вопросы, как анализ образа Онегина или отличия Пушкина и Байрона, по которым можно было бы ожидать от английского критика его собственное мнение» (Partridge M. Alexander Herzen and the English Press, p. 466). Между тем ознакомление «английской публики» именно с герценовской концепцией творчества Пушкина и было главной целью статьи.

²³ См. замечание Герцена в письме к Е. Я. Колбасину от 9 июня 1859 г.: «Книга эта <...> была писана для иностранцев» (т. 26, с. 272). Ср. также: Алексеев М. П. Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды III Всесоюзной Пушкинской конференции. М.—Л., Изд. АН СССР, 1953, с. 25.

²⁴ Какое значение придавал Герцен переводу этой работы, видно из его письма к М. К. Райхель от 9 ноября 1853 г.: «Три переводчика предложили перевести на немецкий второе издание „Des idées revolutionnaires“, на английский переводит сам Linton» (т. 25, с. 128).

²⁵ Выступления Герцена в левой английской печати в 1852—1853 гг. вызвали против него нелепые обвинения официальной прессы в агентурной деятельности в пользу русского правительства; в результате Герцен

Первое упоминание о работе над статьей о русской литературе содержится в письме Герцена к Мейзенбуг от 9 июня 1857 г.: «Я сразу принялся за чтение вашей рукописи и прочел ее, краснея от комплиментов и опуская глаза при похвалах. Это очень хорошая статья...». Тем не менее Герцен здесь же предлагает развернутый план переработки статьи с учетом ряда положений из его собственных работ и с включением в статью дополнительного фактического материала. «Если вы хотите, поговорим обо всем этом (хотя бы для второй статьи) <...> Р. S. Говоря о Байроне, Пушкине и Лермонтове, вы пишете „при тех же обстоятельствах“ — необходимо небольшое пояснение. Внешние обстоятельства были далеко не те же самые» (т. 26, с. 98).

Приведенный отрывок содержит весьма обширную информацию по интересующему нас вопросу. Он подтверждает, что с самого начала работа велась совместно Герценом и Мейзенбуг: Герцен прочитал рукопись — судя по всему, первоначальный набросок статьи, сделал ряд предварительных замечаний и предложил «поговорить обо всем этом». Нет оснований считать, что такая беседа не состоялась: в практике взаимоотношений Герцена и Мейзенбуг в конце 50-х годов такого рода обсуждения были обычны: «Я могу прийти к вам в субботу <...> почитать часок <...> Было бы лучше, если бы вы показали мне статью о Польше — для печати. О коммуне и прочем надо мне прочесть отдельно — то, что вы написали» (т. 26, с. 234); «Если вы вообще что-нибудь напишете об этом предмете, покажите мне» (т. 26, с. 245). Такие предложения, свидетельствующие о высокой степени участия Герцена в литературной работе Мейзенбуг, постоянно встречаются в их переписке конца 50-х годов.

Из текста письма следует далее, что первоначально было задумано две статьи о русской литературе (как это и было осуществлено впоследствии), однако конкретные тематические границы каждой из них еще не были уточнены. Как видно из письма, прочитанная Герценом рукопись содержала материалы о Пушкине и Лермонтове, какие-то упоминания о Тургеневе, причем сам Герцен считал уместным добавить туда материалы об Огареве и Некрасове. Иными словами, первоначальный вариант был посвящен весьма обширному кругу вопросов — по-видимому, обзору работы «О развитии революционных идей в России» в целом (ср. слова Герцена о «комплиментах» и «похвалах» в его адрес) или по крайней мере той ее части, которая относится к русской поэзии. Лишь в дальнейшем пришло решение ограничить тему первой статьи творчеством Пушкина, а вторую посвятить Лермонтову, причем следы первоначального замысла

не публиковал более статей в английских газетах и журналах (подробнее см.: Партридж М. Александр Герцен и его английские связи. — В кн.: Проблемы изучения Герцена. М., «Наука», 1963, с. 354).

сохранили обе статьи: и та, и другая открываются обзорами допушкинского периода русской литературы; и та, и другая содержат в заголовках слова «Русская литература» («Русская литература и Александр Пушкин», «Русская литература: Михаил Лермонтов»).

То, что статья, задуманная как широкий обзор русской литературы, в окончательной редакции превратилась в статью о Пушкине — обстоятельство весьма примечательное. Как показал М. П. Алексеев, «для Герцена Пушкин был не только первым национальным поэтом, верно отразившим русскую действительность», — он видел в нем «средоточие русской культуры» и ставил его «в центр революционных событий 1825 года».²⁶ Мейзенбург же относилась к Пушкину весьма сдержанно. Вспоминая о том, что Герцен знакомил ее с творчеством Пушкина, Лермонтова и Гоголя, она добавляет: «Пушкин привлекал меня меньше других».²⁷ Таким образом, идея поставить творчество Пушкина в центр первой статьи о русской литературе несомненно исходила от Герцена.²⁸

В переписке следующих одиннадцати месяцев — до 5 мая 1858 г. — никаких упоминаний о работе над статьей о Пушкине не содержится. Между тем в октябре 1858 г. статья уже появилась, причем в августе (судя по упоминавшемуся выше письму Герцена от 14 августа с уточнением названий книг) были готовы корректурные листы. Следовательно, в период между июнем 1857 г. и примерно июлем 1858 г. работа над статьей велась, только не нашла отражения в переписке.

Можно предположить, что, после того как Герцен в письме от 9 июня 1857 г. набросал план переработки статьи и предложил «поговорить обо всем этом», дальнейшее обсуждение вопросов, возникавших в процессе работы над статьей, происходило во время личных встреч. Так оно скорее всего и было, но все-таки то, что в переписке Герцена и Мейзенбург нет никаких отзвуков этой работы, — явление не совсем обычное.²⁹

---

²⁶ Алексеев М. П. Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику», с. 25. Ср.: Долинин А. С. Пушкин в жизни и творчестве Герцена. — Ученые записки Ленингр. гос. университета, т. 158, вып. 17, 1952, с. 87—118.

²⁷ «Puschkin zog mich am wenigsten an» (Meysenbug M. Memoiren einer Idealistin, Bd. II, S. 150). В русском переводе это замечание Мейзенбург смягчено за счет стилистической неточности (Мейзенбург М. Воспоминания идеалистки, с. 239).

²⁸ Мысль о том, что, пропагандируя «за рубежом передовую русскую культуру», Герцен неизменно выдвигает на первый план творчество Пушкина, содержится также в книге: Гай Г. Н. Пушкин в оценке Герцена. Киев, 1954, с. 26.

²⁹ Вот что пишет Мейзенбург о своей переписке с Герценом: «Несмотря на то что мы жили под одной крышей, у нас установился обычай — после серьезных споров или небольших размолвок писать друг другу письма, потому что письменно мысль можно выразить более свободно, обдуманнее, сконцентрированнее, и сказанное скорее забывается» (Meysenbug M.

Присмотримся внимательнее к литературной работе Герцена в интересующий нас период. С осени 1857 г. он увлеченно работал над статьей «О романе из народной жизни в России», которую завершил 28 декабря 1857 г. В тот же день Герцен писал Мейзенбург, которая переводила ее на немецкий язык: «статья совсем готова — переводные листы передавайте мне один за другим. Быть может, я напечатаю эту статью в „Колоколе“» (т. 26, с. 148). Возможно, Герцен думал и об английском переводе.³⁰ Так или иначе, но статья о русском романе, вобрав в себя размышления Герцена о писателях-прозаиках, способствовала тому, что другая статья о русской литературе, которая находилась тогда в его поле зрения, обособилась в исследование о Пушкине и русской поэзии пушкинской поры.

Действительно, еще в письме к Мейзенбург от 9 июня 1857 г. Герцен считал уместным «процитировать что-нибудь из Тургенева», вроде „Муму“ <...> или <...> „Записок охотника“» (т. 26, с. 98). В окончательной же редакции статьи о Пушкине ни цитат, ни упоминаний о писателях-прозаиках нет. Все это лишний раз свидетельствует, что статья Мейзенбург о Пушкине находилась в тесной связи с замыслами и литературной работой Герцена осенью-зимой 1857—1858 г.

Не написал ли Герцен параллельно статье о русском романе, оформленной как письмо к Мейзенбург, переведенной ею на немецкий язык и опубликованной в качестве предисловия к ее переводу «Рыбаков» Григоровича, еще и другое «письмо» — более или менее развернутый конспект будущей статьи о Пушкине?

Как известно, автограф статьи «О романе из народной жизни в России», находившийся в распоряжении Мейзенбург и хранившийся, судя по всему, отдельно от текущей переписки, не сохранился. Точно так же мог не сохраниться и предполагаемый нами автограф конспекта статьи о Пушкине, написанный примерно тогда же и тоже предназначенный для Мейзенбург. Если такой конспект существовал, то становится понятным, почему вопросы, связанные с работой над статьей, не фигурируют в текущей переписке Герцена с Мейзенбург.

В мае—июне 1858 г. текущая переписка вновь регистрирует отзвуки работы над статьей о Пушкине: из письма Герцена от 5 мая мы узнаем, что он послал Мейзенбург «Стихотворения

Memoiren einer Idealistin, Bd. II, S. 226—227). К настоящему времени известно и опубликовано более 450 писем Герцена к Мейзенбург (см.: Лишинер С. Д. и Птушкина И. Г. А. И. Герцен и М. Мейзенбург. — Известия АН СССР, серия литературы и языка, 1970, т. XXIX, вып. 4, с. 338—342). Письма Мейзенбург к Герцену за 1856—1859 гг. не обнаружены и считаются утраченными (см. комментарий к письмам А. И. Герцена: т. 26, с. 337).

³⁰ Герцен был чрезвычайно доволен этой статьей: «Давно уже мне ничто так не удавалось», — писал он 4 декабря 1857 г. Мейзенбург (т. 26, с. 140).

Александра Пушкина» в немецком переводе Ф. Боденштедта (напомним, что это одна из тех книг, которая рецензируется в интересующей нас статье о Пушкине) и здесь же предложил «прислать также „Онегина“ по-русски» (т. 26, с. 174). Хотя Мейзенбург неплохо владела русским языком, она, по-видимому, предпочитала читать Пушкина на своем родном языке; из письма Герцена от 10 мая выясняется, что она просила прислать ей немецкий перевод «Онегина», на что Герцен ответил: «Издания Боденштедта у нас нет, посылаю вам „Онегина“ in scudo» (в подлиннике) (там же, с. 176). В письме Герцена от 18 мая опять упоминается об «Онегине» (там же, с. 177). И, наконец, 4 июня он пишет: «Я нашел сильно потрепанного „Евгения Онегина“ в переводе Боденштедта. Посылаю его вам» (там же, с. 182).

Если учесть, что развернутый план переработки статьи был намечен Герценом еще в июне 1857 г., а в августе 1858 г. уже была готова корректура, то высылка книг для работы над статьей в мае—июне 1858 г. выглядит несколько запоздалой. Запоздалой для того, чтобы их анализировать, но вполне своевременной, если принять, что основа статьи о Пушкине была уже к этому времени написана и книги нужны были Мейзенбург лишь для уточнений при «развертывании» конспекта статьи и перевода ее на английский язык.

Следующее письмо, датированное 14 августа 1858 г., написано, судя по срокам и содержанию, в связи с корректурой статьи о Пушкине. Герцен в ответ на просьбу Мейзенбург сообщает ей... точные заглавия книг, которые она рецензирует в статье. Любопытная деталь! У Мейзенбург не только не было книг, о которых она писала статью (она могла воспользоваться ими и вернуть Герцену), но даже их названия у нее не записаны. Едва ли человек, обладающий минимальным литературным опытом, работая с книгами, не записал бы их названия. Опять-таки возникает альтернативное предположение: Мейзенбург не работала с этими книгами; аналитический обзор этих книг сделал для нее Герцен.

Предположение о том, что основу статьи о Пушкине написал сам Герцен, находит известное подтверждение при анализе текста статьи. Мы не будем повторять того, что очевидно уже при первом приближении, — а именно, что статья представляет собой комбинацию цитат и конспективного изложения взглядов Герцена на роль Пушкина в истории русской культуры. В конце концов такую работу могла проделать и сама Мейзенбург.

Более существенный довод в пользу личного участия Герцена в работе над статьей — это поразительная четкость в формулировании концептуальных положений и точность в изложении фактического материала. Незначительные фактические ошибки (например, годы первой ссылки Пушкина) совпадают с неточностями работы «О развитии революционных идей в России»;

в некоторых случаях неточности работы исправлены в статье (место ссылки Пушкина в книге — «Херсонес Таврический», в статье — «Бессарабия»; дата гибели Лермонтова в книге — «1844», в статье — «1841»). Но для того чтобы добиться четкости формулировок и фактической точности, не обязательно писать развернутый конспект: того же результата можно достигнуть тщательным редактированием статьи на завершающем этапе работы.

Есть, однако, в статье особенности, которые позволяют утверждать, что по крайней мере какую-то часть статьи Герцен написал лично: это относится к случаям, когда в статье рассматриваются вопросы, возникшие после появления работы «О развитии революционных идей в России». Показательно в этом отношении то место статьи, которое содержит полемику с положениями «Биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова, опубликованной незадолго до этого.

Завершая анализ южных поэм Пушкина, автор статьи замечает: «Реалистический стиль — основа характеристики пушкинских героев — резко контрастирует с идеально-неопределенной обрисовкой Манфреда, Конрада, Гяура и других героев Байрона. Стремление Пушкина к реализму еще более поразительно в его последующих произведениях (нам представляется, что это стремление вообще является ведущей чертой русского национального характера); и это различие между Пушкиным и Байроном имеет, как нам кажется, гораздо большее значение, чем отличия, на которые указывает русский критик, чья книга сейчас лежит перед нами. Этот критик считает, что Пушкин просто не мог понять борьбы и страданий, иссушавших душу Байрона, поскольку русское общество не знало тех острых социальных противоречий, которые потрясли самые основы Европы, вследствие чего и герои его южных поэм всего лишь жалкое подражание Байрону...» (с. 376). И далее следует развернутая аргументация, представляющая собой текстуальное изложение известного места из работы «О развитии революционных идей в России» (со слов: «В Пушкине видели подражателя Байрону» — т. 7, с. 202—203).

Едва ли Мейзенбург отважилась бы вступить в полемику с «русским критиком» — автором первой биографии Пушкина и издателем первого полного собрания сочинений великого поэта — по таким вопросам, как русский национальный характер, различия в путях развития русского и европейского общества, коренные отличия Пушкина от Байрона и т. п. Не говоря уже об этическом аспекте, такая полемика была бы ей просто не по силам. Для Герцена же полемика на эту тему была совершенно естественным и привычным делом: замечания по поводу некоторых нюансов концепции П. В. Анненкова органически вытекают из отношения Герцена в 50-е годы к Пушкину, к русской культуре и к другим вопросам, затронутым полемикой. Нет никакого

сомнения, что Герцен лично написал или продиктовал соответствующее место.

Таким образом, проблема авторства статьи о Пушкине вырисовывается как бы в двух планах. «Внешний» план, где автором, хотя и анонимным, выступает М. Мейзенбург, и более глубокий, «внутренний» план, где по всем направлениям линии авторства неизменно восходят к Герцену. Основная часть статьи — это конспективное или текстуальное изложение работы Герцена «О развитии революционных идей в России», подготовленное для английского читателя либо самим Герценом, либо Мейзенбургом под его руководством. Отдельные места статьи (как в случае полемики с Анненковым) безусловно написаны Герценом. Окончательная литературная обработка принадлежит, вероятно, самой Мейзенбург, однако и здесь следует учитывать косвенное влияние Герцена, поскольку взгляды писательницы на русскую действительность и русскую литературу были сформированы опять-таки Герценом.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1973 ГОДА

Настоящий библиографический указатель продолжает аналогичные перечни, помещавшиеся во всех предшествующих выпусках «Временника Пушкинской комиссии», и следует уже неоднократно излагавшимся ранее принципам составления подобных, хронологически ограниченных обзорных литератур о Пушкине. Напомним здесь, что эти указатели имеют в виду в основном литературу, вышедшую на русском языке, что они не претендуют на исчерпывающую полноту и своей ближайшей задачей ставят предварительное осведомление пушкиноведов о новых печатных работах о великом русском поэте, которые могут быть полезны для исследований специалистов. Составление текущей зарубежной библиографии о Пушкине представляет особую задачу, выполнение которой предполагается осуществлять в ближайших выпусках «Временника».

А. Г. XXII Пушкинская конференция. — Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1973, т. 32, вып. 2, с. 192—196.

— Пушкинская конференция, организованная Институтом русской литературы и Педагогическим институтом им. Х. Абовяна в Ереване в 1972 г. Изложение докладов.

Алексеев Олег. Пушкинские Горы. Повесть в новеллах. М., «Моск. рабочий», 1973, 412 с.

Повесть о Пушкинском заповеднике в предвоенные и военные годы.

Альтман М. С. Пушкинские реминисценции у Блока. — В кн.: Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского. Л., «Наука», 1973, с. 350—355. (АН СССР. Ин-т языкознания).

Альтман М. Ценная книга. — Звезда, 1973, № 3, с. 219—222.

Рец. на кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., «Наука», 1972, 468 с.

Антиповская Г. К. Из опыта работы факультатива «Литература пушкинской поры». — Литература в школе, 1973, № 4, с. 51—54.

Архипов В. По пути Пушкина. — В кн.: Архипов В. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Н. А. Некрасова. М., «Сов. Россия», 1973, с. 298—331.

Ахматова Анна. Александрина. Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Э. Г. Герштейн. — Звезда, 1973, № 2, с. 207—215.

Ахматова Анна. Гибель Пушкина. Вступ. статья «Неизданная статья Анны Ахматовой о гибели Пушкина» (с. 191—206), подгот. текста и примеч. Э. Герштейн. — Вопросы литературы, 1973, № 3, с. 191—236.

Баханов Б. Песни села Болдина. — Наш современник, 1973, № 4, с. 188—189.

Рец. на кн.: Предания и песни болдинской старицы. Горький, Волго-Вятск. кн. изд., 1972, 111 с.

Белинский В. Г. Статьи о классиках. М., «Художественная литература», 1973, 607 с.

Стр. 5—129: «Сочинения Александра Пушкина». Статья пятая (отрывок). — Статья восьмая. — Статья девятая.

Белкин Д. И. «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Персидские письма» Монтескье. — В кн.: Литературные связи и традиции. Горький, 1973, с. 122—130. (Учен. записки Горьк. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, вып. 160).

Белянова Г. Основные закономерности формообразования в опере Даргомыжского «Каменный гость». — В кн.: Страницы истории русской музыки. Статьи молодых музыковедов. Л., «Музыка», 1973, с. 18—36. (Ленингр. гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).

Беседина Т. А. «Я помню чудное мгновенье». (О путях изучения лирики в средней школе). — В кн.: По новым программам. В помощь учителю литературы. Вологда, 1973, с. 33—53. (Вологодский гос. пед. ин-т).

Бешенковский Евгений. «Песнь о вещем Олеге» — памятник декабристской мысли. — В кн.: Литература и ты. Сборник. Вып. 5. М., «Молодая гвардия», 1973, с. 194—197.

Легенда о смерти Олега в «Древней российской истории» М. В. Ломоносова — источник пушкинского стихотворения.

Благой Д. Д. «Душа в заветной лире...». — Литературная Армения, 1973, № 2, с. 81—84.

Беседу с участником XXII Всесоюзной Пушкинской конференции Д. Д. Благой вели Н. Карапетян и Г. Мартиросян.

Благой Д. От Кантемира до наших дней. [В 2-х т.]. Т. 2. М., «Художественная литература», 1973, 463 с.

Стр. 5—87: «Принципы пушкинского мастерства». Стр. 88—231: «Пушкин — зодчий».

Впервые, отд. изд.: Благой Д. Мастерство Пушкина. М., «Сов. писатель», 1955.

Рец.:

Сахаров Вс. Постигая Пушкина. — Литература в школе, 1974, № 2, с. 80—82.

Богомолова Е. И. А. С. Пушкин. — В кн.: Богомолова Е. И., Жаров Т. К., Клочихина М. М. Методическое пособие для преподавателей литературы подготовительных отделений вузов. М., «Высш. школа», 1973, с. 93—132.

Бодрова Н. А. Рекомендация книг о Пушкине и его времени. — Литература в школе, 1973, № 4, с. 55—58.

Бодрова Т. И. Прилагательные цвета в произведениях А. С. Пушкина (красный и черный). — В кн.: Вопросы русского языкознания. Душанбе, 1973, с. 3—20. (М-во нар. образования Тадж. ССР. Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина.—Душанб. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко).

Бозырев В. С. Пушкинский заповедник. — В кн.: Достопримечательности Псковской области. Сост. Л. И. Маляков. Л., Лениздат, 1973, с. 225—272 с ил.

Бонди С. М. О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., «Детская литература», 1973, с. 5—50. (Школьная б-ка).

То же в кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. Барнаул, Алтайское кн. изд., 1973, с. 5—46. (Школьная б-ка).

Впервые в кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., Детгиз, 1957, с. 5—45.

Бояр О. А. С. Пушкин в Захарове. [Фотоочерк. Фото Г. Д. Петренко]. М., «Сов. Россия», 1973, 15 с. с ил.

- Брудный Д. Л. Лирика А. С. Пушкина. (К эстетическому анализу стихотворений «К Чаадаеву» и «Памятник»). — Рус. яз. и лит. в уzb. школе, Ташкент, 1973, № 2, с. 20—28; № 5, с. 40—45.
То же: Рус. яз. в казах. школе, Алма-Ата, 1973, № 5, с. 39—48.
- Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., «Наука», 1973, 460 с.
Стр. 195—235: Гл. IV. А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов и «Тифлиссские ведомости». Стр. 316—325: «Пушкинская оценка» [«Тифлиссских ведомостей»].
- Вигилянский В. [Рец. на кн.:] Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972. — Новый мир, 1973, № 12, с. 277—278.
- Виноградов В. В. Стиль и композиция повести Пушкина «Метель». — В кн.: Книга спорит с фильмом. «Мосфильм» VII. М., «Искусство», 1973, с. 244—264.
- Виноградова В. Н. Пушкин в Одессе. Библиогр. список. Одесса, 1973, 24 с. (М-во культуры УССР. Одес. гос. науч. б-ка им. А. М. Горького).
- Вишневский Л. Еще раз о виновниках пушкинской трагедии. — Октябрь, 1973, № 3, с. 206—215.
- Воишев Юрий. Ночная метель. Повесть. — Подъем, 1973, № 1, с. 83—106.
Последние дни Пушкина.
Рец.:
Гордин Я. Ответственность перед прошлым. — Звезда, 1974, № 3, с. 206—208.
- Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., «Наука», 1973, 114 с.; 8 л. ил. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис.).
Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. Н. Я. Эйдельман. Секретное донесение Геверса о Пушкине; Н. И. Грановская. Рисунок Пушкина. Портреты Арины Родионовны; Л. П. Февчук. Семья Пушкина. Изобразительные материалы в Словацком национальном музее в Братиславе. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1971 года; Я. Л. Левкович. Документальная литература о Пушкине (1966—1971 гг.). — III. Мелкие заметки. М. Ф. Мурьянов. Из комментариев к пушкинским произведениям: 1. Армянское предание в «Гавриилиаде». 2. О стихотворении «Горишь ли ты, лампада наша»; Л. В. Чхайдзе. Пометки Пушкина на письме к нему А. П. Плещеева; Л. А. Черейский. Забытый знакомый Пушкина; А. Д. Никольский. А. де Виньи об А. С. Пушкине; В. А. Макаренко. «Послание в Сибирь» Пушкина в переводе филиппинского поэта. — IV. Хроника. Государственный Пушкинский заповедник в 1971 г.; Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1971 г.; Государственный музей А. С. Пушкина в 1971 г.; Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино в 1970—1971 гг. (Горьковская область); Музей А. С. Пушкина в с. Берново (Калининская область); Пушкинские дни в г. Бузулуке; Пушкин и Тамбовский край; Скульптура А. С. Пушкина в Казани; Список иллюстраций.
- Гаджиев А. Д. К вопросу о литературных источниках «Путешествия в Арарум во время похода 1829 г.» А. С. Пушкина. — Учен. записки Азерб. гос. ун-та, 1973, Серия яз. и лит., № 1, с. 84—86.
- Гаджиев А. Д. О литературных откликах на «Путешествие в Арарум» А. С. Пушкина. — Изв. АН Аз. ССР, 1973, Серия лит., яз. и искусства, № 2, с. 18—23.
- Гаджиев Агиль Джафар Оглы. «Путешествие в Арарум» А. С. Пушкина и русская очерковая проза второй половины 20-х—30-х годов XIX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1973, 24 с. (Моск. гос. ун-т. Филол. фак.).

- Гейченко Семен Степанович. У лукоморья. Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника. [Вступит. статья М. Дудина]. Изд. 2-е, доп. Л., Лениздат, 1973, 271 с. ил.
- Рец.:
 Пини Олег. — Аврора, 1974, № 6, с. 75—76.
 Шопин В. У Пушкина в Михайловском. — Волга, 1973, № 5, с. 188—189.
- Геренчер Жигмонд. Пушкин в Венгрии. — Детская литература, 1973, № 4, с. 52—53.
- Германович А. И. «Узник» А. С. Пушкина в славянских переводах. — В кн.: Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками. (Тезисы докладов и сообщений). Симферополь, 1973, с. 167—171. (АН УССР. Ин-т языкознания им. А. А. Потемни. — МВССО УССР. Симферопольский гос. ун-т им. М. В. Фрунзе. — М-во просвещения УССР).
- Гессен А. Лицейская республика. — Дошкольное воспитание, 1973, № 2, с. 114—119.
- Гессен А. И. Мой путь к Пушкину. — Утро жизни. — Дошкольное воспитание, 1973, № 1, с. 116—127.
- Гессен Арнольд Ильич. Рифма, звучная подруга... Этюды о Пушкине. М., «Наука», 1973, 374 с. с ил.; 1 л. портр.
- Рец.:
 Лурье С. Десять тысяч «однажды». — Звезда, 1974, № 6, с. 214—216.
- Глинка М. Материалы оперы «Руслан и Людмила». — В кн.: Глинка М. Полное собрание сочинений. Лит. произведения и переписка. Подгот. А. С. Ляпунова. Т. I. М., «Музыка», 1973, с. 95—178.
- Гордин Михаил. Начало поэмы? — Аврора, 1973, № 6, с. 72—74.
 О рисунке Пушкина, изображающем Медного всадника.
- Грицай Ю. Ф. «История села Горюхина» А. С. Пушкина — литературный прототип «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 1 (24). Львов, 1973, с. 19—26. (Респ. межвед. науч. сборник).
- Губина Ф. И. Организация работы по теме «А. С. Пушкин в искусстве» на материале телепередачи. — Рус. яз. и лит. в узб. школе, Ташкент, 1973, № 5, с. 71—73.
- Гукасова А. Г. Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. Книга для учителя. Под ред. Г. Н. Поспелова. М., «Просвещение», 1973, 303 с.
- Гусев Вл. О стиле Пушкина. — Литература в школе, 1973, № 6, с. 2—9.
 Черты поэтического стиля Пушкина.
- Дановский А. В. О сопоставлении романтического морского пейзажа В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и Д. Байрона в VIII классе. — В кн.: Самостоятельная работа учащихся по литературе. Сборник трудов. М., 1973, с. 131—141. (М-во просвещения РСФСР. — Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина).
- Дантовские чтения 1973. Под общ. ред. И. Балзы. М., «Наука», 1973, 286 с. (АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. Дантовск. комис.).
 Стр. 9—64: Д. Д. Благой. II gran'padre (Пушкин и Данте).
 Стр. 277—284: В. В. Лазурский. Шрифт «Данте». [Библиофильское издание «Медного всадника» (Верона, 1968), напечатанное шрифтом Д. Мардерштейга «Данте» и шрифтом «Пушкин», рисованным автором статьи. Ранее заметка об этом издании В. В. Лазурского — «Веронское издание „Медного всадника“» — опубликована в: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 115—118 (с воспроизведением титульного листа и колофона издания)].

- Добин Е. История девяти сюжетов. Рассказы литературоведа. Рис. Т. Шишмаревой. Л., «Детская литература», 1973, 175 с.
Стр. 36—47: «Туз и дама (А. Пушкин. «Пиковая дама»)». Стр. 110—139: «История и роман (А. Пушкин. «Капитанская дочка»)».
- Должанский А. Еще о «Пиковой даме» и шестой симфонии Чайковского. — В кн.: Должанский А. Избранные статьи. Л., «Музыка», 1973, с. 162—177.
- Долматовский Е. А. Паломничество в Михайловское. — «Под небом Африки моей». Родственники Пушкина. — В кн.: Долматовский Е. А. Было. Записки поэта. М., «Сов. писатель», 1973, с. 37—46, 300—304.
- Драбкина Елизавета Яковлевна. Кастальский ключ. Эссе. М., «Детская литература», 1973, 174 с. с ил.
Пушкин после 1825 г. Празднование юбилея 1887 г. Отношение Ленина к Пушкину.
Впервые: Юность, 1972, № 9, с. 70—93; № 10, с. 76—91.
- Дробышева Л. Я. Роль инверсий в прозе А. С. Пушкина. — В кн.: Исследования по русскому языку. Омск, 1973, с. 45—50. (Учен. записки Омского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького, вып. 76).
- Емельянов В. Художественная функция цитаты в романе Ю. Тынянова «Пушкин». — В кн.: Сборник студенческих научных работ. (Краткие сообщения). Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1973, с. 45—46. (Тарт. гос. ун-т).
- Еремин М. В мире Пушкина: подробности и целое. — Вопросы литературы, 1973, № 5, с. 279—284.
Рец. на кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., «Наука», 1972, 468 с.
- Закруткин В. О неувыдаемом. М., «Современник», 1973, 446 с.
Стр. 185—189: «Памятник нерукотворный» [написано в 1962 г.]. Стр. 190—213: «Пушкин и Лермонтов» [написано в 1936 г.].
- Записки краеведов. Очерки. Воспоминания. Статьи. Документы. Хроника. Горький, Волго-Вятск. кн. изд., 1973, 183 с.
Стр. 113—139: «Болдинские чтения. К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина» (Ю. И. Левина. Из истории кистневской усадьбы; В. М. Русаков. А. А. Пушкин — сын поэта; Р. В. Овчинников. История кистневского пугачевца; Н. А. Васильев. Путешествие А. С. Пушкина в Поволжье, на Урал и в Болдино в 1833 году).
- Иванов С. Н. О переводах произведений Пушкина на узбекский язык. (Заметки по сопоставительной поэтике). — Русская литература, 1973, № 3, с. 97—104.
- Измайлов Н. В. Текстологическое изучение поэмы Пушкина «Медный всадник». — В кн.: Текстология славянских литератур. Доклады конференции. Ленинград, 25—30 мая 1971 г. Л., «Наука», 1973, с. 119—130. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). — Ин-т мировой литературы им. М. Горького. Текстологическая комис. Международного комитета славистов).
- Искусство слова. Сборник статей. К 80-летию чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благого. М., «Наука», 1973, 420 с.; 1 л. портр. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
Стр. 3—15: В. О. Перцов. Поэт науки. К 80-летию со дня рождения Д. Д. Благого. Стр. 16—28: Р. Р. Гельгардт. О стиле научной прозы. По наблюдениям над текстами литературоведческих исследований Д. Д. Благого. — II. Пушкиноведение. Стр. 72—81: Л. Г. Фризман. Три элегии. Стр. 81—89: Е. А. Маймин. О субъективном начале в романтической лирике Пушкина. Стр. 89—97: С. В. Шервинский. К изучению ритмики Пушкина.

кина. Стр. 97—101: Т. Г. Цявловская. «Князь Дундук». Стр. 101—111: В. В. Пугачев. Пушкин и Чаадаев. Стр. 112—121: И. М. Тойбин. Формула Пушкина «Феодализма у нас не было, и тем хуже». Стр. 121—124: А. Д. Михайлов. Пушкин и Стендаль. Стр. 125—134: И. Ф. Бэла. Пушкин и Ян Потоцкий. Стр. 134—142: Н. Н. Петрунина. О Петербургском тексте «Истории Пугачева». Стр. 143—150: В. С. Шадурн. О восприятии и использовании пушкинского наследия Ильей Чавчавадзе. — III. Русская литература XIX—XX веков. Стр. 170—176: Н. В. Фридман. Влияние «Медного всадника» Пушкина в «Шинели» Гоголя. Стр. 184—191: Ю. В. Манн. Некрасов в борьбе за Пушкина. Стр. 247—253: Б. Я. Бухштаб. Об авторстве стихотворения, приписывавшегося Пушкину и Фету. Стр. 260—269: О. А. Державина. Образ Бориса Годунова в трагедии А. С. Пушкина и в трилогии А. К. Толстого. Стр. 269—276: З. С. Паперный. «Пушкин в прозе». Стр. 403—411: Труды чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благого. Библиография. 1958—1972. Сост. Е. Д. Лебедева.

История русской журналистики XVIII—XIX веков. Под ред. А. В. Западова. Изд. 3-е, испр. М., «Высшая школа», 1973, 518 с.

Стр. 164—183: «Журналистская деятельность А. С. Пушкина».

К истории русского романтизма. М., «Наука», 1973, 551 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Стр. 129—172: Н. В. Фридман. О романтизме Пушкина. («Цыганы» в художественной системе южных поэм). Стр. 173—187: А. Г. Пиотровская. К типологии ранних романтических поэм Пушкина и Мицкевича. Стр. 386—418: М. Л. Нольман. От «Демона» Пушкина к «Демону» Некрасова.

Карслова Е. В. «Полтавский бой» А. С. Пушкина в шестом классе. — В кн.: В помощь учителю литературы. Метод. сборник. Ярославль, 1973, с. 38—59. (Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского).

Кедров Константин Александрович. Эпическое начало в русском романе первой половины XIX века. («Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Мертвые души» Н. В. Гоголя). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., Изд. Моск. ун-та, 1973, 24 с. (МГУ. Филол. фак.).

Келдыш Ю. Рахманинов и его время. М., «Музыка», 1973, 470 с. (Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР).

Стр. 65—76: опера «Алеко». Стр. 82—86: премьера «Алеко». Стр. 254—263: опера «Скупой рыцарь».

Кипшкин Л. С. Две книги о чешских переводах Пушкина. — Русская литература, 1973, № 3, с. 185—189.

Рец. на книги: Dohnal В. 1) Překladatel a básník Petr Kříčka a české i cizí překlady z Puškina. Praha, 1970; 2) Geneze překladu. Praha, 1971.

Кобахия Л. А. Д. И. Гулиа — переводчик Пушкина. — В кн.: Сборник статей Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Сухуми, «Алашара», 1973, с. 140—151.

Кончин Е. Глядим назад, следов не видя там... — Знание — сила, 1973, № 8, с. 43—45 с ил.

История пушкинского портрета работы В. А. Тропинина.

Коровин В. Что сказали о Пушкине София Николаевна и Михаил Михайлович... — Отчизна, 1973, № 9, с. 19—22; № 10, с. 20—23.

Рец. на кн.: Косман С. Дневник Пушкина. История одного преступления. Париж, 1970.

Впервые: Вопросы литературы, 1972, № 1, с. 105—118.

Кравцов Н. И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., МГУ, 1973, 363 с.

Стр. 196—259: «Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“ в славянских литературах» [впервые в кн.: Литература славянских народов. Вып. 6. М., 1961, с. 126—177]. Стр. 260—265: «Сочинения А. С. Пушкина на словенском языке» [впервые: Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1969, т. 28, вып. 3, с. 286—288].

Крюкова А. Александр Сергеевич Пушкин. (1799—1837). — В кн.: Русские писатели в Москве. М., «Моск. рабочий», 1973, с. 238—264.

Кузнецова (Поддубная) Светлана Васильевна. Поэзия Пушкина в английских переводах. (Опыт сопоставительного анализа трагедии «Борис Годунов»). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1973, 18 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

Кунин В. В. История библиотеки Соболевского. — В кн.: Альманах библиофила. М., «Книга», 1973, с. 78—98.

Пушкин и библиотека Соболевского. Книги Пушкина в библиотеке Соболевского.

Куприн А. И. Петр и Пушкин. Публ., вступ. статья «Две статьи А. И. Куприна» (с. 8—9) Ф. И. Кулешова. — Веснік Беларус. ун-та, 1973, Сер. IV. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, № 1, с. 9—11.

Написано в 1932 г.

Куприн А. И. Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 9. Воспоминания, статьи, рецензии, заметки. М., «Художественная литература», 1973, 336 с.

Стр. 72—75: «Солнце поэзии русской» [впервые: Жизнь и искусство, Киев, 1899, 26 мая, № 144; подпись: А. К.]. Стр. 202—205: «Петр и Пушкин» [впервые: Иллюстрированная Россия, Париж, 1932, 4 июня, № 23, с. 1—2]. Стр. 217—220: «Петр и Пушкин» [впервые: Иллюстрированная Россия, 1929, 1 июня, № 23, с. 1—2].

Курочкин Ю. Дело Липранди. — Урал, 1973, № 6, с. 141—151.

К биографии Пушкина кишиневского периода. Опись 5 тетрадей Липранди, обнаруженных в Нижнем Тагиле.

То же в кн.: Курочкин Ю. Приключения «мадонны». Страницы краеведческих поисков. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд., 1973, с. 35—58.

Курочкина Г. Сказки Пушкина. — Дошкольное воспитание, 1973, № 9, с. 47—53.

Левкович Я. Л. Пушкин в работах американского исследователя. — Русская литература, 1973, № 4, с. 198—203.

Рец. на работы У. Викери (W. Vickery) «Death of a Poet» (Indiana University Press, 1968), «Alexander Pushkin» (New York, 1970) и «Pushkin: Russia and Europe» (Review of National Literature), III, 1972, № 1, с. 15—39).

Литература в школе, 1973, № 5.

Стр. 6—14: С. М. Петров. Великий русский поэт. Стр. 40—43: М. И. Леденева. Первый урок о Пушкине в VIII классе. Стр. 44—49: Р. Д. Мадер. Уроки по лирике Пушкина в VIII классе. Стр. 80—81: Э. Е. Рапопорт. В созвездии Пушкина [рец. на кн.: Рождественский Вс. В созвездии Пушкина. М., «Современник», 1972].

Лихоносов Виктор. Элегия. — Наш современник, 1973, № 10, с. 60—77. Рассказ о Пушкинских Горах.

Лобикова Н. «Как лен, елеем напоенный...». — Азия и Африка сегодня, 1973, № 7, с. 33—35.

«Подражания Корану» А. С. Пушкина.

Лобикова Н. Судьба трагедии Пушкина «Борис Годунов». — Вопросы литературы, 1973, № 4, с. 270—272.

- Рец. на кн.: Филиппова Н. Ф. Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М., «Книга», 1972, 142 с.
- Ломунов К. Н. Биография книги. — Литература в школе, 1973, № 4, с. 75—76.
- Рец. на кн.: Филиппова Н. Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов».
- Майстров Л. Пушкин: «АД (1); ... АВД+АЕ (4)...». — Знание — сила, 1973, № 10, с. 64.
- Запись Пушкина («Форма цифров арабских...») в «Table-talk» <VI>.
- Мальцев Михаил Иванович. Проблема крестьянского восстания и революции в творчестве А. С. Пушкина. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Тбилиси, 1973, 40 с. (Тбил. гос. ун-т).
- Мануйлов В. А., Холшевникова Е. В. О романе «Дубровский». — В кн.: Пушкин А. С. Дубровский. Роман. [Изд. 6-е]. М., «Детская литература», 1973, с. 69—78. (Школьная б-ка).
- Впервые в кн.: Пушкин А. С. Дубровский. Л., 1964, с. 71—79.
- Маркович Я. С. Пушкинское в поэзии Бунина. — Вестн. Ереванского ун-та. Обществ. науки, 1973, № 1, с. 165—171.
- Марьянов Б. Легенда о блудном сыне. — Наука и религия, 1973, № 2, с. 84—90; № 6, с. 86—92.
- Статьи 3 и 4. Начало см.: Наука и религия, 1972, №№ 2 и 6. Об истолковании пушкинского творчества в религиозном духе литераторами символистско-декадентского направления и русскими эмигрантами.
- Миц З. Г. Блок и Пушкин. — В кн.: Труды по русской и славянской филологии. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973, с. 135—296. (Учен. записки Тарт. ун-та, вып. 306).
- Михайлов Ал. «Что в имени тебе моем?» (Пушкин и современная поэзия). — Вопросы литературы, 1973, № 2, с. 42—67.
- Муравская К. П. Изобразительный материал на уроках по изучению биографии А. С. Пушкина. — Рус. яз. и лит. в узб. школе, Ташкент, 1973, № 1, с. 24—27.
- Мурьянов М. Ф. Пушкинский замысел «Беральда Савойского». — В кн.: Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского. Л., «Наука», 1973, с. 341—344 (АН СССР. Ин-т языкознания).
- Назарова Граната. Парад современников Пушкина. — В кн.: Белые ночи. Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., Лениздат, 1973, с. 112—121 с пл.
- Картина Г. Г. Чернецова «Парад на Марсовом поле».
- Накорякова К. М. Редакторское мастерство в России в XVI—XIX вв. Опыт и проблемы. Под ред. проф. А. В. Западова. М., Изд. МГУ, 1973, 196 с.
- Стр. 125—139: «А. С. Пушкин — редактор».
- Немирович-Данченко В. И. Замечания по спектаклю «Последние дни» («Пушкин») М. А. Булгакова. — В кн.: Немирович-Данченко В. И. О творчестве актера. Хрестоматия. М., «Искусство», 1973, с. 450—465. (Науч.-исслед. комис. по изучению и изд. наследия К. К. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко при МХАТ СССР им. М. Горького).
- Впервые в кн.: Вл. И. Немирович-Данченко. Театральное наследие. Т. I. Статьи. Речи. Беседы. Письма. М., «Искусство», 1952, с. 328—344.
- Непомнящий В. К творческой эволюции Пушкина в 30-е годы. — Вопросы литературы, 1973, № 11, с. 124—168.

- Непомнящий В. О сказках Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Сказки. М., «Художественная литература». 1973, с. 3—23 (Нар. б-ка).
Впервые в кн.: Пушкин А. С. Сказки. М., 1966, с. 5—21.
- Непомнящий В. Сложность простоты. Отрывок из телевизионной передачи о сказках Пушкина. — Семья и школа, 1973, № 3, с. 42—44.
- Нестеров М. Н. Документальность и современность в языке исторического романа (на материале романа Ю. Тынянова «Пушкин»). — В кн.: Проблемы историзма в художественной литературе. Курск, 1973, с. 60—71. (Науч. труды Курск. гос. пед. ин-та, т. 24).
- Никишов Ю. М. Из опыта проведения практического занятия по стихотворению А. С. Пушкина «Деревня». — В кн.: Из опыта преподавания литературы в педагогическом институте. Челябинск, 1973, с. 101—119. (М-во просвещения РСФСР. Челябинский гос. пед. ин-т).
- Никишов Ю. М. Композиционный анализ стихотворения Пушкина «Деревня». — Литература в школе, 1973, № 4, с. 2—6.
- Никишов Ю. М. На стыке романтизма и реализма. Лирика Пушкина михайловской ссылки. — В кн.: Из истории русской и зарубежной литературы XI—XX вв. Кемерово, 1973, с. 42—57. (М-во просвещения РСФСР. — Кемеровский гос. пед. ин-т).
- Никишов Ю. Пушкинский «Демон» — не портрет. — Вопросы литературы, 1973, № 8, с. 206—209.
По поводу статьи Н. Дамдинова «Прообраз пушкинского „Демона“» (Вопросы литературы, 1972, № 8, с. 179—184).
- Нольман М. Гибельный альянс науки и антисоветизма. — Вопросы литературы, 1973, № 6, с. 172—176.
О статье Л. Келер «Об идентичности пушкинского „возвышенного галла“» («The Slavonic and East European Review», 1971, v. 49, № 117).
- Нольман М. Л. Образный строй «Бориса Годунова». — В кн.: Проблемы теории и истории литературы. Ярославль, 1973, с. 3—25. (Сборник науч. трудов Яросл. гос. пед. ин-та — Костром. пед. ин-та им. Н. А. Некрасова, вып. 36).
- Нольман Михаил Лазаревич. Система пушкинских образов. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филолог. наук. Л., 1973, 33 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Ободовская И., Дементьев М. Сестры Гончаровы и их письма. По неизвестным эпистолярным материалам. Послесл. Д. Благого. — Москва, 1973, № 10, с. 181—200.
Фрагмент из книги «Вокруг Пушкина».
- Овчинникова С. Друзья-лицейсты. — Дошкольное воспитание, 1973, № 2, с. 53—56.
- Овчинникова С. Т. Музей Александра Сергеевича Пушкина в селе Бернове. Друзья и знакомые Пушкина. Каталог портретов. Калинин, 1973, 32 с. с ил. (Калинин. обл. упр. культуры. Калинин. обл. краев. музей).
- Одесский год Пушкина. Сборник. Ред.-сост. К. С. Саркисян. Одесса, «Маяк», 1973, 367 с. с ил.
Стр. 5—14: М. Левченко. Одесский год Пушкина. Стр. 17—316: [произведения Пушкина, написанные в 1823—1824 гг. в Одессе и их переводы на украинский язык]. Стр. 317—324: Из хроники творчества А. С. Пушкина. Стр. 325—339: Пушкин, его друзья и враги. (Выдержки из писем). Стр. 341—350: «Итак, я жил тогда в Одессе» (прогулка по пушкинским местам); примечания.
- Панфилов А. К. Был ли язык пушкинской прозы архаичным? — В кн.: Лингвистические дисциплины на факультете русского языка и литературы. (Материалы семинара преподавателей русского языка пед. институтов Моск. зоны 25—26 октября 1971 г.). М., 1973, с. 71—75. (М-во просвещения РСФСР. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина).

- Пекелис М. Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение. В 3-х т. Т. 2. М., «Музыка», 1973, 416 с.
Гл. 9: Лирическая опера-балет «Торжество Вакха» (с. 132—190). Гл. 10: «Русалка» (с. 191—366).
- Перцов В. Поэзия науки. — Знамя, 1973, № 3, с. 227—233.
Рец. на кн.: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., «Сов. писатель», 1967.
- Петров С. М. А. С. Пушкин. — В кн.: История русской литературы XIX века (первая половина). Под ред. проф. С. М. Петрова. Изд. 4-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1973, с. 179—252.
- Петров С. М. А. С. Пушкин. Очерк жизни и творчества. М., «Просвещение», 1973, 352 с. с ил. (Б-ка словесника).
Рец.:
- Коровин В. Новая книга в «Библиотеке словесника». — Литература в школе, 1974, № 2, с. 82—84.
- Пини О. А. Памяти Пушкина. — Русская литература, 1973, № 4, с. 240—241.
Научное заседание в Институте русской литературы, посвященное 174-й годовщине со дня рождения Пушкина. Изложение докладов.
- Попов Иннокентий. По замыслу Глинки. — Театр, 1973, № 5, с. 17—22, с фото.
Опера «Руслан и Людмила» в Большом театре СССР. Постановка Б. Покровского. Худ. И. Сумбаташвили.
- Проблемы поэтики и истории литературы. Сборник статей. К 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности Михаила Михайловича Бахтина. Саранск, 1973, 271 с. (Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева).
Стр. 125—146: А. М. Куканов. К проблеме традиций и новаторства в «Руслане и Людмиле» Пушкина и роль радищевского начала. Стр. 147—163: С. Г. Бочаров. «Свобода» и «счастье» в поэзии Пушкина. Стр. 164—171: И. Д. Воронин. Краснослободские связи А. С. Пушкина.
- А. С. Пушкин и художники Чернецовы. [С предисл. ред.]. Цявловская Т. Григорий Чернецов. — Вупч Л. Никанор Чернецов. — Наука и жизнь, 1973, № 2, с. 98—105.
- Пушкинский сборник. Псков, 1973, 160 с. (Учен. записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена).
Содерж.: Ю. М. Лотман. Идейная структура поэмы Пушкина «Анджело». — Л. С. Сидяков. Публицистика в художественной прозе Пушкина. (Незавершенные произведения рубежа 1830-х годов и опыт «Евгения Онегина»). — Е. А. Тоддес. О незаконченной поэме Пушкина «Тазит». — Л. И. Вольперт. Загадка одной книги из библиотеки Пушкина. (Пометы на романе Ю. Крюденер «Valérie»). — И. Л. Альми. Пушкинская традиция в романе Тургенева «Отцы и дети». — Э. В. Слинниа. Пушкинские мотивы в парсковельских стихах Анны Ахматовой. — В. Н. Голицина. «Всякая современность в настоящем — сосуществование времен» (Цветаева о Пушкине).
- Райхин Д. Я. К пушкинским дням в школе. — Литература в школе, 1973, № 6, с. 51—55.
- Рапорт Э. Е. Пушкинский семинар для учащихся. — Веч. сред. школа, 1973, № 2, с. 29—30.
Из опыта 127-й школы Ленинграда.
- Резников Л. Моцарт и Сальери. (Заметки о нравственной природе искусства и позиции художника). — В кн.: Резников Л. Гуманизм. Гражданственность. Мастерство. Статьи и исследования. Петрозаводск, «Карелия», 1973, с. 3—35.

«Моцарт и Сальери» Пушкина. Впервые: Север, 1972, № 6, с. 98—110.

Реморова Н. Б. Вопросы западноевропейской культуры средних веков и Возрождения в статьях и заметках А. С. Пушкина. (Статья первая). — В кн.: Вопросы литературы. Томск, 1973, с. 173—184. (Учен. записки Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, № 83).

Реморова Н. Б. Пушкинские традиции в творчестве Дмитрия Кедрина. Статья 2. — В кн.: Сборник трудов молодых ученых. Вып. 2. Томск, 1973, с. 114—130. (Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева).

Ровда К. И. Из истории чешско-русских литературных связей (В. Ч. Бендл — пропагандист и переводчик Пушкина). — Русская литература, 1973, № 1, с. 86—97.

Русakov В. О неизвестном дневнике Пушкина. — Кодры, 1973, № 2, с. 133—139.

Поиски дневника № 1.

Русская и советская литература. Пособие для подгот. отд-ний и курсов. Казань, Казан. ун-т, 1973, 487 с. (В помощь поступающим в вузы). Стр. 119—154: Гл. IV. И. В. Карташова. А. С. Пушкин (1799—1837).

Русский язык в армянской школе, 1973, № 4, 68 с.

Стр. 27—31: В. Л. Олина. Образы Онегина и Татьяны. (Из опыта бесед на уроках). Стр. 44—48: Ж. В. Петросян. Примерная поурочная разработка темы «Евгений Онегин» для VIII класса. (Из опыта работы). Стр. 49—55: И. Е. Каплан. «Памятник» Пушкина. (Опыт анализа).

Рытхэу Юрий. Пушкин, Россия, Москва. — Литературное обозрение, 1973, № 4, с. 7—10.

Сарнов Б. Семена, летящие на асфальт. — Новый мир, 1973, № 5, с. 263—276.

О книге И. Д. Хмарского «Народность поэзии А. С. Пушкина» (М., «Просвещение», 1970, 128 с.)

Селиванова С. Д. О некоторых особенностях романтизма Пушкина (на основе текстологического анализа поэмы «Кавказский пленник»). — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1973, № 1, с. 18—30.

Сельвинский Илья. Я буду говорить о стихах. Статьи. Воспоминания. «Студия стиха». М., «Сов. писатель», 1973, 503 с.

Стр. 343—347: «Звучит пушкинское слово» [«маленькие трагедии» в Театре им. Евг. Вахтангова]. Стр. 348—351: «Начало пушкинской судьбы» [впервые: Театр, 1963, № 3, с. 32—34].

Семибратова И. В. Пушкин известен мало... (Современные английские и американские исследования о А. С. Пушкине). — В кн.: Русская литература в оценке современной зарубежной критики. (Против ревизионизма и буржуазных концепций). М., Изд. МГУ, 1973, с. 39—56.

В статье допущены грубые ошибки. Так, например, автор переводит заглавие статьи Л. Педротти как «Чеховская защита пушкинской прозы». В действительности речь идет не о Чехове, а о Сенковском (Sekowski), и статья называется «Защита Сенковским прозы Пушкина». Ошибку И. Семибратовой повторяет ее рецензент Б. Бугров (Вопросы литературы, 1974, № 3, с. 258). (Ред.).

Серман И. Пушкин и Петр Великий. — Вопросы литературы, 1973, № 11, с. 265—270.

Рец. на кн.: Arminjon V. Pouchkine et Pierre le Grand. Paris, 1971, 276 p.

Сидоров А. «Найди искусный и быстрый карандаш...». А. С. Пушкин и книжная графика. — В мире книги, 1973, № 12, с. 23—26 с ил.

- Сидоровский Л. «Одна любовь души моей...». — В кн.: Коллекция служит людям. Л., Лениздат, 1973, с. 43—46.
Пушкинская коллекция Ю. М. Стригунова.
- Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. [Учебное пособие]. Рига, 1973, 219 с. (М-во выпш. и сред. спец. образования Латв. ССР. Латв. гос. ун-т им. Петра Стучкп).
Стр. 209—217: краткая библиография.
- Смирнов И. [Рец. на кн.:] Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., «Книга», 1972, 319 с. — Звезда, 1973, № 5, с. 218—219.
- Соллертинский Е. Е. О факультативе по лирике А. С. Пушкина. — В кн.: По новым программам. В помощь учителю литературы. Вологда, 1973, с. 79—99. (Вологодский гос. пед. ин-т).
- Соллертинский Е. Е. Русский реалистический роман первой половины XIX века. Проблемы жанра. Вологда, 1973, 175 с. (М-во просвещения РСФСР. Вологодский гос. пед. ин-т).
Стр. 14—60: Гл. I. «Свободный роман» А. С. Пушкина («Евгений Онегин»).
- Соллертинский И. Статьи о балете. Предисл. М. Друскина. Комментар. И. В. Белецкого. Л., «Музыка», 1973, 208 с.
Стр. 90—96: «Бахчисарайский фонтан» [впервые под заглавием «Вперед, к Новерру!»: Рабочий и театр, 1934, № 29].
Стр. 151—155: «Сказка о попе и работнике его Балде» [впервые: Ленингр. правда, 1940, 11 февраля].
- Соловьев Владимир. Трагедия «ложного воображения». — Нева, 1973, № 6, с. 185—190.
«Скупой рыцарь».
- Станько А. И. Пушкин — журналист и редактор. Ростов н/Д., 1973, 90 с. (Ростовский-на-Дону гос. ун-т).
Рец.:
Копшицер М. — Дон, 1974, № 6, с. 187—188.
Чичикина Нина. О Пушкине, журналисте и редакторе. — Журналист, 1974, № 6, с. 58.
- Стахеев Б. «Он между нами жил...». (К 175-летию со дня рождения Адама Мицкевича). — Литература в школе, 1973, № 6, с. 81—87.
Мицкевич и Пушкин.
- Стригунов Ю. М. Мое увлечение. — В кн.: Альманах библиофила. М., «Книга», 1973, с. 200—206.
Коллекция книг и материалов об А. С. Пушкине.
- Строева М. Н. Режиссерские искания Станиславского. 1898—1917. М., «Наука», 1973, 375 с.
Стр. 319—331: «Пушкинский спектакль» [постановка «маленьких трагедий» в Художественном театре, 1915 г.].
- Субботин Василий. Земля Михайловского. — В кн.: Субботин Василий. Проза поэта. Первая книга. Как кончаются войны. Жизнь поэта. М., «Художественная литература», 1973, с. 28—30.
- Суздальский Ю. П. Символика античных имен в поэзии А. С. Пушкина. — В кн.: Русская литература и мировой литературный процесс. Сборник науч. трудов. Л., 1973, с. 5—42. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Тамарченко Н. Д. О жанровой общности «Пиковой дамы» А. С. Пушкина и «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. — В кн.: XXVI Герценовские чтения. Литературоведение. Науч. доклады. Л., 1973, с. 44—49. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Тамарченко Н. Д. Пушкин и «неистовые» романтики. — В кн.: Из истории русской и зарубежной литературы XI—XX вв. Кемерово, 1973, с. 58—77. (М-во просвещения РСФСР. — Кемеровский гос. пед. ин-т).

Связь «Пиковой дамы» с произведениями Бальзака, Ж. Жана и В. Гюго.

- Тартаковская Л. А. Венивотинов и Пушкин. (К вопросу о сходстве эстетических взглядов). — В кн.: По страницам русской и зарубежной литературы. Ташкент, 1973, с. 86—101. (Науч. труды Ташк. ун-та им. В. И. Ленина, вып. 444).
- Твардовский А. О литературе. М., «Современник», 1973, 448 с. (Б-ка «О времени и о себе»).
- Стр. 22—27: «Пушкин». Стр. 28—44: «Слово о Пушкине». Речь на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина.
- Терещенко Е. Брюсов — редактор «Народной библиотеки» сочинений Пушкина. — В кн.: Русская литература. XX век. Ставрополь, 1973, с. 99—114. (М-во просвещения РСФСР. Ставропольский гос. пед. ин-т).
- Тойбин И. М. К проблеме художественного историзма в пушкинской лирике 1830-х годов. — В кн.: Проблемы историзма в художественной литературе. Курск, 1973, с. 25—59. (Науч. труды Курского гос. пед. ин-та, т. 24).
- Тойбин И. М. «Связь времен» в автобиографической лирике Пушкина 1830-х годов. Заметки о художественной структуре одного цикла. — В кн.: Вопросы литературы. Метод. Стилль. Поэтика. Вып. 8. Владимир, 1973, с. 82—101. (Владимирский гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского).
- Томашевский Б. В. Пушкин. — В кн.: Пушкин А. С. Избранные произведения. Л., Лениздат, 1973, с. 3—36.
- Впервые, в другой редакции, в кн.: Пушкин А. С. Сочинения. Л., ГИХЛ, 1935, с. XXV—LXII.
- Трофимов И. Т. Автограф А. С. Пушкина. — Сов. архивы, 1973, № 2, с. 108—109 с факс.
- Предполагаемый автограф эпиграммы Пушкина «К портрету NN» («Вот вам весталка»), обнаруженный в ЦГАОР СССР.
- Трубецкой Б. Пушкин и некоторые проблемы русско-молдавских межнациональных литературных взаимосвязей. — Кодры, Кишинев, 1973, № 5, с. 148—152.
- Трубецкой Борис Алексеевич. «Твоей молвой наполнен сей предел...». (Страницы жизни Пушкина в Молдавии). Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1973, 43 с. с ил.
- Рец.:
Богач Г. «Твоей молвой наполнен сей предел...». — Кодры, 1974, № 2, с. 146—148.
- Тудоровская Е. А. Время «Повестей Белкина». — В кн.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, Изд. Воронежского ун-та, 1973, с. 220—223.
- Угрюмова Т. Роль опер Даргомыжского в формировании русской лирической оперы. — В кн.: Научно-методические записки Уфимского гос. ин-та искусств. Вып. 1. Уфа, Башк. кн. изд., 1973, с. 66—85.
- Федин К. А. Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 9. Писатель, искусство, время. М. «Художественная литература», 1973, 608 с.
- Стр. 7—16: О Пушкине [впервые: Звезда, 1937, № 1]. Стр. 544—550: Михаил Булгаков о Пушкине [впервые, под заглавием «В поисках Пушкина»: Литература и искусство, 1943, 24 апреля].
- Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII—начале XIX в. Новосибирск, «Наука», 1973, 171 с. (АН СССР. Сибирское отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии).
- Стр. 95—112: § 3. Свообразие в использовании народных фразеологизмов А. С. Пушкина.
- Фейнберг Л. Е. Музыкальная структура стихотворения Пушкина «К вельможе». (Фрагмент из книги «Сонатная форма в поэзии Пушкина»). — В кн.: Поэзия и музыка. Сборник статей и исследований.

- М., «Музыка», 1973, с. 281—301. (Союз композиторов РСФСР. Ленингр. организация. Секция музыковедения и критики).
- Фельдман О. «Борис Годунов» и русская допушкинская трагедия. — В кн.: Вопросы театра. 1972. Сборник статей и материалов. М., ВТО, 1973, с. 244—268. (Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР. ВТО).
- Фридлиндер Г. М. «Полтава» Пушкина и «Мазепа» Байрона (к вопросу о философско-исторических и этических взглядах Пушкина 20-х годов). — В кн.: Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского. Л., «Наука», 1973, с. 337—340. (АН СССР. Ин-т языкознания).
- Фридлиндер Г. М. А. Пушкин. Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»). — В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., «Наука», 1973, с. 78—95. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).
- Фридман Н. В. [Рец. на кн.:] Алексеев М. П. Пушкин. Л., «Наука», 1972, 468 с. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1973, т. 32, вып. 4, с. 384—386.
- Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., «Наука», 1973, 167 с. (АН СССР. Серия «Из истории мировой культуры»).
- Стр. 77—99: Гл. 5. «Кто, волны, вас остановил?».
- Фризман Л. Г. Трудные судьбы мысли. — В мире книг, 1973, № 6, с. 73. Рец. на кн.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., «Книга», 1972, 319 с.
- Черных Л. В. «Борис Годунов» Пушкина и «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» Островского. — Русская литература, 1973, № 2, с. 122—133.
- Чичерин А. В. Ритм образа. Стилистические проблемы. М., «Сов. писатель», 1973, 278 с.
- Стр. 210—223: «Ритм и стиль пушкинской прозы». Стр. 224—235: «Образ времени в лирике Пушкина».
- Ширинян Р. Эволюция оперного творчества Мусоргского. М., «Музыка», 1973, 158 с.
- Стр. 33—79: «Борис Годунов» [драма Пушкина и опера Мусоргского; история создания оперы].
- Шустов А. «Нерукотворный» или «нерукотворенный». (По поводу одной зарубежной статьи). — Вопросы литературы, 1973, № 6, с. 169—172. О статье Д.-Г. Хантли «Об источнике слова „нерукотворный“ у Пушкина» (Die Welt der Slaven, 1970, № 4, S. 361—362).
- Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. М., «Мысль», 1973, 367 с.
- Стр. 193—258: Гл. VII. «Замечания о бунте» [впервые, в сокращении: Знание — сила, 1973, № 6, с. 34—36]. Стр. 259—294: Гл. VIII. «Адские козни» [обзор документов «дуэльного сборника»].
- Югов Алексей. В защиту великой трагедии. — Наш современник, 1973, № 3, с. 133—161.
- «Борис Годунов» Пушкина.

ДОПОЛНЕНИЕ К БИБЛИОГРАФИИ 1972 ГОДА

- Гейченко С. С. Музей-заповедник А. С. Пушкина. — В кн.: Памятники Отечества. М., «Современник», 1972, с. 197—206. (Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры).
- Никифорова Л. П. Примечания в стиховых произведениях А. С. Пушкина (1814—1825 гг.). — В кн.: Метод, стиль, поэтика. Вып. 1. Пржевальск, «Мектеп», 1972, с. 34—43. (Труды Пржевальского гос. пед. ин-та, т. XVII. Серия гуманитар. наук. Каф. рус. лит.).

В. Е. ХОЛШЕВНИКОВ

О СЛОВАРЕ РИФМ ПУШКИНА

Представление о рифме как простом украшении стиха, рифме-побрякушке, давно стало архаичным. И в высказываниях поэтов от Пушкина до наших дней, и в исследованиях ученых красной нитью проходит мысль о важном смысловом, композиционном, эстетическом значении рифмы. Наши теоретические представления о рифме можно считать в основном сложившимися, но история русской рифмы нам известна только в самых общих чертах, многое здесь еще неясно и спорно (вспомним, например, полемику В. М. Жирмунского с Б. В. Томашевским, П. Н. Беркова с А. М. Панченко о рифме XVII и XVIII вв.).¹ Еще более смутны наши представления о рифме отдельных поэтов, даже самых крупных. Рифмовую систему только одного поэта — Маяковского — можно считать более или менее изученной.²

Без знания истории русского стиха невозможно создать подлинно научную историю русской поэзии. Но прежде чем изучать какое-либо явление (это относится к любой отрасли знания), его надо точно описать. Достоверная история русского стиха не может быть создана, пока не будет описан достаточно подробно и в различных аспектах стих нескольких великих русских поэтов и, хотя бы не так полно, стих поэтов первого ряда. Коллективная работа в этом направлении у нас уже начата — но только начата. Значительная группа стиховедов (под эгидой Л. И. Тимофеева и М. Л. Гаспарова) трудится над составлением метрических и строфических справочников к стихотворениям русских поэтов XVIII и XIX вв. (первый том готовится к изданию в Институте мировой литературы им. М. Горького в Москве). Благодаря трудам Б. И. Ярхо и Б. В. Томашевского нам точно известен весь метрический и строфический репертуар Пушкина.³ Но обобщающей работы, описывающей рифму Пушкина, у нас нет (част-

¹ См.: Томашевский Б. В. К истории русской рифмы. — В кн.: Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки. М.—Л., 1959, с. 69—131; Жирмунский В. М. О русской рифме XVIII века. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.—Л., 1966, с. 419—427; Панченко А. М. О рифме и декламационных нормах силлабической поэзии XVII в. — В кн.: Теория стиха. Л., 1968, с. 280—293; Берков П. Н. К спорам о принципах чтения силлабических стихов XVII—начала XVIII в. — Там же, с. 294—316.

² Из многих работ следует назвать небольшую по объему, но очень содержательную, подводящую итог исследованиям в данном направлении, книжку М. П. Штокмара «Рифма Маяковского» (М., 1958).

³ Лапшина Н. В., Романович И. К., Ярхо Б. И. Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина. М.—Л., 1934; Томашевский Б. В. Строфика Пушкина. — В кн.: Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки. М.—Л., 1959, с. 202—324.

ных исследований я здесь не касаюсь, хотя среди них есть замечательные и широко известные работы).

Словарь рифм Пушкина (в дальнейшем он обозначается сокращенно: СРП) должен дополнить исследования, описывающие метрику и строфику поэта. В то же время он должен быть соотнесен и с работой иного профиля — словарем языка Пушкина. Таким образом, его цель — завершить собрание и обработку материала, без которого невозможно появление монографии о стихе Пушкина, столь нужной нашей пушкиниане. Но это лишь одна сторона задачи.

Другая сторона — накопление материала для создания истории русской рифмы, а эта история в свою очередь вместе с материалами по истории метрики, строфики и стихотворной интонации сделает возможной появление достаточно полной истории русского стиха. СРП может стать важным этапом этой работы.

Для этого СРП в идеале должен быть окружен словарями рифм других поэтов — предшественников, современников и последующих, вплоть до наших дней. Только в этом случае можно не только характеризовать рифменную систему Пушкина, но и показать во всей полноте его место и роль в эволюции русской рифмы.

Вряд ли можно надеяться, что подобная работа может быть осуществлена и станет достоянием печати в ближайшем или хотя бы обозримом будущем — ведь составление такого словаря требует во много раз больше работы, чем составление метрического и строфического справочника, а объем издания тоже во много раз превысил бы их. Однако полный СРП может быть окружен выборочными словарями других поэтов (скажем, в объеме большой серии «Библиотеки поэта»), прежде всего ближайших предшественников Пушкина. Сопоставление с ними позволит искать ответ на вопрос, что нового внес Пушкин в русскую рифму. Осуществление работы по такой сокращенной программе вполне реально, и она уже пачата.

Решение такой комплексной задачи требует анализа пушкинских рифм в нескольких аспектах одновременно. Многоплановость соблазнительна, но каждый новый параметр значительно увеличивает объем потребного на это труда и объем предполагаемого издания; нужны разумные ограничения. Прежде всего надо сопоставить предполагаемый словарь с уже имеющимися. В русской науке подобных изданий нет (известная книжка Н. Абрамова⁴ — простой рифмовник, не имеющий научной ценности, по сути дела — пособие для плохих поэтов). Из довольно многочисленных зарубежных следует назвать сравнительно недавно вышедшие в Польше словари рифм поэтов С. Трембецкого⁵ и А. Мицкевича.⁶

Оба словаря составлены весьма тщательно, по полным собраниям стихотворных произведений; архитектоника обоих однотипна: словарь рифм по алфавиту гнезд рифмующихся окончаний (aba, abe, abi...) плюс алфавитный словарь зарифмованных слов (в первом добавлен алфавитный индекс гнезд). Грамматические пометы даются лишь в том случае, когда изолированное слово может быть отнесено к разным частям речи. При каждой паре рифм условными сокращениями отмечаются произведения, из которых они взяты.

Очевидно, что эти словари (второй оформлен как приложение к словарю языка Мицкевича), хорошо продуманные, тщательно выполненные и удобные в обращении, являясь прекрасным материалом для анализа рифм данных поэтов, но только материалом: обработка его предоставляется самим читателям.

СРП, по моему мнению, должен заключать в себе больше сведений о рифмах и — что принципиально важно и будет отличать подготовляемый

⁴ Абрамов Н. Полный словарь русских рифм. СПб., 1912.

⁵ Słownik rymów Stanisława Trembeckiego... pod redakcją Haliny Tur-skiej. Toruń, 1961.

⁶ B u d k o w s k a Janina. Słownik rymów Adama Mickiewicza. Wrocław..., 1970.

словарь от существующих — должен содержать в приложении достаточно полные суммарные данные (в виде таблиц, графиков, диаграмм). Иначе говоря, материал, предлагаемый читателю, должен быть уже суммирован и обработан.

Как любая словарная работа, СРП начинается с составления инструкции, определяющей характер и последовательность работ и фиксируемые характеристики рифмы. К концу 1972 г., после консультаций со специалистами, я составил проект инструкции. В феврале 1973 г. он обсуждался на совещании стиховедов в Москве, в ИМЛИ, затем в Пушкинском Доме в Ленинграде, а в январе 1974 г. инструкция была опубликована.⁷

Так как в XVIII и XIX вв. господствовала концевая точная рифма, то «Инструкция» без каких-либо существенных изменений может быть применена при составлении словаря рифм любого поэта указанного периода. Более того, применение именно этой инструкции было бы целесообразным, потому что в данном случае результаты работ будут полностью сопоставимы.

Первый этап работы над словарем — составление картотеки. Каждая серия рифм заносится на отдельную карточку (родовым термином «серия» условимся называть и обычные рифменные пары, и редкие тройки, и еще более редкие четверки — как в октавах, сонетах и спорадически в астрофическом стихе). Сверху карточки обозначается гнездо, к которому относятся данные рифмы. Так как во времена Пушкина поэты систематически пользовались только концевыми рифмами и безусловно господствовала рифма точная, то таким гнездом является ритмическое окончание (клаузула) стихотворной строчки, начиная от последнего ударного гласного. Например, пара рифм «мгновенье—виденье» попадает в гнездо «ЕНЬЕ». В него же впоследствии, при расположении рифм по гнездам, попадет другая пара из другого произведения: «спасенье—благословенье» и т. д. Одинаковые пары из разных произведений (например, неоднократные «мой—любви», «радость—младость») первоначально заносятся каждая на отдельную карточку, а затем будут влиты в одну общую с обозначением всех случаев употребления.

В определенных местах карточки (правый верхний угол, правый нижний и т. д.) условными знаками обозначаются координаты данной серии (том, страница) и ряд сведений: родовой признак рифмы (мужская, женская, дактилическая, гипердактилическая; открытая или закрытая); звуковая характеристика (достаточная, богатая, глубокая, поглощающая, омонимическая); грамматическая характеристика (обозначаются части речи и морфемы, охваченные созвучием: только суффиксы с флексиями или часть корня); стихотворный размер произведения, из которого взяты рифмы, способ рифмовки (смежная, перекрестная и т. д.), наличие или отсутствие членения на строфы; наконец, дата написания или окончания произведения и его жанр.

Как видим, рифменные серии могут входить в различные классификационные рубрики. Повторяющаяся пара рифм может находиться в произведениях разных лет, разных жанров, написанных различными размерами, строфических и астрофических; и наоборот — контрастные по звуковому и грамматическим свойствам рифмы могут соседствовать в одной строфе. Естественно возникают вопросы: 1) нужны ли такие подробные характеристики; 2) не сделают ли они подготавливаемое издание чересчур громоздким или даже просто неосуществимым; 3) не растянут ли подготовку словаря на сверхдлинные сроки.

Попытаемся ответить на эти вопросы по порядку.

1. Деление рифм на родовые группы (мужские, женские и т. д.) и в каждой группе классификация их по признакам звуковым и граммати-

⁷ Холшевников В. Е. Инструкция к составлению словаря рифм А. С. Пушкина. Л., Изд. ЛГУ, 1974, 16 с. Пользуюсь случаем, чтобы выразить искреннюю благодарность за советы и ценные замечания А. М. Вабикину, К. Д. Вишневному, М. Л. Гаспарову, С. И. Гиндину.

ческим сомнений не вызывают и вряд ли нуждаются в доказательствах. Но этих минимально необходимых признаков мало. Мы почти ничего не знаем об эволюции рифм Пушкина; членение по годам (с возможным впоследствии объединением по периодам) позволит при обработке карточек найти ответ на вопрос: наблюдается ли эволюция в рифмовой технике Пушкина и какова она? Что касается связи характера рифм и жанра, то это один из самых трудных вопросов, тем более что в лирике Пушкина уже теряются границы между жанрами и появляются жанры смешанные. Мы интуитивно (и правильно) ощущаем, что в любовной элегии вряд ли возможны рифмы типа «собора—обжора», столь эффективные в послании, или «храпела—смотрела» из шутильной поэмы. Есть ли в подобных случаях, кроме семантических контрастов, какие-то другие (грамматические, звуковые) закономерности, которые возможно учесть статистически? Это нельзя предугадать (презумпция в науке не менее опасна, чем в судебном процессе), но проверить следует. Наконец, могут показаться совсем сомнительными связи характера рифм и строфики или стихотворных размеров. В большинстве случаев (кроме различных стилизаций) прямые связи здесь действительно маловероятны; однако размер и строфика могут быть связаны с жанром (например, традиционное употребление шестистопного ямба смежной рифмовки в эпических произведениях) и интонационным строем, а в этом случае возможность наличия корреляции не исключена. Во всяком случае это стоит проверить.

2. Очевидно, что все характеристики помещать в основной текст СРП к каждой рифменной серии не следует, иначе словарь станет чересчур громоздким и неудобным для работы. Тут нужно будет ограничиться основными характеристиками. Но в приложении, в сводных итоговых таблицах, эти данные должны найти место. Даже если последует ответ «корреляция не обнаружена», то это тоже полезно, ибо науке нужны как позитивные, так и негативные данные; последние означают, что поиски в данном направлении следует прекратить.

3. Очевидно, что для одного человека такая работа практически неосуществима. Картоотеку для словаря (необходимый начальный этап работы) уже в основном составила под моим руководством группа студентов филологического факультета Ленинградского университета; начата работа по избранному стихотворным произведениям Державина, Жуковского, полному собранию стихотворений Батюшкова, «Горю от ума» Грибоедова.

И все же если учесть, что карточек — тысячи, то при таком количестве параметров отыскание корреляции между ними даже для коллектива — работа многих лет; при этом с каждым новым параметром возрастает возможность ошибок при обработке карточек. В наши дни решить подобную задачу помогут электронно-вычислительные машины. Они уже успешно применяются для аналогичных целей в лингвистических исследованиях; разработаны даже программы, которые с незначительными изменениями могут быть применены к словарю рифм.

Надо особо отметить одно благоприятное обстоятельство: при помощи электронно-вычислительных машин можно не только подсчитать рифменные серии по всем характеристикам (ряд элементарных арифметических действий проще было бы произвести по старинке, без машины) — современные счетные устройства могут установить, имеется ли корреляция между отдельными параметрами и какова она.

Коллективность работы и применение современных методов — единственное условие относительно быстрого осуществления столь сложной программы.

Первый этап нашей работы (составление картоотеки СРП) подходил к концу, когда вышел в свет словарь рифм Пушкина, составленный профессором Томасом Шоу, изданный Висконсинским университетом (США).⁸

⁸ Shaw J. Thomas. Pushkin's rhymes. A dictionary. The University of Wisconsin Press, 1974.

Естественно возник вопрос: есть ли смысл в продолжении нашей работы? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сравнить план словаря Дж. Т. Шоу с планом, предусматриваемым моей инструкцией, и методику его и нашей работы.

Прежде всего надо сказать, что Дж. Т. Шоу проделал большую и добросовестную работу: план словаря хорошо продуман и серьезно аргументирован (хотя, естественно, не бесспорен); материал тщательно обработан. По количеству сообщаемой информации словарь превышает известные мне словари рифм писателей, в том числе упоминавшиеся выше словари Г. Турской и Я. Будковской; это стало возможным потому, что, как сообщает автор, он пользовался компьютером. Несомненно, словарь, составленный Дж. Т. Шоу, является весомым вкладом в науку.

Это большая книга (673 страницы собственно словаря и 44 авторского вступления, всего 717 страниц). Основной текст делится на три части: I — словарь конечных слов стихотворных строк (рифмованных и нерифмованных); II — «конкордация», т. е. указатель рифменных серий, расположенных по алфавиту гнезд — отдельно для мужских, женских, дактилических и гипердактилических рифм (например, в женских рифмах аба, абе, абп и т. д. до ясь); III — указатель стихотворных произведений.

Часть I, как об этом говорит само ее название, включает не только зарифмованные, но также белые стихи. Каждое слово дается в той грамматической форме, в которой оно встречается в стихотворном тексте; если одна и та же флексия обозначает различные грамматические формы, то слово повторяется несколько раз. Например, слово «златой» повторяется 5 раз (муж. род, ед. число, имен. падеж; муж. род, ед. число, вин. падеж; жен. род, ед. число, род. падеж, и т. д.), не считая слов «златая», «златого» (отдельно для муж. и ср. родов) и т. д., что вместе дает уже для этого одного слова 22 строки словаря; отметим сразу, что этот способ неэкономный, значительно увеличивающий объем книги. Против каждого слова в особой колонке отмечается, сколько раз это слово (в данной грамматической форме) встретилось в стихотворных произведениях — отдельно для зарифмованных и для незарифмованных текстов. Жаль только, что не указывается ранг слова в частотном словаре, поэтому неизвестно, на каком месте по частоте встречаемости стоит данное слово.

О каждой серии рифм во II части сообщается разнообразная информация. Условным кодом дается подробная (может быть, даже слишком подробная) грамматическая характеристика, отмечаются богатство рифмы и — что является интересной новацией — характер синтаксических связей рифмующихся слов.

Грамматико-синтаксический контраст в рифмах Пушкина становится предметом разбора в специальной главе авторского вступления, содержащей интересный материал, сведенный в ряд таблиц. Очень жаль, что в других главах введения автор поспешил на суммирующие и обобщающие таблицы. Если бы их было больше, они незначительно увеличили бы объемистый том, но весьма значительно — объем информации.

Как во всякой большой работе, есть в этом словаре спорные и сомнительные решения и положения, есть, с моей точки зрения, и недостатки. Но подробная оценка труда Дж. Т. Шоу — дело специальной рецензии. Здесь важнее отметить ряд пунктов, по которым подготовляемый нами словарь будет отличаться от словаря Дж. Т. Шоу.

1. По количеству характеристик рифм наш словарь превзойдет американский (добавлены хронологическая характеристика, связь с жанром, размером, строфой).

2. Фоническая характеристика в нашем словаре будет более подробной, ее составление (как и грамматической характеристики) отличается по методике.

3. К нашему словарю будет приложено относительно обширное приложение, куда войдут таблицы, суммирующие данные, помещенные в основном тексте.

4. В приложении нашего словаря суммарные данные по СРП будут сопоставлены с аналогичными данными по словарям рифм других поэтов, составленным не по полным собраниям стихотворений, а по избранным, но в статистически достоверных выборках. Сами эти словари вряд ли удастся издать отдельной серией, но сопоставление итоговых данных даст материал как для более глубокой историко-литературной характеристики рифмовой системы Пушкина, так и для наших заключений об исторической эволюции русской рифмы.

Различие в этих четырех пунктах настолько существенно, что позволяет сделать обоснованный вывод: наличие словаря Т. Шоу, при всех его несомненных достоинствах, не исключает необходимости продолжения работы по составлению нашего словаря рифм Пушкина и подготовки его к изданию.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ПУШКИНА

(К постановке вопроса)

Исследование той роли, которую сыграли Пушкин и его литературные единомышленники в образовании русского литературного языка, по-прежнему остается весьма актуальным. В начале XIX в. процесс формирования литературного языка проходил в условиях угасания церковно-книжной литературы и европеизации господствующего класса. В высшей степени важно, что, по мысли людей, закладывавших основы литературного языка, русский язык должен был найти свое место в ряду «интернациональных языков», должен был стать, по крайней мере потенциально, международным. Именно так можно истолковать мысль Карамзина: «Хорошо писать для россиян; еще лучше писать для всех людей».¹ Это свое предназначение русский язык выполнил.

Формой языковой европеизации оказался, по ряду исторических обстоятельств, язык французской литературы. Невозможно полно описать становление литературных норм нашего языка без учета галлицизмов (лексических, грамматических, семантико-стилистических), путей их проникновения, их исторической судьбы, без учета взаимодействия двух языковых систем в пушкинскую эпоху. В своем языкотворчестве гигант русской поэзии во многих случаях отталкивался от языка Вольтера и Руссо. Можно утверждать, что эта деятельность осуществлялась Пушкиным сознательно, целенаправленно и систематически. Справедливо отмечалось, что «Пушкин пришел к глубоко индивидуальному разрешению проблемы синтеза русской национальной и западноевропейской стихии в литературном языке».² Действительно, в этом вопросе поэт занимал оригинальную позицию: с одной стороны, он выступал против архаистов-славянофилов кружка Шипкова, но, с другой стороны, постепенно отходил от первоначально воспринятой им «западнической» традиции карамзинского толка. Проблема эта подробно освещена в книге В. В. Виноградова «Язык Пушкина» (главы VI и VII).

Работа В. В. Виноградова, ставшая библиографической редкостью, остается до сегодняшнего дня почти единственным исследованием,³ в котором анализируется «языковая политика» Пушкина, раскрываются при-

¹ Карамзин Н. М. Речь, произнесенная в торжественном собрании имп. Российской академии 5 декабря 1818 г. — В кн.: Сочинения Карамзина, т. 3. СПб., изд. А. Смирдина, 1848, с. 649. Вся цитата приведена и пояснена в кн.: Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.—Л., 1935, с. 200.

² Виноградов В. В. Язык Пушкина, с. 236.

³ Синтаксические аспекты проблемы рассматриваются в другой книге В. В. Виноградова — «Стиль Пушкина» (М., 1941).

цпы и механизм отбора французских элементов, рассматриваются способы их включения в структуру пушкинского языка и систему его стилей и описываются их многочисленные трансформации уже в рамках литературного русского языка. Здесь следует также упомянуть и изданную Институтом русского языка АН СССР книгу «Поэтическая фразеология Пушкина»,⁴ в которой уделено большое внимание влиянию традиционной французской фразеологии на язык поэзии Пушкина.⁵

Напомним некоторые факты (ряд из них приводился в книге В. В. Виноградова «Язык Пушкина») из речевого обихода и литературной деятельности Пушкина: они показывают, насколько необходимо тщательное и систематическое сопоставление двух идеолектов поэта — французского и русского.

В заметках для себя, в переписке, в черновых набросках поэтических и прозаических произведений поэт весьма часто прибегал к сравнению французского и русского слова, если хотел определить, оттенить или уточнить значение последнего. Так, например, он пишет: «Coquette, pude. Слово кокетка обрусело, но pude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно цекотливую в своих понятиях о чести (женской) — *недопрогу*».⁶ В письме к Вяземскому он уточняет: «Презирать (braver) суд людей нетрудно».⁷ В. В. Виноградов замечает: «У Пушкина исследователи (Ф. Е. Корш, Н. О. Лернер, Н. К. Козьмин и др.) не раз отмечали прием семантического дублирования русского языка французским. Это „двойное“ употребление указывает на то, что смысловая нормализация лексики, преимущественно в сфере отвлеченных понятий, шла от французского языка. Русские слово, фраза кажутся писателю семантически зыбкими, текучими <...> Ссылка на французское выражение в этих случаях замыкает значение русского слова, фразы в ясные и твердые семантические границы <...> Точный смысл французского выражения должен перелиться в русское».⁸

Если не учитывать всю гамму абстрактных значений французского прилагательного *obscur* — «темный» (загадочный, непонятный, необыкновенный, таинственный; неясный, зыбкий, туманный; безвестный; смиренный),⁹ то трудно истолковать смысл некоторых пушкинских стихотворных строк:¹⁰

⁴ Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. Книга эта состоит из работ двух авторов — А. Д. Григорьевой («Поэтическая фразеология Пушкина», с. 1—280) и Н. И. Ивановой («Поэтическая глагольная перифраза у Пушкина», с. 293—373). К книге приложен интересный и удобный для пользования «Указатель описательно-метафорических, перифрастических сочетаний и символов».

⁵ К сожалению, авторы не уточнили в названии и недостаточно объяснили в самом тексте книги тот факт, что в ней сопоставляются случаи традиционной образной выразительности (французские и русские), а вопрос о пушкинских повадках остается за рамками исследования. Думается также, что вряд ли имеет смысл сопоставлять библеизмы в произведениях Пушкина и их французские эквиваленты, как это делается в книге (с. 149—156 и др.): хотя церковно-книжное «испить чашу сию» могло в двуязычном сознании поэта каким-то образом переплетаться с французским «boire le calice jusqu'à la lie» (пример на с. 152), подобные славянизмы отнюдь не выводятся из эквивалентных им галлицизмов; это, скорее, параллельные явления русского и французского языков, возводимые к общим источникам.

⁶ Цит. по кн.: Виноградов В. В. Язык Пушкина, с. 263.

⁷ Там же, с. 264.

⁸ Там же, с. 263.

⁹ Ср., например: Le petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par P. Robert. Paris, 1972, p. 1174.

¹⁰ Виноградов В. В. Язык Пушкина, с. 196—197.

Мне страшен свет, проходит век мой *темный*
В безвестности, заглушаю тропой.

(«Сон», 1816)

И вяну я на *темном* утре дней...

(«Элегия», 1816)

В ней сердце полное мучений
Хранит надежды *темный* сон.

(«Евгений Онегин», 3, XXXIX)

Тебе, по голос музы *темной*
Коснется ль уха твоего?

(«Полтава», Посвящение)

И, жертва *темная*, умрет мой слабый гений.

(«К Овидию», 1821)

Данный круг значений не закрепился впоследствии в семантике прилагательного «темный». Однако очень часто галлицизм не только давал новое направление смысловой деривации русского языка, но и определял его дальнейшую судьбу. Ср., например, случаи, часть которых отмечена уже в «Полном французском и российском лексиконе» Ивана Татищева (СПб., 1798): блистательный — *brillant*, живой — *vif*, чистый — *pur*, плоский — *plat*; отсюда следующие сочетания: блистательный слог, живое повествование, чистый слог, плоская мысль и т. п. Пушкинские тексты дают огромное множество примеров подобного рода.¹¹

Таким образом, отбор языковых средств русского языка передко сопровождался их своеобразной «переинтерпретацией» на основе французской языковой системы. И хотя конкретные направления такой переинтерпретации могли быть различными и даже противоположными (сужение значения русской языковой единицы, расширение значения, развитие новых абстрактных или конкретных значений), функционально они были вполне равнозначны, поскольку призваны были решить одну и ту же задачу: обновить литературный язык, сделав его адекватным новым историческим условиям и требованиям.

Из сказанного ясно, что исследование французского языка Пушкина имеет принципиальное значение не только для более глубокого понимания творчества поэта, но и для более глубокого проникновения в истоки многих норм современного русского литературного языка, а также для более полной реконструкции тех конкретно-исторических условий, в которых складывались эти нормы. Известно, что перу Пушкина принадлежит более двухсот произведений (главным образом писем, но также и стихотворений и черновиков статей), написанных на французском языке. К этому надо добавить многочисленные франкоязычные «вкрапления» в различные в жанровом отношении русские тексты. По приблизительным оценкам франкоязычные произведения поэта и французские вкрапления в русские тексты образуют корпус объемом в 200 тысяч словоупотреблений. Такой объем представляется наиболее удобным для глобального лингвостилистического анализа: с одной стороны, он достаточно ограничен, следовательно, его переработка потребует относительно небольших затрат; с другой же стороны, такой объем способен обеспечить необходимую степень достоверности заключениям и оценкам.

Простейшим способом обработки франкоязычных текстов Пушкина мог бы явиться толково-частотный словарь. Будучи хорошим дополнением к словарю русского языка Пушкина, подобный словарь был бы первым

¹¹ Ср.: там же, с. 250—275.

в лексикографической практике источником такого рода, посвященным второму языку писателя.¹² Нетрудно предвидеть, какую помощь окажет такой словарь исследователям творчества Пушкина и других русских писателей, историкам русского литературного языка, а также всем тем, кто интересуется вопросами психологии творчества, билингвизма, проблемами социолингвистики.

Однако в настоящее время существуют предпосылки к тому, чтобы работу по описанию и изучению французского языка Пушкина осуществить в более широком масштабе и на более новой методической основе. Учитывая, что фактически равную ценность для исследователей будут представлять единицы всех уровней языковой системы — слова, словосочетания, фразеологизмы, синтаксические конструкции, структурные модели предложения, следует, по-видимому, отказаться от частотного словаря обычного типа и пойти по пути создания лингвостатистического справочника французского языка Пушкина.

Многоаспектный анализ языкового материала должен найти отражение в самой структуре справочника, в который наряду с генеральным списком лексических единиц следует включить и другие списки — «подсловари» единиц других лингвистических уровней, а также данные о вхождении единиц низших уровней в единицы высших уровней.

Лексические и фразеологические единицы должны быть семантизированы в справочнике, т. е. должно быть указано, в каких именно значениях они употребляются в тексте. Лексические единицы в общем списке ранжируются по алфавиту, фразеологические — по алфавиту относительно ядерного компонента. В качестве дополнительной характеристики лексических и фразеологических единиц словарь должен содержать сведения об их экспрессивно-стилистических особенностях. Другую группу «подсловарей» образуют частотно-распределительные списки лексем, словоформ, фразеологизмов, моделей словосочетаний и синтаксических конструкций, структур предложения. Единицы таких «подсловарей» ранжируются по частоте, в число дополнительных характеристик входят необходимые статистические данные, а также показатель дистрибутивности каждой единицы по исследованным текстам. Наконец, все единицы наблюдения должны быть специфицированы относительно жанра включающего их текста, а также относительно системы экстралингвистических характеристик (время создания текста, адресат и др.). Подобная информация позволит определить зависимость употребления и распределения языковых единиц от жанровых, стилистических и экстралингвистических факторов и тем самым выявить тексто- и стилообразующую силу этих факторов. Разумеется, лингвостатистический справочник должен содержать и необходимую структурно-функциональную лингвистическую информацию, т. е. сведения о вхождении языковых единиц низших уровней в единицы высших уровней, а также справочный аппарат.

---

¹² Как известно, первым словарем языка русского писателя был составленный К. Петровым «Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина» (СПб., 1904); в этом словаре, как и в более раннем маленьком словаре, приведенном к статье Я. К. Грота «Язык Державина» (Сочинения Державина, т. IX, 1883), использованная лексика в словоупотреблениях писателей не регистрировалась. Длительные попытки составить словарь языка Пушкина (начиная от опыта сотрудников А. И. Урусова, 1899 г.), как видно из обзора этих многолетних предпрятий (см.: Проспект словаря языка Пушкина. М.—Л., 1949, с. 7—10), ни разу не включали франкоязычную лексику и фразеологию в проектируемые словари, хотя значение их для понимания и оценки лингвистической культуры Пушкина подчеркивалось неоднократно. См., например, статью В. А. Малаховского «Язык писем А. С. Пушкина» (Известия Академии наук СССР, Отдел обществ. наук, 1937, № 2—3, с. 503—527), в которой сделаны наблюдения над французским языком в письмах поэта (с. 526—530).

Эффективность справочника может быть многократно увеличена, если его эксплуатировать в режиме справочно-информационной системы. Для этого все единицы наблюдения, выделенные в результате анализа франкоязычных текстов Пушкина, должны быть записаны, со всеми необходимыми характеристиками, на перфоленты и введены в память машины. Тогда, помимо непосредственного получения основных списков, становится возможным формулировать различные запросы о распределении единиц в текстах, об их соотносительности, зависимости от жанровых факторов и т. п. Такая система может эксплуатироваться неограниченно долгое время и удовлетворять самые разнообразные запросы исследователей, т. е. быть практически общедоступной. Учитывая огромный интерес ко всем аспектам творчества Пушкина как в нашей стране, так и за рубежом, нетрудно предвидеть, что эксплуатация лингвостатистического справочника в режиме справочно-информационной системы позволит быстро возместить средства, затраченные на его создание. Однако более важным оправданием для создания такой системы служит то, что в случае успеха она может постепенно «достраиваться» за счет анализа русского языка Пушкина, а в перспективе — и других авторов, сыгравших ту или иную роль в формировании и развитии русского литературного языка.¹³ Реализация предлагаемого здесь подхода несомненно знаменовала бы начало качественно нового этапа в исследовании истории русского литературного языка, поскольку единые принципы анализа обеспечивают полную сопоставимость результатов, а единые принципы организации информации в справочной системе позволяют формулировать самые разнообразные запросы; таковы, например, распределение жанров по авторам, по этапам литературного процесса, по этапам истории литературного языка; авторская и жанровая «специфичность» различных языковых единиц; своеобразие лексико-статистической и формально-статистической структуры текстов у одного и того же автора в разных жанрах или в разные периоды его творчества или у разных авторов одной эпохи и т. п. И на наш взгляд, более чем справедливо начать такую работу именно с творчества А. С. Пушкина.

---

¹³ Значительный интерес представляли бы в данном случае аналогичные по принципам своего составления лингвистические справочники по французскому языку других русских поэтов, например Ф. И. Тютчева или П. А. Вяземского (о последнем существует лишь краткая справка Рене Галлана, см.: Галлан Р. Французский язык писем кн. П. А. Вяземского. — В кн.: Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956, с. 54—55). Не менее важными для сопоставления были бы специальные лингвистические работы о французском языке И. С. Тургенева (см. о нем в статье М. П. Алексеева «Письма Тургенева» в кн.: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений. Письма, т. I. Л., Изд. АН СССР, 1961, с. 75—80) или Л. Н. Толстого (весьма интересные работы на эту тему опубликованы А. В. Камневым; таковы, например, его статьи «Французская речь у русского писателя» (*Sbornik pedagogické fakulty v Plzne. Jazyk a literatura*, VI, Praha, 1966, s. 103—135) и «Л. Н. Толстой и французский язык» (отд. оттиск, Praha, 1968)). Ср.: Паперно И. А. О двуязычной переписке пушкинской эпохи. — Труды по русской и славянской филологии, XXIV, литературоведение, Тарту, 1975.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

К ТЕКСТУ НАБРОСКА «УЧАСТЬ МОЯ РЕШЕНА...»

«Словарь языка Пушкина» (II, 829) под словом «неприятель» в рубрике 1 (человек, недоброжелательно, враждебно относящийся к кому-нибудь, враг) приводит в числе прочих и такой пример, иллюстрирующий употребление этого слова у Пушкина: «Молодые люди начинают со мной чиниться — уважают во мне уже неприятеля» (VIII, 408.15), со стилистической пометой: «В шутовском употреблении». Однако общий характер наброска «Участь моя решена. Я женюсь...», откуда извлечен этот пример, заставляет усомниться в правильности предложенного здесь толкования. Шутка, основанная на представлении о неизбежных антагонистических отношениях между «женатым человеком» и «молодыми людьми», была бы неуместна в строках, написанных Пушкиным на первой же неделе после его помолвки с Н. Н. Гончаровой; чтобы убедиться в этом, достаточно принять во внимание слова, сказанные Пушкиным в том же наброске несколько выше: «Третьи женятся так, потому что все женятся — потому что ян 30 лет. Спросите их, что такое брак, в ответ они скажут вам пошлую эпиграмму».

Между тем рукопись отрывка дает полное основание истолковать рассматриваемое место иначе. Первоначальной редакцией было: «... *уважать меня какъ неприятеля*» (VIII, 957). Затем поверх зачеркнутого [*ть меня какъ*] написано «*ють вомиъ уже*».¹

Смысл этой поправки очевиден: Пушкин устранил «эпиграмму», со скользящую у него с пера под влиянием предшествующей ей неприятельской шутки о предлагаемых ему 12 дюжинах перчаток, и заменил ее вполне серьезным объяснением изменившегося отношения к нему молодых людей. Добавленное в окончательной редакции слово *уже* надо, конечно, связывать не со словом *неприятеля*, а только с *не*, слитное написание которого со следующим *приятеля* не лишает его самостоятельности в орфографии Пушкина:² молодые люди начинают чиниться с Пушкиным, видя в нем уже не прежнего члена их холостой компании, не приятеля, а человека другой общественной группы.

Я. М. Боровский

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, №№ 839, 1496.

² Ср. аналогичные написания в том же отрывке: *сомною*; *вомиъ*, а также выше (№ 1503): *Дыло вътомъ что; nebudeтъ отказа*. Другие примеры можно найти в печатных репродукциях в книге С. М. Бонди «Черновики Пушкина» (М., 1971): *нетревожитъ, неможетъ* (с. 18); *явозмужалъ* (с. 26); *възалогъ* (с. 37); *Ночто* (с. 161); *въострова* (с. 214); *онъпаль, въслезахъ, онъмиртомъ* (с. 216); *ноя* (с. 227).

ТРИ ЗАМЕТКИ К БИОГРАФИИ И СОЧИНЕНИЯМ ПУШКИНА

1. К датировке одного стихотворения Пушкина

1829 годом Пушкин сам обозначил время создания стихотворения «Я вас любил: любовь еще, быть может».¹ В большом академическом собрании сочинений Пушкина эта дата уточняется: «1829 г., не позднее ноября» (III, 1193). Впервые стихотворение было опубликовано в альманахе «Северные цветы на 1830 год», имеющем цензурное разрешение 20 декабря 1829 г. В поябре «более половины» альманаха было отпечатано, и в конце декабря он поступил в продажу.² В настоящее время представляется возможным уточнить дату создания этого стихотворения.

В отделе нот Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится уникальный сборник под заглавием: «Собрание русских песен. Слова А. Пушкина. Музыка разных сочинителей» (СПб., [б. г.]; шифр сборника М $\frac{980-4}{C-55}$). Содержание сборника: «Черкесская песня Музыка <А.> Алябьева» («В реке бежит гремучий вал»); «Талисман. <Музыка П. С. Титова» («Там, где море вечно плещет»); «Романс. Слова А. Пушкина. Музыка Графа Т*** <Ф. М. Толстого» («Я вас любил: любовь еще, быть может»); «Черная шаль. Музыка Еништа <И. И. Геништы» («Гляжу, как безумный, на черную глас шаль»); «Певец. <Музыка Н. С. Титова» («Слышали ль вы за рошей глас ночной»). Завершается сборник романсом «Там далеко за горами Нина с Лизой молодой» («Музыка князя Г.»), Пушкину не принадлежащим.³ Цензурное разрешение («Печатать позволяется. Санктпетербург, Августа 10 дня 1829 года. Ценсор Николай Щеголов») имеется на оборотной стороне романса «Талисман» и относится ко всему сборнику, напечатанному на одинаковой бумаге и в одной нотопечатне.⁴ При этом следует отметить, что как стихотворения, положенные в основу романсов, включенных в рассматриваемый сборник, так и музыка к ним созданы не позднее 1829 г., а для некоторых из романсов музыка, возможно, написана специально для этого сборника.⁵

¹ См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты М.—Л., «Academia», 1935, с. 260.

² См.: Синяевский Н. и Пявловский М. Пушкин в печати 1814—1837. Изд. 2-е, исправленное. М., Соцэргиз, 1938, с. 70.

³ См.: Пoesия Пушкина в романсах и песнях его современников (1816—1837). Для голоса и фортепиано. Изд. 2-е, сост. В. Киселевым и С. Поповым. М., «Музыка», 1974.

⁴ Подобное оформление (без обозначения года, без сплошной нумерации страниц и с цензурным разрешением в «случайных местах» сборников) мы наблюдали в подавляющем большинстве нотных изданий пушкинского времени, хранящихся в Публичной библиотеке и Институте театра, музыки и кинематографии в Ленинграде. В качестве примера приведем сборник «Album pour le piano-forte compositions de Nicolas Titoff», изданный в Петербурге без обозначения года и сплошной нумерации страниц; цензурное разрешение (10 февраля и 10 марта 1831 г.) имеется только на двух романсах (№№ 6 и 7) из 9. В другом сборнике — «Лирический альбом за 1832 год. Издан Н. Ласковским и Н. Норовым в Петербурге» — также нет сплошной нумерации страниц, а цензурное разрешение (22 сентября, 17 и 28 ноября 1831 г.) имеется только на 9 романсах (№№ 1, 2, 5—11) из 17.

⁵ См.: Пoesия Пушкина в романсах и песнях его современников..., с. 258—270. В этом же сборнике сообщается о втором издании романса Толстого «Я вас любил...», опубликованного в 1831 г. Мы видели это издание в сборнике нот Института театра, музыки и кинематографии (шифр: ф. 2,

Сборник издан осенью 1829 г. владельцем музыкального магазина и поэтиздателем Матвеем Ивановичем Бернардом (1794—1871), автором романсов на слова Пушкина — «Дорожные жалобы» и «Бесы» (1833 г.). Магазины и помещенные для печатания нот ранее принадлежали Дальмасу и после его смерти весной 1829 г. были приобретены с аукциона Бернардом. Сборник, по-видимому, готовился к печати Дальмасом в начале 1829 г., но был издан уже его преемником Бернардом. С этим, вероятно, связано отсутствие на титульном листе сборника фамилии издателя. Между тем на других изданиях Дальмаса и Бернарда издатели обозначены.⁶

Автор музыки на слова Пушкина «Я вас любил...» Феофил Матвеевич Толстой (1810—1881) известен как композитор-дилетант и позднее как музыкальный критик, писавший под псевдонимом «Ростислав». Им написано большое количество романсов, с 1828 по 1838 г.,⁷ в том числе на слова Пушкина: «Девушки-красавицы», «Дарует небо человеку», «Кубок янтарный», «Ночной зефир струит эфир» (все 1834 г.) и упоминавшийся «Я вас любил...» (1829 г.).

Пушкин был знаком с Ф. М. Толстым, его братьями и сестрой. К графской ветви Толстых они не принадлежали и приходились внуками М. И. Кутузову. Поэт общался с ними в родственных им семьях Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмоя и в петербургском светском обществе. По утверждению П. П. Вяземского, его отец — П. А. Вяземский и Пушкин сохраняли к семье Толстых «самые дружественные отношения».⁸

Все сказанное дает право утверждать, что романс Толстого был написан до первой публикации стихотворения в «Северных цветах на 1830 год», по автографу, полученному от Пушкина, или авторитетному списку с него в его первоначальной редакции. Следует отметить, что строка шестая у Толстого читается «То ревностью, то страстию томим», а в тексте «Северных цветов» и во всех последующих изданиях сочинений Пушкина — «То робостью, то ревностью томим».⁹

Когда же было написано стихотворение «Я вас любил...» и кому оно адресовано? Осень и зиму 1828 г. Пушкин провел в Москве и Тверской губернии, середина января — начало марта 1829 г. — в Петербурге. Около 10 марта 1829 г. он покинул столицу и длительное время провел в Твер-

---

оп. 1, № 1085). Оба издания печатались с одной и той же гравировальной доски.

⁶ В этом мы убедились, просматривая их издания. См., например, романсы «Милый мой сердечный». Ария. Сочинение Г. Кавоса... Печатано и гравировано в С. Петербурге у Дальмаса, в большой Миллионной под № 37 и «Баюшки-баю». Музыка Александра Алябьева. В С. Петербурге у Бернарда в большой Миллионной в доме Деринга № 37 (цензурное разрешение 24 декабря 1828 г.) и др. Мы разыскивали сведения о выходе в свет описываемого сборника в периодической печати 1829—1830 гг., в частности в «Северной пчеле», которая обычно извещала читателей о продаже отдельных изданий, но не систематически. Так, 11 декабря 1831 г. газета писала: «Любители музыки, знакомые с неутомимой деятельностью г. Бернарда, конечно, удивляются, что мы так давно не уведомляли их о новых нотах, появляющихся в его магазине». В «Реестре рукописей и печатных книг по С.-Петербургскому цензурному комитету 1829 г.» (ЦГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 195, № 660) имеются лишь сведения о рукописи четырех романсов на слова Пушкина, представленных 7 августа 1829 г. в Цензурный комитет композитором Н. С. Титовым. 10 августа последовало разрешение цензора П. Щеглова. Два романса («Талисман» и «Певец»), по-видимому, предназначались для описываемого сборника.

⁷ См.: Русский архив, 1871, № 7, стлб. 423.

⁸ Вяземский и П. П. Сочинения. СПб., 1893, с. 52—53, 521.

⁹ Различия не учтены в большом академическом собрании сочинений Пушкина (III, 771).

ской губернии, Москве и Закавказье. В начале ноября Пушкин вернулся в Петербург. Можно высказать предположение, что Толстой получил текст незадолго до этого написанного стихотворения в феврале—марте 1829 г. Несколько месяцев понадобилось для написания музыки и печатания романа.¹⁰

Устанавливаемая нами дата создания пушкинского стихотворения «Я вас любил: любовь еще, быть может» (февраль—март 1829 г., а возможно несколько ранее) укрепляет гипотезу одного из первых биографов Пушкина — П. В. Анненкова, что адресатом стихотворения является А. А. Оленина.¹¹ С этим согласуется также утверждение О. Н. Оом (со слов своей бабушки А. А. Олениной), что до 1917 г. у нее хранился альбом Олениной с вписанным в него рукой Пушкина стихотворением «Я вас любил. . .».¹²

2. Комментарий к письму Пушкина

14 июля 1830 г. Пушкин, будучи в Москве, писал М. Н. Загоскину: «Брат вчерашнего австрийского императора Щейна возымел сильное желание быть принятым в театральную школу. Препоручаю его высочество Вашему покровительству. . .» (XIV, 101). Как в первой публикации письма,¹³ так и в позднейших комментированных изданиях писем Пушкина цитированные начальные строки («брат вчерашнего австрийского императора») не разъяснены.

Комментаторы писем Пушкина предполагали, что в письме идет речь о каком-то спектакле в Москве, на котором был Пушкин, но в «Московских ведомостях» за июль 1830 г. и других источниках ничего не обнаружили. Между тем репертуар московских театров с 13 по 18 июля 1830 г. отыскался в одном из комплектов газеты «Московские ведомости», принадлежащем Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Здесь к № 56 газеты, от 12 июля 1830 г., приложено объявление (вкладыш) о представлении 13 июля в Нескучном саду «большого героико-комического пантомимного балета» в четырех действиях «Венгерская хижина, или Знаменитые изгнанники».

О наличии в балете роли «австрийского императора» мы узнали из программы (либретто) представления.¹⁴ Из этих данных следует, что 13 июля 1830 г. Пушкин и М. Н. Загоскин (в это время управляющий Конторой дирекции московских театров) присутствовали в Нескучном саду на представлении балета «Венгерская хижина», в котором небольшую роль австрийского императора Леопольда исполнял артист Малого театра (с 23 ян

---

¹⁰ До середины XIX в. ноты печатались с медных или свинцовых гравировальных досок ручным способом, на что требовалось значительное время. Тираж изданий не превышал 50—100 экз., и в настоящее время они представляют большую библиографическую редкость. Окончательно убеждает нас в более раннем (чем это принято считать) написании стихотворения «Я вас любил. . .» утверждение современника Ф. М. Толстого, профессора Петербургской консерватории А. И. Рубеца, автора «Биографического словаря русских композиторов и музыкальных деятелей» (СПб., 1886, с. 87), что первым романсом Толстого был «Я вас любил. . .», а всего им написано с 1828 по 1836 г. более 200 романсов.

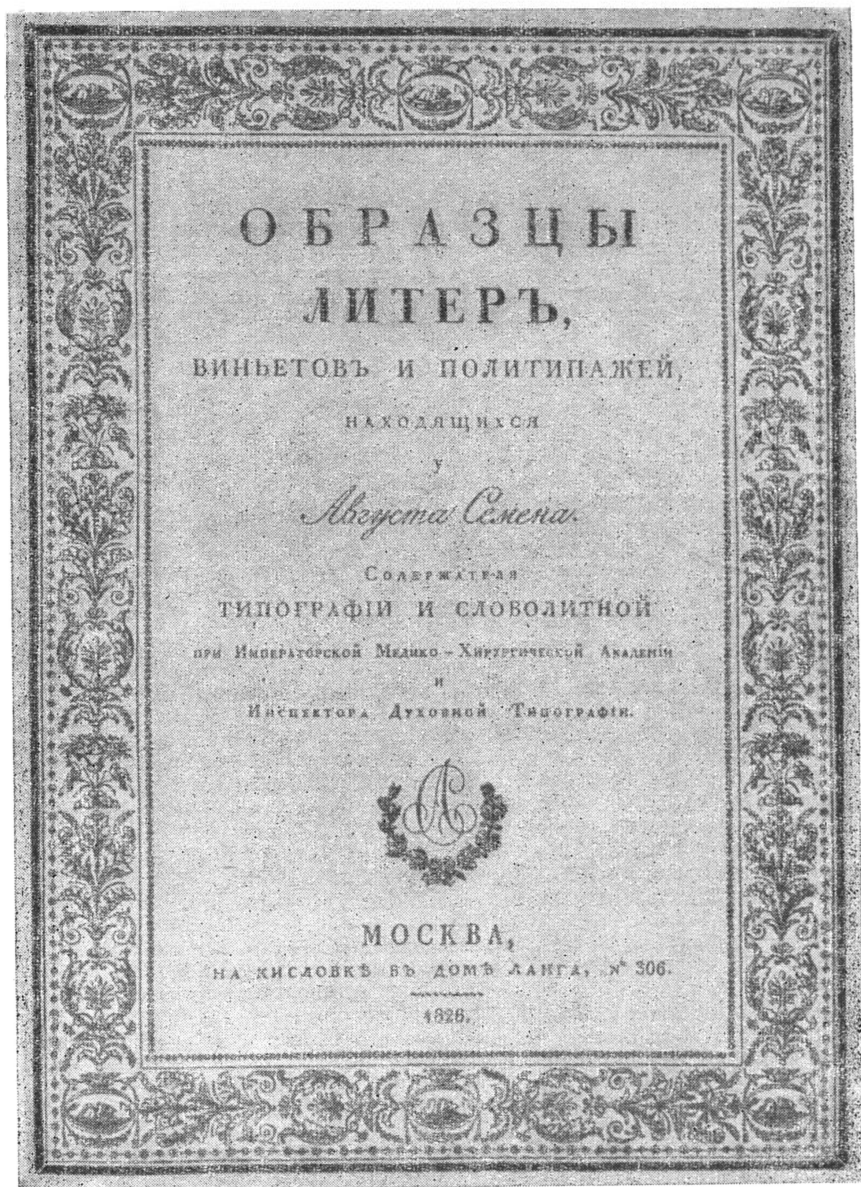
¹¹ Анненков П. В. Сочинения Пушкина, т. II. СПб., 1885, с. 496—497.

¹² См.: Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828—1829). Предисловие и редакция Ольги Николаевны Оом. Париж, 1936, с. XXIV, XXXIX—XL, L. Ср.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958. с. 289—292.

¹³ Русская старина, 1890, № 8, с. 292.

¹⁴ Венгерская хижина, или Знаменитые изгнанники. СПб., Типография имп. театров, 1817; то же: М., Театральная типография, 1818; Орел, Губернская типография, 1820.

Титульный лист издания «Образцы литер, виньетов и политипажей, находящихся у Августа Семена» (1826).

варя 1827 г.) Павел Мардарьевич Щепин.¹⁵ Этот факт не был известен в биографии Пушкина.¹⁶

Балет (сочинение Ш. Дидло, музыка М. Венуа) шел в постановке А. Глушковского, при участии И. Лобанова, А. Глушковской, Ж. Рипарда, Д. Рипард, Ленской, А. Карасева и П. М. Щепина. В основу сценария «Венгерской хижина» положены реальные исторические события из национально-освободительной борьбы венгерского народа с австрийскими поработителями — Габсбургами (1703—1711). Возглавлял эту борьбу граф Ференц Ракоци, непримиримый враг Габсбургов, убежденный борец за свободу своего народа.

Содержание «знаменитого», по словам А. Глушковского, балета «Венгерская хижина» сводится к следующему. Отставной солдат Родриго укрывает в хижине, где он проживал, своего бывшего командира графа Рагоцкого (Ракоци), боровшегося против австрийского императора Леопольда. После ряда событий император прощает Рагоцкого. Спектакль завершается большим празднеством. Доходчивая музыка Венуа, «обладающая живыми интонациями, делающими достоверными сценические события», и прекрасно поставленные танцы, навеянные венгерскими мотивами, спускали балету огромный успех среди тогдашних зрителей.

Первое представление балета «Венгерская хижина» состоялось 17 декабря 1817 г. в Петербурге в постановке Ш. Дидло с участием Е. И. Колосовой, А. А. Лихутиной, О. Пуаро, И. И. Эбергардта; 3 ноября 1819 г. он был поставлен А. Глушковским в Москве. Как и в петербургском, в московском балете отсутствовал подлинный историзм, что было вызвано цензурными условиями. Россия была связана с Австрией Священным союзом, и один из Габсбургов — глава государства и поработитель венгерского народа Франц II — являлся союзником Александра I. Показать на императорской сцене подлинный образ Ракоци было немислимо.¹⁷

Это отчетливо понимал рецензент «Вестника Европы»: «„Венгерская хижина“ стоит того, чтобы очинить перо получше и написать что-нибудь дельное, как о драме сего превосходного балета, так и об историческом лице — славном Рагоцком, но еще не пора говорить много...».¹⁸

¹⁵ Подробные биографические сведения о П. М. Щепине и его младшем брате, скрипаче Артемии, приведены в комментариях к письму, см.: Пушкин и н. Письма, т. II. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., Госиздат, 1928, с. 444—446. Письмо Пушкина к Загоскину от 14 июля 1830 г., как уже указывалось, впервые напечатано В. А. Кордтом в 1890 г. в «Русской старине», а затем, вновь по подлиннику, с приложением факсимильного воспроизведения — Е. Ф. Шмурло в брошюре-оттиске «Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящиеся в библиотеке Юрьевского университета» (Юрьев, 1899). История этого автографа, в 1856 г. находившегося в Тарту вместе с коллекцией архивариуса Академии наук и консерватора Эрмитажа Ф. Л. Шардиуса, затем странствовавшего по различным городам и книгохранилищам, изложена в статье Х. Тенклера «След затерялся в Воронеже...» (Книжное обозрение, 1974, 29 марта, № 13, с. 12). Здесь снова воспроизводится весь текст письма, но автор утверждает, что «о Щепине и его брате (...) сведений почти не сохранилось». Ныне автограф указанного письма Пушкина находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома в Ленинграде.

¹⁶ Об этом ничего не говорится, в частности, в новой книге Ю. Слонимского «Балетные строки Пушкина» (Л., «Искусство», 1974), как и в более ранней монографии того же автора «Шарль Дидло. Вехи творческой биографии» (Л.—М., «Искусство», 1958), хотя балету «Венгерская хижина» (1813) в ней уделено значительное место (с. 119—121, 225, 236).

¹⁷ См.: Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России от истоков до Глинки. Очерк. Л., Госмузиздат, 1959, с. 492—499; Крассовская В. Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века. Л.—М., «Искусство», 1958, с. 146—148.

¹⁸ Вестник Европы, 1823, ч. 131, № 17, с. 72.

Присутствие Пушкина на балете «Венгерская хижина» подтверждает постоянный интерес великого поэта к социальным проблемам своего времени.

3. История одной виньетки

В архиве III отделения хранилось дело «О подозрительности виньетки, которой украшен заглавный лист стихотворения Пушкина „Цыганы“». На виньетке изображены разбитые цепи, кинжал, змея и опрокинутая чаша. В письме от 30 июня 1827 г. начальник III отделения генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф обратил внимание начальника 2-го округа Московского корпуса жандармов генерал-лейтенанта А. А. Волкова на подозрительность сюжета виньетки и просил выяснить, «кому принадлежит ее выбор — автору или типографу, потому что трудно предположить, что она была взята случайно». В ответном письме от 6 июля 1827 г. Волков сообщал шефу жандармов, что выбор виньетки достоверно принадлежит автору, который ее отметил в книге образцов шрифтов, представленной ему г. Семёном — издателем поэмы «Цыганы» в 1827 г.¹⁹

Жандармский генерал не придавал «политического значения» сюжету виньетки. По-видимому, сыграло свою роль и близкое знакомство Пушкина с Волковым и семьей М. И. Римской-Корсаковой, па дочери которой, Софье Александровне, генерал был женат.

Недавно мы отыскивали упомянутую «Книгу образцов шрифтов», в которой Пушкин «отметил» виньетку для воспроизведения ее на титульном листе своей поэмы. Название книги: «Образцы литер, виньетов и политипажей, находящихся у Августа Семёна, содержателя типографии и словолитной...» (М., 1826). Книга приложена к делу III отделения «О подозрительности виньетки...» и вместе с делом хранится в Пушкинском фонде Института русской литературы Академии наук СССР (ф. 244, оп. 16, № 13). На книге препроводительная надпись А. Семёна генералу А. А. Волкову. Другой экземпляр находится в Отделе редкой книги Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

Выбор поэта не был случаен. Сюжет виньетки соответствовал свободолюбивым идеям пушкинской поэмы.²⁰

Несколько позднее возникло другое дело относительно той же виньетки. 31 января 1834 г. жандармский подполковник Баранович доносил по начальству о неблагонамеренном направлении московского журнала «Телескоп» Н. И. Надеждина и о титульной виньетке журнала, на которой изображены «кинжал, пронзающий хартию, разорванная в начале цепь, над которой опрокинутый сосуд с разъяренной змеею и знаком победного торжества — лавровой ветвью... Идея более политическая, нежели относящаяся к предметам литературным и ученым». В связи с этим виньетка была снята с титульного листа апрельского номера журнала за 1834 г.²¹ Такова история одной виньетки.

Л. А. Черейский

¹⁹ Дела III отделения об А. С. Пушкине. СПб., 1906, с. 260—261.

²⁰ Б. В. Томашевский обнаружил виньетку в четырехтомном труде Е. Пуквиля (Pouqueville) о греческой революции (Париж, 1824). Справедлив вывод исследователя, что «подозрения Бенкендорфа были не так уж несомнительны и что во всяком случае Пушкин знал политический смысл изображенной на ней (виньетке, — Л. Ч.) аллегории» (см.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1930, с. 294—296).

²¹ Лемке Мих. Чаадаев и Надеждин. — Мир божий, 1905, № 10, с. 128—130.

1. К «Скупому рыцарю»

В первой сцене «Скупого рыцаря» Альбер рассказывает Соломону, как его отец — барон Филипп — относится к деньгам:

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит,
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетошленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки,
Всю ночь не спит, все бегаёт да лает.

(VII, 106)

Комизм этих строк отмечали многие исследователи пушкинского творчества.¹ Сатирические традиции (в том числе русские) в обрисовке образов скупых, переосмысленные Пушкиным в его произведении, широко охарактеризованы Д. П. Якубовичем в комментариях к «Скупому рыцарю»,² но и здесь какие-либо источники цитированных слов Альбера об отце, и в частности сравнения его с цепным псом, живущим в конуре, не указаны. А между тем их возможно связать с анекдотом, о котором рассказывается в «Воспоминаниях на святках» Н. А. Полевого: «Вы, конечно, слышали, что один скупец, боясь воров, но в то же время жалея расходов, не хотел купить собаки, а купил только цепь и, выходя из дома, гремел цепью и сам лаял собакою...»³ У Пушкина и Полевого скупой лает вместо собаки. Но барон Филипп скупее героя Полевого: он не только собаку, но и цепь не покупает, полностью обходясь своими силами.

Влияние текста Полевого на Пушкина исключено: в отличие от ряда других материалов, вошедших в «Новый живописец» после более ранних публикаций в «Московском телеграфе», «Воспоминания на святках» появились в этом сборнике впервые в 1832 г., а трагедия Пушкина закончена в 1830 г. С другой стороны, исключено и воздействие «Скупого рыцаря» на Полевого, так как трагедия Пушкина напечатана только в 1836 г. Следовательно, оба текста независимы друг от друга. Вероятно, их сходство зависит от общего источника. Полевой говорит о его устном распространении («Вы... слышали») и широкой известности («Конечно, слышали»); несомненен из текста «Воспоминаний на святках» сатирический характер этого повествования, основанный на гротескном подчеркивании скупости. Это несомненно анекдот (как сатирический фольклорный жанр, а не как претендующий на достоверность эпизод из жизни исторического лица, в каком значении это слово чаще употреблялось в пушкинское время). Вероятно, стоило бы найти общий источник этого анекдота, столь неожиданно связавший воедино приведенные стихи Пушкина и сатирический пересказ забавной истории о скупце в роли сторожевого пса.⁴

¹ См., например: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 603; Гукасова А. Г. Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. М., 1973, с. 76—88 и др. Еще Белинский заметил о приведенных словах Альбера: «В этом портрете мы видим лицо чисто комическое» (Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. VII. М., Изд. АН СССР, 1955, с. 561).

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1935, с. 506—522.

³ Новый живописец общества и литературы, составленный Николаем Полевым, ч. 5, М., 1832, с. 174.

⁴ Возможно, что этот анекдот ведет нас к Г. Р. Державину. На заглавном листе болдинской рукописи «Скупого рыцаря» Пушкин поставил в качестве эпиграфа следующие два стиха:

2. Выигрыш на тройку и семерку до «Пиковой дамы»

Вопрос о том, почему в «Пиковой даме» Германну представляются выигрышными картами именно тройка и семерка (туза мы не касаемся), не раз возникал в работах о пушкинской повести. Можно отметить три попытки объяснить этот факт.

Ход мыслей А. Л. Слонимского был таков: тройка и семерка объясняются тем, что Германн мечтал «утроить, усемерить» свой капитал, а эти цифры в свою очередь подказаны предшествующим текстом. В повести «расчет, умеренность и трудолюбие» характеризуются как «три верные карты»; графине «восемьдесят семь лет», она может умереть через «неделю», т. е. через семь дней. Наконец, последние цифры мотивированы тем, что 3 и 7 имеют «кабалистическое значение»⁵

С этим толкованием полемизировал Н. П. Кашин. Он принял вывод, что тройка и семерка связаны с предшествующим сочетанием «утроит, усемерит», но заметил, что последняя формула встречалась уже в строчке «Утроить, сын! усемерить!» из стихотворения Федора Глинка «Брачный пир Товия» («Семь дней веселый пир шумел...»), напечатанном в альманахе «Альбом северных муз», изданном в Петербурге в 1828 г.⁶

Престань и ты жить в погребях,
Как крот в ущельях подземельных.

Державин.

Это — начальные стихи 7-й строфы послания Г. Р. Державина «К Скопихину» (1803 г., напечатано без подписи автора: Друг просвещения, 1805, № 4, с. 7; вошло в издание сочинений Державина 1808 г.). Последующие строки послания перечисляют другие просьбы поэта к тому же лицу: престань

И на чугунных там цепях
Стеречь, при блеске искр елейных,
Висящи бочки серебра,
Иль лаять псом вокруг двора.

Эпиграф, который Пушкин хотел предпослать к «Скупому рыцарю», был им отброшен, скорее всего после того, как он принял решение объявить свою маленькую трагедию переводом («Сцены из Ченстоновой трагикомедии...»), но образ скупца, который был дан Державиным в этом стихотворении, Пушкину запомнился и нашел свое частичное отражение в тексте «Скупого рыцаря». Очень возможно, что Пушкин, как и его современники, знал, что стихотворение Державина было обращено к реальному лицу, носившему фамилию «Собакин», что являлось лишним поводом приписать ему действия сторожевого пса. В «Объяснениях» к своим сочинениям Державин писал по поводу стихотворения «К Скопихину»: «Под именем Скопихина разумеется Собакин, миллионщик, но весьма скупой, который по крайней мере неизвестен публике, но не сделал никакого народного благодеяния, хотя прочие, несравненно меньше его имени имущие, оказали себя полезными бедным людям разными добрыми учреждениями» («Объяснения» Державина напечатаны Я. К. Гротом в его издании: Сочинения Державина, т. III. СПб., 1866, с. 689). (Прим. ред.).

⁵ Слонимский А. Л. О композиции «Пиковой дамы». — В кн.: Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. М.—Пг., 1922, с. 176.

⁶ См.: Кашин Н. П. По поводу «Пиковой дамы». — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXI—XXXII. Л., 1927, с. 25—34.

Альманах этот хорошо известен исследователям; в нем впервые напечатаны «Талисман» Пушкина, произведения декабристов Вильгельма Кюхельбекера и Александра Бестужева (конечно, без подписей). С издателем его А. И. Ивановским Пушкин был знаком и даже подарил ему экземпляр «Цыган» с автографом.⁷ Однако нельзя не учитывать того, что стихотворение Глинки, написанное на библейскую тему, не имеет никаких точек соприкосновения с содержанием «Пиковой дамы» и что сходство формул в обоих случаях чисто внешнее. Поэтому данное сопоставление очень сомнительно.

Наиболее правдоподобное, на наш взгляд, объяснение дает этим картам Л. В. Чхайдзе, связывая тройку и семерку с правилами игры в банк (штосс, фараон). Эти правила были выгодны для профессионального игрока-банкомета и толкали его противника-понтера при проигрыше на увеличение ставок путем удвоения их, скажем, «от пятидесяти на сто» (как говорится в эпиграфе к повести) и далее, вплоть до 16-кратного увеличения (так называемая игра «на паролл»).

Если же понтеру повезло, он мог присоединять выигранные деньги к первоначальной ставке, и тогда первый выигрыш удваивал сумму, второй — учетверял, третий — увеличивал в восемь раз (игра «на руте»). Если считать чистый выигрыш без первоначальной ставки, вычитая ее, то в первый раз он равен ставке, во второй — втрое, а в третий — семикратно превосходит ее. Отсюда и цифры в мыслях Германна: «... вот что утроит, усмерит мой капитал» (VIII, 235), от которых прямой путь к тройке и семерке.⁸

Осознавал ли сам Пушкин эти связи цифр? Л. В. Чхайдзе приводит в статье «Пометки Пушкина на письме к нему А. П. Плещеева» черновые подсчеты Пушкина, как бы проверявшего планы Германна. Два из них — геометрические прогрессии увеличения капитала путем последовательного удвоения его в трех выигрышах, а два других — рост чистого выигрыша, за вычетом первой ставки. Цифры показывают, что Пушкин видел это троекратное и семикратное превышение ставки во втором и третьем выигрыше (VIII, 836). Таким образом, выбор его был вполне сознательным. Л. В. Чхайдзе, следовательно, намечает такую логическую цепь: от правил игры в банк, позволяющих в случае большой и редкой удачи утроить и усмерить капитал, к приносящим эту удачу картам — тройке и семерке.

Эти соображения были бы совершенно бесспорны, если бы в современной Пушкину литературе карточный выигрыш на тройку и семерку до «Пиковой дамы» не встречался. Однако о таком случае уже было рассказано в повести Клаурена «Голландский купец», переведенной на русский язык.⁹

Псевдонимом «Генрих Клаурен» (Clauren) пользовался немецкий чиновник и беллетрист Карл-Готтлиб-Самуэль Гейн (1771—1854). В 1820—1824 гг. он редактировал «Прусскую правительственную газету», позднее заведовал главным почтамтом Берлина. Время его известности как прозаика — конец 1810-х — начало 1820-х годов. Довольно плодотворный автор (в итоговом собрании его сочинений — 25 томов),¹⁰ он не отличался круп-

⁷ См.: Смирнов-Сокольский Ник. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 560—561.

⁸ См.: Чхайдзе Л. В. 1) О реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, вып. 3. Л., Изд. АН СССР, 1960, с. 455—460; 2) Пометки Пушкина на письме к нему А. П. Плещеева. (Еще о реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме»). — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., «Наука», 1973, с. 82—88.

⁹ Клаурен. Голландский купец. (Истинная повесть). — Сын отечества, 1825, ч. 101, № 9, с. 3—51.

¹⁰ Clauren H. Gesammelte Schriften, 25 Bände. Berlin, 1851.

ным дарованием. Политический конформизм, слащавая сентиментальность и филистерское морализаторство ненадолго привлекли к нему внимание мецанского читателя; в то же время его творчество быстро стало объектом критики и пародии. Уже в 1825 г. В. Гауф напечатал повесть «Человек с луны», представлявшую собой ядовитую пародию на сочинения тайного советника Гейна, особенно на роман последнего «Мимилин»; пародия с умыслом была подписана его же псевдонимом «Клаурен».¹¹ На русский язык произведения этого заурядного писателя переводились мало.¹² При этом повесть «Голландский купец», пожалуй, живее и занимательнее других его произведений.

Сюжет этой повести, в которой, как и в «Пиковой даме», карточная игра является основной пружиной действия, вкратце таков. Советник Бурдах из-за политических обстоятельств лишился места по службе и вынужден уехать за границу, где бедствует вместе с женой и дочерью. Изменения в его жизни наступают после того, как он спасает тонущего ребенка. Отец спасенного — голландский купец Моисей фан-дер-Гуссен засыпает семью Бурдах подарками. Каждый вечер Бурдах уходит куда-то с Гуссеном и возвращается домой с золотыми деньгами, о которых говорит жене, что они получены честным путем. Семья разбогатела. Жена Бурдах позднее слышит разговоры о том, что ее мужу и Гуссену посчастливилось в игре против негодяя — профессионального шулера.

Механизм помощи Гуссена Бурдаху раскрыт во втором сюжетном звене повести. Гуссен удерживает от самоубийства юного Биндера, которого завлекли в игру помощники банкомета, и он проиграл чужие деньги. Гуссен снабжает его своими деньгами для ставок и помогает ему отыгаться. Игра идет в три талии (Германн тоже должен был сделать только три ставки). Приведем текст эпизода игры полностью.¹³

Вот первый промет: «Когда незнакомец (Гуссен, — *И. Г.*) приблизился к столу, банкир изменился в лице и затрясся. Незнакомец, заметив это, улыбнулся. Вскоре объявил банкир, что он больше трех талий метать не будет, что ему сделалось дурно.

Незнакомец поставил три-четыре карты, каждую по одному червонцу, но на одну положил он два червонца. Глаза его были устремлены на пальцы банкира. Я смотрел с большим любопытством на того и другого. Незнакомец быстрым пронзительным взором следовал за каждым движением рук банкира, который, чувствуя то, смущался — сидел, как на огне. О передержке или о других подобных плутовствах нельзя было и подумать: тут сидел слишком в них сведущий неутомимый судья. Вот мои наблюдения. Смущение банкира тем более казалось мне удивительным, что во всякое другое время ничто не могло поколебать его железного равнодушия.

Биндер стоял в нескольких шагах от незнакомца. На карту, которая пошла в два червонца, поставил он кошелек с тысячью червонцами. Я замер от страха. Банкир прокинул. Биндер выиграл». Итак, какой была первая выигравшая карта, неизвестно.

Второй промет: «Во вторую талию та же игра. Незнакомец поставил по одному червонцу на несколько карт, из которых он иные выиграл, иные проиграл, но на тройку поставил он два червонца. Биндер примазал к ней пятьсот. Банкир стал метать. Биндер выиграл». Вторая выигравшая карта — тройка, как первая в «Пиковой даме».

Третий промет: «В третью и последнюю талию Биндер уже не играл: он возвратил все свои деньги. От страха и радости он был бледен, как

---

¹¹ О повестях Г. Клаурена см.: История немецкой литературы, т. 3. М., «Наука», 1966, с. 258—259; Liebing H. Die Erzählungen H. Claurens. Halle, 1931.

¹² Кроме названной повести, укажем также на кн.: Повести и литературные отрывки, изданные Н. А. Полевым, ч. 6. М., 1830.

¹³ Сын отечества, 1825, ч. 101, № 9, с. 44—46.

смерть, и не смел обнаружить ни того, ни другого. Я едва дышал — готов был броситься на шею незнакомцу. Когда готовы были карты для третьей талии, незнакомец поставил семерку и сказал: „Va banque“. Это слово, как громовым ударом, поразило игроков. У банкира выступил пот, как ртуть сквозит дерево при скаггии воздуха. Тишина во всей комнате. Умоляющий о пощаде взор банкюмета был обращен к незнакомцу. Но загадочный человек сидел как мраморная статуя. Неподвижным оком устремился он на руки банкюмета, который начал метать робко и медленно, как будто знал заранее, что перед этим ужасным игроком для него нет спасения. Руки его дергало, как на гальванической машине. Наконец... Все были исполнены ожидания. Все желали банкиру, очистившему почти у всех кошелек, мщения небес. Наконец, раздалось: „Семерка выиграла!“ Незнакомец, без малейшего изменения в лице, сгреб со стола большую кучу денег, взял их и ушел. Банк лопнул, Биндер спасен, незнакомец исчез». Итак, третья выигравшая карта — семерка, как вторая в «Пиковой даме».

Из дальнейшого повествования мы узнаем, что Гуссен когда-то бедствовал, но упорные занятия математикой открыли ему секрет выхода карт при игре в банк. Он объехал ярмарочные и курортные города, повсюду разоряя профессиональных игроков. Вскоре его знали везде, узнал и этот банкюмет. Теперь у него два миллиона гульденов, и он бросил игру.

Такова эта повесть. Совпадение тройки и семерки в «Голландском купце» с выигрышными картами в «Пиковой даме», пожалуй, более существенно, чем сходство ряда других деталей в этих произведениях: последнее отчасти объясняется близостью описанных ситуаций. Но отметим и их для полноты картины.

Клаурен пишет о том, что банкюмет от «железного равнодушия» переходит к смущению и паническому страху: увидев Гуссена, он «затрясся», в конце игры «руки его дергало». Пушкин пишет, конечно, несравнимо тоньше и убедительнее, но образ Чекалинского, метавшего банк, развивается в том же направлении: сперва во всем облике его — бесстрашие, подчеркнутое «всегдашней улыбкой» и ласковой учтивостью; после первого выигрыша Германна он «нахмурился, но улыбка тотчас возвратилась на его лицо»; после второго выигрыша «Чекалинский видимо смутился», а в третьей партии «руки его тряслись» (VIII, 250—251). Гуссен и Германн (Германн, конечно, до последнего проигрыша), напротив, холоднокровны. Оба они вступают в игру в числе других контеров, и у обоих позднее партия превращается в своеобразную дуэль с банкюметом. Реакция свидетелей игры в той и другой повести сходная.

Совпадение карт заставляет рассмотреть вопрос, знал ли Пушкин повесть Клаурена? Этот автор не упоминается Пушкиным ни в его произведениях, ни в дневнике и письмах; следовательно, прямых свидетельств о знакомстве его с текстом «Голландского купца» нет. Попробуем рассмотреть косвенные аргументы.

«Сын отечества», в котором напечатан указанный перевод из Клаурена, Пушкин несомненно имел в руках. В этой же части (101-й) журнала (№ 10) были напечатаны «Отрывки г-жи Сталь о Финляндии, с замечаниями», подписанные «А. М—в». Именно с этими замечаниями А. А. Муханова Пушкин полемизировал в своей статье «О г-же Сталь и о г. А. М—ве» (XI, 27, 299, 531). Отсюда позволительно сделать допущение, что Пушкин мог прочесть и повесть Клаурена о картежной игре.

Поэтому совпадение выигрышных карт в двух произведениях не кажется случайностью. Вполне вероятно, что именно из повести Клаурена запомнились Пушкину тройка и семерка. Эти карты всплыли в его памяти, когда он работал в 1833 г. над «Пиковой дамой», услышав перед этим рассказ о трех картах, открытых некогда Сев-Жерменом графине Н. П. Голицыной.

Отменяет ли сопоставление с «Голландским купцом» наблюдения Л. В. Чхидзе? Думается, нет. Тройка и семерка в произведении Клаурена, написанном плохо и мелодраматическом, никак не мотивированы: видимо, не автор выбирал их, а они вспомнились ему, так как три и семь

входят в так называемые «блоковые числа» народных поверий и народного творчества (вспомним роль утроения в народном эпосе, особенно скачком, или роль семерки в пословицах и поговорках).¹⁴

В повести Клаурена эти карты никак не связаны с правилами игры в банк, ставки следуют хаотично: 1000, 500 червонцев и равная всей сумме в банке (т. е. игра идет «мирандолом»). Выигрыши на тройку и семерку случаются во второй и третий раз. Но ведь именно во второй и третьей талии при игре «на руте» чистый выигрыш может превратить первую ставку втрое и всемеро. Учет правил позволял объяснить обе карты суммой возможных выигрышей.

Таким образом, соображения Л. В. Чхайдзе остаются в силе, но направление мыслей Пушкина было обратным: не от возможных выигрышей к выбору двух карт, а от тройки и семерки, запомнившихся из повести Клаурена, к возможным выигрышам, делавшим выбор именно этих карт объяснимым, психологически достоверным. Мотивировка карт психологией игрока так существенна, что повесть Клаурена надо рассматривать не как источник Пушкина, а как сырой материал, им переработанный.

3. «Цертелова древние стихотворения»

В октябре 1822 г. Пушкин просил брата договориться с книгопродавцем И. В. Слениным о присылке нескольких книг. Он заказывал экземпляры поэмы «Руслан и Людмила», вышедшей в 1820 г., и несколько новинок 1822 г.: своего «Кавказского пленника», поэму Байрона «Шильонский узник» в переводе В. А. Жуковского, «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греча. Среди новинок были названы и «Цертелова древние стихотворения» (XIII, 51).

Цертелов — это, конечно, князь Николай Андреевич Цертелев (1790—1869), второстепенный писатель и фольклорист; он несколько раз упоминается в письмах Пушкина с весьма нелестными эпитетами (Справочный том, с. 444—445); столь же презрительно отзывался о нем и П. А. Вяземский в письме к Пушкину от 30 апреля 1820 г. (XIII, 16).¹⁵ Неясно, однако, какое печатное издание Н. А. Цертелева Пушкин просил прислать ему, называя его заглавие «Древние стихотворения». Комментаторы писем Пушкина обычно называют в этой связи две брошюры Цертелева, которые Пушкин мог иметь в виду, так как обе эти брошюры сохранились в его библиотеке: «О произведениях древней русской поэзии» и «Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений».¹⁶

Этому предположению противоречат два обстоятельства. Во-первых, книга Цертелева названа Пушкиным среди новинок, а оба названных издания вышли еще в 1820 г. Во-вторых, заглавие, которое упоминает Пушкин («Древние стихотворения»), походит на заглавие сборника Кириши Данилова («Древние российские стихотворения») и скорее может относиться к сборнику фольклорных текстов, чем к исследованию фольклористического характера.

¹⁴ См.: Маковец Н. А. 7 и 7-ой в русских пословицах и поговорках. — Русская речь, 1974, № 2.

¹⁵ Остафьевский архив, т. 1. СПб., 1899, с. 532—533.

¹⁶ Такую догадку высказал Б. Л. Модзалевский в своем издании «Писем» Пушкина (М.—Л., 1926, с. 256). Ср. его же библиографическое описание библиотеки Пушкина (Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, с. 113, №№ 416—417; в обоих случаях инициалы автора напечатаны с ошибкой: Н. Д. вместо следуемых Н. А.). Это предположение Б. Л. Модзалевского — уже как бесспорное — приводится в «Справочном томе» академического издания (с. 444—445).

Не было ли у Цертелева других книг фольклористического характера, более подходящих к данному случаю? В 1810—1820-х годах он напечатал полтора десятка работ по русскому, украинскому и славянскому фольклору.¹⁷ По политическим взглядам он был человеком консервативных взглядов, но в русской и украинской фольклористике сыграл полезную роль. Большинство его работ — журнальные статьи. Отдельными изданиями выходили только две книжки, названные выше, да сборник украинских дум «Опыт собрания старинных малороссийских песен» (СПб., 1819), который тоже не был в 1822 г. новинкой.

В 1821—1822 гг. Цертелев ничего не печатал о фольклоре, занятый подготовкой сборника народных песен. Единственная его публикация за эти годы — объявление о подписке на книгу «Дух русской поэзии, или Собрание старинных русских стихотворений, заслуживающих внимания или по содержанию, или по изложению своему».¹⁸ В две части этого сборника должен был войти довольно широкий круг народных песен: хороводные, обрядовые (святочные, свадебные), семейные, любовные, баллады. Этот-то сборник, по-видимому, и хотел получить Пушкин, считая, что со времени объявления (август) до письма брату (октябрь) он должен выйти в свет. Но издание Цертелева по каким-то причинам не состоялось. До нас дошла только рукопись сборника, найденная в архивных материалах Ф. Н. Глинки В. Г. Базановым.¹⁹

И. И. Грибушин

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

1

В конце повести «Станционный смотритель» старик Вырип рассказывает о печальной судьбе своей дочери Дуни: «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голю кабацкою» (VIII, 1, 105).

Последние слова приведенного текста привлекли внимание Андре Менье — известного исследователя Пушкина и переводчика, которому пушкиноведение обязано выпуском в свет первого на французском языке, заслуживающего всяческой похвалы «Полного собрания сочинений» Пушкина.¹ Как следует понимать указанные слова? Представив себе мысленно ту картину, которая, по замыслу Пушкина, должна была тревожить воображение бедного смотрителя, А. Менье пришел к заключению, что все французские переводчики этой повести совершали традиционную, но грубую ошибку, передавая слова «метут улицу» буквально, с помощью французского глагола *balayer* — «мести» (от сущ. *balai* — «метла»)² Между тем,

¹⁷ См.: Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. 1. М., 1958, с. 159, 176—177; Базанов В. Г. Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 251. В этих книгах анализируются политические и эстетические позиции Н. А. Цертелева.

¹⁸ Северный архив, 1822, ч. 111, № 16. См.: Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. 1, с. 159—160.

¹⁹ Базанов В. О поэзии Глинки. — Литературный критик, 1938, № 9—10, с. 296.

¹ О работах А. Менье в области пушкиноведения см. в его некрологе в кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 126.

² Действительно, во всех предшествующих французских переводах «Станционного смотрителя», появившихся с конца XIX в., указанное

по мнению А. Менье, к действию, которое имел в виду Пушкин, более подошел бы другой французский глагол — *traîner*, в значении «подметать улицу подолом длинного платья». В соответствии с этим истолкованием указанное место в его переводе получило следующий вид: «Il y en a beaucoup à Petersbourg de ces jeunes sottes vêtues aujourd'hui de soie et de velours, et qu'on verra demain traîner dans la rue en compagnie de la geusaille de cabaret».³ Это неожиданное истолкование обратило на себя внимание. У нас его принял, например, П. Антокольский. В статье «Пушкин по-французски», дав весьма высокую оценку переводам А. Менье, к которой мы полностью присоединяемся, П. Антокольский сочувственно отозвался также о его переводе «Станционного смотрителя». Идя по его следам, П. Антокольский вспомнил о знаменитой ошибке, допущенной П. Мериме в переводе «Пиковой дамы» (где, как известно, слово «затянулся» в предложении «Томский закурил трубку, затянулся и продолжал, имея в виду указанное место в «Станционном смотрителе»: «Здесь ошибка старого французского переводчика стала еще курьезнее: глагол „мести“ он перевел буквально, т. е. „подметать“. А. Менье исправляет и переводит: *traîner*, т. е. „мести шлейфом“».⁴

С сожалением приходится отметить, что в данном случае А. Менье напрасно отступил от давней французской традиции, что его новация была явно ошибочной и что эту оплошность без всяких оснований пытался скрепить своим авторитетом известный советский поэт.

Попробуем разобраться в том, что имел в виду Пушкин, когда описывал мрачные предчувствия старого смотрителя о своей дочери, исчезнув-

место обычно передавалось с помощью глагола *balayer* и производных от него. Так, в первом издании сочинений Пушкина, 1892 г. (*Pouchkine A. L'aube russe (Nouvelles), traduit du russe par B. Tseytline et E. Jaubert. Paris, 1892, p. 213*), интересующее нас место переведено следующим образом: «On en voit beaucoup, à Pétersbourg de ses sottes jeunes, aujourd'hui vêtues de vélours et de satin, demain balayées des rues pêle-mêle avec des gueux de cabarets». В антологии Пушкина, изданной известным французским знатоком русской литературы Андре Лиронделем в 1926 г., читаем: «Il y en a plus d'une à Pétersbourg de ses jeunes sottes qui aujourd'hui sont vêtues de satin et de velours et qu'on verra demain balayer les rues avec les dernières des gueux» (*Pouchkine. Oeuvres choisies <...> par André Lirondelle. Paris, [1926], p. 180*). В брюссельском издании «Повестей Белкина» 1930 г., в переводе Г. Вилькомирского, указанное место читается так: «Il y en a beaucoup à Pétersbourg de ses jeunes niaises qui sont habillées un jour de soie et de velours et le lendemain, tu les vois balayer les rues avec tous les va-nu-pieds des cabarets» (*Pouchkine A. Les récits de feu Ivan Petrovitch Belkine, traduit du russe par G. Wilkomirsky. Maestricht et Bruxelles, 1930, p. 36*). В парижском издании «Повестей Белкина» (édition du Chêne, Paris, 1947, p. 93), в переводе Ростислава Гофмана (*R. Hoffmann*), находим: «...Elles sont beaucoup, à Pétersbourg qui <...> parent aujourd'hui de soie et de velours, et qui demain iront balayer les rues avec la racaille». Нетрудно заметить, что в приведенных примерах варьируется передача других слов, например с трудом поддающегося переводу на французский язык устойчивого словосочетания «голь кабацкая» (*gueux, geusaille, va-nu-pied <...> de cabaret*); слова же пушкинского текста «метут улицу» в течение пяти десятилетий (между 1892 и 1947 гг.) устойчиво, без изменений, всеми переводчиками переводились глаголом *balayer*.

³ *Pouchkine. Oeuvres complètes, publiés par André Meunieux. Drames. Romans. Nouvelles. Paris, A. Bonne éd., <1953>*; то же в издании: *Pouchkine A. S. Traduction A. Meunieux. Paris, 1962 (серия: Les écrivains célèbres. Editions d'art Lucien Mazenod), p. 143, 148, notes.*

⁴ Антокольский П. Пушкин по-французски. — В кн.: Мастерство перевода. М., 1965, с. 334.

шей из дома. Как видно из «Словаря языка Пушкина», глагол «мести» он в основном употреблял всегда в прямом смысле. Он писал: «Мы не говорим <..> слуга, метущий комнату; мы говорим <..> который метет» (XII, 96); в отрывке «Участь моя решена»: «...здесь сидит семейство за самоваром, там слуга метет комнату» (XII, 406).⁵ В автобиографической записке П. А. Вяземского 1828—1829 гг. мы находим аналогию такому словупотреблению: «Я не могу смотреть на себя иначе, как на затворника в тюрьме <..> а свобода его в том заключается, что он для службы острога ходит, брэнча цепями, по улице за водою, метет улицы и проч.»⁶

В «Воспоминаниях» харьковского художника В. П. Карпова, впервые изданных в 1900 г., существует описание той полицейско-административной практики, которая в 1830—1840-х годах применялась во многих русских городах для борьбы с пьянством и ночным разгулом: «<..> невинные хождения по гостям нередко для обывателей были причиной слез и сугубой скорби. В те годы с десяти часов вечера полицейский обход под предводительством квартального надзирателя обязан был ходить по улицам города всю ночь до рассвета и забирать в полицейское управление всех, которые попадались пешими в позднее время ночи, „в нетрезвом виде“. Но, вероятно, вследствие ночной тьмы в большинстве случаев трезвые мужчины, женщины, девушки и даже дети брались под арест и сажались при полиции в арестантскую. Утром, когда город весь просыпался, арестантов выгоняли группами и заставляли их мести и чистить улицы в наказание за позднее блуждание по городу. Весьма понятно, что для многих обывателей такая мера была более чем страшна, потому что повергала всю семью в уныние и скорбь от перенесенного позора <..> Те из обывателей, которым нечем было откупиться от ареста, на утро другого дня представляли собой живую картину самого комического содержания, так как большинство возвращалось из гостей одетыми в лучшие костюмы: женщины — в чепцах, девушки — в наместах, с дукатами на шее и в цветах на голове; попадались мужчины даже в цилиндрах и в лаковых сапогах. И вот эта нарядная публика мешалась с оборванцами, бездомными и завзятыми пьяницами, женщинами сомнительного поведения и старухами, потерявшими всякое благообразие вследствие распущенности нрава. Вся эта группа пестрого маскарада, с метлами, с лопатами и с тачками в руках, под надзором полицейских солдат, мела и очищала улицы». Мемуарист подчеркивает, что «рассвет дня неожиданно открывал эту картину для проходящих, которые встречали знакомых им лиц <..> Девушки-дочери, тоже зауряд с матерями, в праздничном наряде мели улицы и скромадили (скребли) деревянные тротуары».⁷

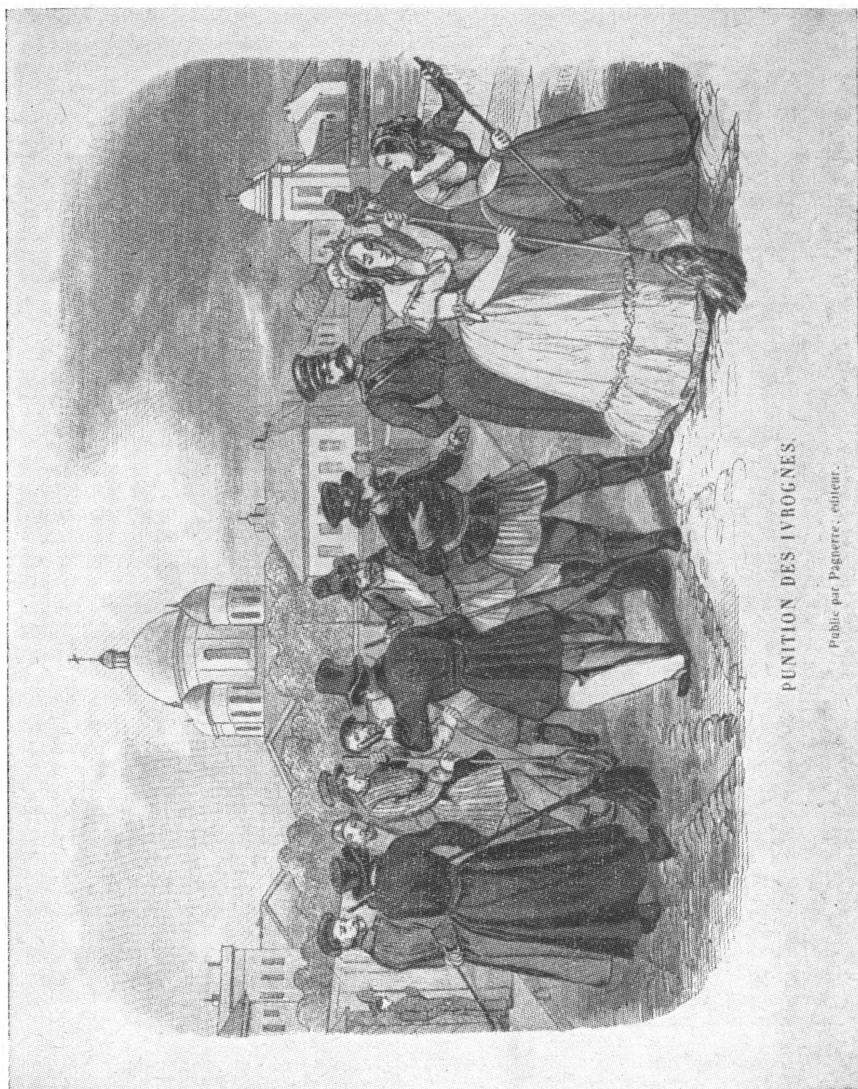
Мы намеренно почти не сократили приведенную цитату, поскольку в ней подробно описана бытовая сцена, очень близкая к той, какую имел в виду и Пушкин. В том, что подобные сцены были заурядным явлением, убеждают нас также иллюстрированные издания первой половины XIX в. В известной и много раз издававшейся на разных европейских языках книге Ф. Лакруа «Русские тайны»⁸ имеется литографированная картинка с изображением подобной сцены и подписью «Наказание пьяниц». На этой картинке с правой стороны изображены молодые женщины в парадных

⁵ Словарь языка Пушкина, т. II, М., 1957, с. 566.

⁶ Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 177.

⁷ Карпов В. П. Харьковская старина. Из воспоминаний старожила. Харьков, 1900, с. 307—309. Перепечатано с ошибками в серии «Русские мемуары, дневники, письма и материалы» (Л., «Academia», 1933, с. 173—174.)

⁸ Lacroix F. Les mystères de la Russie. Tableau politique et moral de l'Empire de la Russie. Paris, 1845, p. 146—147. Книга выдержала много изданий и переведена на немецкий, итальянский и испанский языки. См.: Catalogue de la section de Russica (Bibl. Imperiale Publique de St. Petersburg). T. I. SPb., 1873, p. 689—690 (№№ 57—63).

PUNITION DES IVROGNES.

Publié par Fagette, éditeur.

Литография П. Иванова из книги Ф. Лакруа «Русские гайны» (Париж, 1845).

или бальных платьях с метлами в руках: на них кричит дворник, а поодаль за всеми наблюдает полицейский чин. Дело несомненно происходит в Петербурге, на набережной Фонтанки у Калипкина моста.

Хотя книга «Русские тайны» выпущена в Париже (в издательстве Паньер), но иллюстрация исполнена русским художником-рисовальщиком и литографом Петром Ивановым,⁹ закончившим оригинал около 1840 г. Та же иллюстрация приведена в книге М. И. Пыляева «Старая Москва»;¹⁰ отличия ее от оригинала незначительны: все человеческие фигуры повторены без всяких изменений, но задний архитектурный план иной, несомненно изображающий московскую улицу, на которой находится полицейский участок. Под иллюстрацией объяснительная надпись: «Арестанты при полиции, метущие улицу. С литографии начала нынешнего столетия».

Приведенные данные, с нашей точки зрения, с достаточной ясностью решают вопрос о том, как следует понимать вышеприведенный текст из «Станционного смотрителя»: в воображении отца бедная Дуня метет петербургскую улицу с метлой в руках под надзором дворника и квартального, в сообществе с сомнительными гуляками и арестантами.

М. П. Алексеев

РИСУНОК ПУШКИНА «ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА КАРАДАГА»

Не раз писали об одном пейзажном рисунке Пушкина, но его либо не воспроизводили правильно, либо не давали ему никакого толкования. Опубликован он был впервые почти полвека назад А. М. Эфросом, назвавшим рисунок «Гора со сквозным ходом».¹ Каких-либо комментариев автор книги не дал.

Несомненно, перед нами зарисовка конкретного места, сделанная по памяти. «Изредка встречаются в рисунках Пушкина пейзажи, — пишет Т. Г. Цявловская. — Они кажутся столь же верным отражением виденного, как и изображения людей, которые почти всегда портретны».²

Указанный рисунок отличается разнообразной штриховкой плоскостей горы. Это, конечно же, скала, подымающаяся из воды. В этом убеждают и не замеченная А. М. Эфросом лаконичная волнистая линия в проходе скалы, передающая водную рябь, и слабо намеченная линия горизонта или берега. Мастерство пушкинской графики поражает нас и здесь: удивительнейшее сочетание уверенности рисунка и его легкости. Наряду с этим чувствуется воссоздание какого-то живого, яркого впечатления.

Видевшие у южного берега Крыма, неподалеку от Коктебеля, выступающую из моря скалу причудливой формы — так называемые «Золотые ворота» или «Ворота Карадага» — узнают ее в рисунке.

Первым пришел к этому выводу Б. В. Томашевский. «Сохранилось еще одно свидетельство о впечатлениях Пушкина, — рассказывает автор о мор-

⁹ О Петре Иванове сведений сохранилось немного. Он жил в Петербурге и был учеником Академии художеств с 1809 г. См. о нем: Собко Н. П. Словарь русских художников. . . , т. II, вып. 1. СПб., 1895, стлб. 398.

¹⁰ Пыляев М. И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни. СПб., 1891, с. 391.

¹ Эфрос Абрам. Рисунки поэта. М., 1930, с. 61; изд. 2-е. М., 1933, с. 117, 234.

² Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1970, с. 9.

ском путешествии поэта на военном бриге из Феодосии в Гурзуф в 1820 г. — В черновых тетрадах около наброска XLVI строфы первой главы „Евгения Онегина“ (октябрь 1823 г.) сохранился сделанный по памяти, но довольно точный рисунок скалы, стоящей в море, в которой нельзя не узнать известных Золотых ворот Карадага. Настолько были сильны впечатления Пушкина о виденных им берегах Крыма, что он не забыл очертания скал и через три года».³

Ни в академическом издании монографии Б. В. Томашевского, ни в иллюстрированной книге «Здесь жил Пушкин», в статье Н. М. Дружининой, где говорится о рисунке Пушкина «Ворота Карадага»,⁴ воспроизведения его нет.

На фотографии современного вида «Золотых ворот» можно заметить естественные изменения очертаний скалы. Рисунок восхищает нас не только

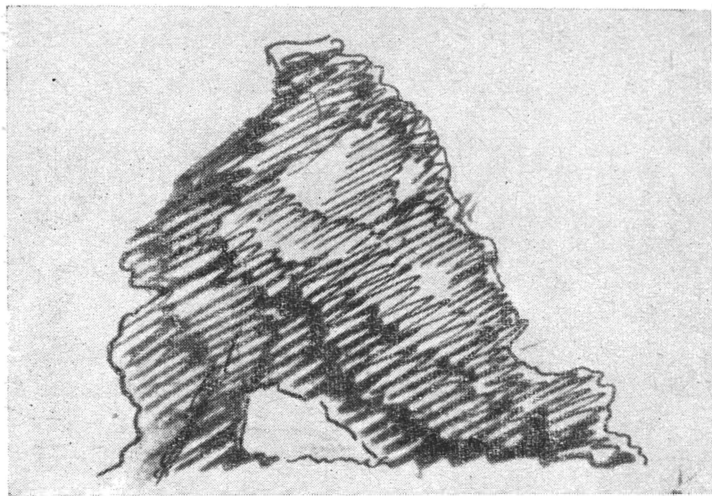

Рисунок Пушкина («Золотые ворота Карадага») в черновике первой главы «Евгения Онегина» (строфа XLVI).

мастерством Пушкина-рисовальщика, но и (в который раз!) удивительной зрительной памятью великого поэта. В рисунке 1823 г. отражены впечатления трехлетней давности. Необычную скалу, подымающуюся над морем, поэт увидел в ночь с 18 на 19 августа 1820 г.

«... морем отправились мы мимо полутемных берегов Тавриды, в Юрзуф, где находилось семейство Раевского, — писал Пушкин брату спустя месяц. — Ночью на корабле написал я элегию, которую тебе присылаю».⁵ В этой романтической элегии ярко отражены первые впечатления от ночного моря:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

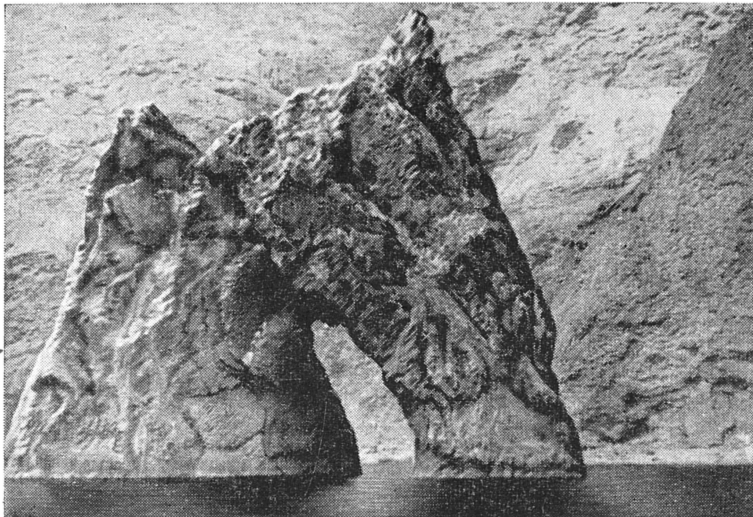
³ Томашевский Б. В. Пушкин, кн. 1. М.—Л., 1956, с. 483.

⁴ Дружинина Н. М. Крым. 1820. — В кн.: Здесь жил Пушкин. Л., 1963, с. 180.

⁵ Письмо от 24 сентября 1820 г. (XIII, 19).

«Корабль плыл перед горами, покрытыми тополями, виноградом, лавром и кипарисами», — продолжал Пушкин описание утреннего зрелища Крыма.

Рассказы самого Пушкина, воспоминания о нем, элегия «Погасло дневное светило...» донесли до нас ту ночь во всей ее неповторимости. «Всю ночь не спал. Луны не было, звезды блистали...», — писал поэт в письме к Дельвигу (VII, 437).⁶ «В ночь перед Гурзуфом Пушкин расхаживал по палубе в задумчивости и что-то бормоча про себя», — спустя многие годы рассказывала П. И. Бартенева М. Н. Волконская.⁷

Скала «Ворота Карадага». Современный вид.

Яркость впечатления от поездки по Черному морю, чувство восхищения вызвали семь лет спустя апофеоз крымским берегам:

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля,
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сел узор
Разослан был передо мною.

(VI, 199—200)

Рисунок скалы в море — не просто один из немногих пейзажных рисунков поэта, имеющий поразительно точный, документально-топографи-

⁶ Письмо это, не известное в рукописи, было впервые напечатано Дельвигом в издававшемся им альманахе «Северные цветы на 1826 год» под скромным названием издателя «Отрывок из письма к Д.».

⁷ См.: Бартенева П. И. Пушкин в южной России. М., 1914, с. 33.

Павел Вoinович Нашокин. Рисунок неизвестного художника.
1820-е годы.

Павел Вовнович Назокин. Рисунок К. Е. Маковского.
Начало 1850-х годов.

Войн Васильевич Нацокин. Фотоснимок, сделанный с портрета неизвестного художника конца XVIII в.—1800-х годов.

Клеопатра Петровна Нащокина. Фотоснимок, сделанный с портрета неизвестного художника конца XVIII в.—1800-х годов.

ческий характер. Он обогащает наше представление о памятных местах, с которыми был связан для Пушкина один из самых волнующих моментов его жизни.⁸

Б. А. Протоклитов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Есть ли возможность понять, почему возник вдруг в рукописях Пушкина через три года после его путешествия по Черному морю рисунок этой надводной скалы?

Находится он на полях строфы XLVI первой главы «Евгения Онегина»:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
Все это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм.

(VI, 24)

Черновик мало чем отличается от окончательного текста строфы.

Как видим, с текстом рисунок не связан. Мне представляется, что он был вызван оживлением воспоминаний о морском плавании и, возможно, о совместном с М. Н. Раевской созерцании этого феномена природы в связи с приездом последней в Одессу в октябре 1823 г.¹ Тогда же появляются и новые портреты М. Н. Раевской в рисунках Пушкина, который увидел ее уже не угловатым подростком, а расцветшей девушкой.²

Т. Г. Цявловская

---

⁸ Совсем недавно в одной из краеведческих книжек, посвященных пребыванию Пушкина в Крыму, воспроизведен рисунок «Золотые ворота Карадага» (Выгон М. Пушкин в Крыму. Симферополь, 1974, с. 25), но в таком мелком масштабе, что он не передает впечатления от артистического рисунка Пушкина. В книге В. П. Купченко и Н. П. Орлова «Планерское—Коктебель» (Симферополь, 1975) также воспроизводится рисунок Пушкина и дается современная фотография «Золотых ворот Карадага».

¹ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, с. 411—412, 770.

² См. воспроизведения их при статье Т. Г. Цявловской «Мария Волконская и Пушкин. (Новые материалы)» в альманахе «Прометей» (т. I, М., 1966, с. 56—59 и 419).

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОРТРЕТЫ НАЩОКИНЫХ

В последние годы личность друга Пушкина Павла Воиновича Нащокина (1801—1854) вызывает все больший интерес исследователей биографии Пушкина, литературоведов и широкого читателя.¹

Незаурядная натура П. В. Нащокина запечатлелась в переписке его с Пушкиным, в воспоминаниях, которые он писал по настоянию поэта, в знаменитом «Маленьком домике»,² а также в портретах Нащокина, которые сохранились немало, несмотря на утраты.

Цель настоящей статьи — сообщить о некоторых неизвестных изображениях самого П. В. Нащокина и его родителей.

Нащокин — фигура в какой-то мере одиозная. Современники, мемуаристы, а порой и пушкинисты часто видели в нем лишь человека, имевшего «почетную известность среди бонвиванов обеих столиц»,³ беспутного расточителя своего состояния, и не всегда отдавали должное другим сторонам его «талантливой, широкой натуры и превосходному сердцу», которые, как пишет П. И. Баргнев, «рано полюбились» Пушкину.⁴

Известно, что Нащокин обладал безошибочным литературным вкусом (с его советами считался Пушкин), был ценителем произведений искусства, проявляя активное доброжелательство к еще нераскрывшимся дарованиям, которые постоянно теснились вокруг него. «Залы его были наполнены произведениями начинающих художников; одних собственных его портретов и масляными красками и акварелью было до тридцати; молодыми живописцами перерисованы были все его кучера, прислуга, лошади и собаки. Эту коллекцию, совершенно ему не нужную, которую Павел Воинович раздаривал первому встречному, называл он „выставкой молодых талантов“».⁵

П. Ф. Соколов, К. П. Мазер, Н. И. Подклюшников, Н. де Ваксель, Э. А. Дмитриев-Мамонов — вот неполный перечень художников, оставивших изображения Нащокина, известные по воспроизведениям и публикациям.

В музеях Ленинграда имеются еще два портрета П. В. Нащокина, ранее не публиковавшиеся. Один из них принадлежит Всесоюзному музею А. С. Пушкина.⁶

Глядя на совсем еще молодое лицо и юношески тонкую фигуру Нащокина на этом портрете, ему вряд ли можно дать больше двадцати—двадцати пяти лет. Такое предположение подтверждается прической и костюмом середины 1820-х годов. По всей вероятности, так выглядел Нащокин и в то время, когда он встречался с Пушкиным в Петербурге, где продолжалась их дружба, возникшая еще в Царском Селе. Во всяком слу-

¹ Имеются в виду обширная статья Н. А. Раевского «Нащокины» (журнал «Простор», Алма-Ата, 1969, № 3, с. 88—99; № 4, с. 80—100; № 5, с. 89—106), публикация Н. Я. Эйдельмана «Воспоминания Павла Воиновича Нащокина, написанные в форме письма к А. С. Пушкину» (альманах «Прометей», т. X, 1974, с. 275—292), альбом «Нащокинский домик» (автор-составитель Г. И. Назарова. Л., «Аврора», 1971).

² Так называл сам П. В. Нащокин сооруженную им миниатюрную копию своей квартиры, впоследствии получившую название «Нащокинского домика».

³ Гершензон М. О. Друг Пушкина Нащокин. Мудрость Пушкина. М., 1919, с. 207.

⁴ Деятнадцатый век, кн. 1. М., с. 383.

⁵ Голбин В. В. Московские оригиналы былых времен. — Искра, 1866, № 47, с. 625.

⁶ Всесоюзный музей А. С. Пушкина, КП-1951/П-1654 (сепия, итальянский карандаш, белила, размер 27×23 см). Портрет поступил в музей от правнучатой племянницы П. В. Нащокина М. А. Пазухиной в 1938 г. Об этих портретах см. нашу статью «Неизвестные портреты друга Пушкина» (Вечерний Ленинград, 1974, № 47, 25 февраля).

чае перед нами несомненно наиболее ранний (по сравнению со всеми известными изображениями) портрет Нащокина.⁷ Автор рисунка неизвестен. Очевидно, это один из тех малоизвестных «молодых талаптов», которых опекал Нащокин.

Друг Пушкина представлен на рисунке сидящим в кресле. Глухой серый фон портрета, темный жилет и сюртук делают рельефными лицо и руку изображенного. Если сравнить этот портрет П. В. Нащокина с более поздними,⁸ можно убедиться в полном совпадении черт его физиономии: удлинённые пропорции лица, большой рот, полные, пухлые губы, слегка закругленные брови, крупный, широкий нос — все эти черты, запечатленные в других портретах (особенно в работах К. П. Мазера), наглядно видны и здесь.

В отличие от предыдущего второй публикуемый портрет П. В. Нащокина имеет подпись автора — К. Е. Маковского.⁹ Рисунок можно датировать, по всей вероятности, самым последним временем жизни Нащокина, если не годом его смерти: он умер в конце 1854 г., когда Константину Егоровичу Маковскому было всего пятнадцать лет.¹⁰

С редкой для юного художника прозорливостью Маковский сумел проникнуться настроением еще не старого по возрасту (он не дожил до 53 лет), но состарившегося раньше своих лет человека. Здесь хочется сравнить художника с пушкинским Ленским:

Он пел поблеклый жизни цвет,
Без малого в осьмнадцать лет.

(Акад., VI, 35)

Портрет Нащокина, рисованный Маковским, соотносится по времени и по духу с портретом работы Э. А. Дмитриева-Мамонова, написавшего друга Пушкина на склоне его лет.¹¹ Так же как Дмитриев-Мамонов, Маковский отметил в облике Нащокина выражение болезненности, усталости и угасания. Прежде большие глаза его сузились, веки набрякли, взгляд утратил былую живость. Глядя на неподвижное лицо и фигуру сидящего в кресле человека, запечатленного в портрете, трудно представить, что он отличался когда-то бездумными выходками и беспримерными проказами... И тем не менее, это Нащокин. Под рисунком — надпись тем же карандашом, которым выполнен портрет: «Павел Воинович Нащокин». Вероятно, не имея уверенности, что будет впоследствии узан (а может быть, по просьбе художника), сам Нащокин нетвердой, немощной рукой удостоверил свое изображение.

Личность жены П. В. Нащокина и друга Пушкина — Веры Александровны Нащокиной также вызывает постоянный интерес пушкинистов и

⁷ Мы не принимаем во внимание детский портрет Нащокина в миниатюре «Семейство Нащокиных», опубликованной нами в статье «Из иконографии Нащокиных» (Пушкин и его время, вып. I, Л., 1962, с. 424).

⁸ См. портреты П. В. Нащокина работы К. П. Мазера, Э. А. Дмитриева-Мамонова и других художников, названных выше.

⁹ Государственный Русский музей, Отдел рисунка, № Р-1393 (графитный карандаш; размер 33,8×24 см). В ГРМ поступил из Музейного фонда в 1925 г.

¹⁰ Известны и другие работы К. Е. Маковского, исполненные в столь ранние годы: портрет отца художника (1856 г.), головка мальчика (1855 г.), портрет Н. А. Некрасова (1856 г.). О последнем портрете см. публикацию О. В. Ломан «Неизвестный портрет поэта» (Литературная газета, 1971, № 48, 24 ноября). В отделе рисунков ГРМ хранится еще более ранняя работа художника — портрет матери, Л. К. Маковской (Р-55297), датированный 1849 г.

¹¹ Об этом портрете см. нашу статью «Из иконографии Нащокиных» (Пушкин и его время, вып. I, Л., 1962, с. 422).

мемуаристов. В названной выше работе Н. А. Раевского собраны многие малоизвестные, а также новые данные, касающиеся биографии В. А. Нащокиной.¹²

Примером такого рода интереса служит запись В. Я. Брюсова в его воспоминаниях: «В конце 90-х годов (помнится так, может быть немного позже) в Москве умерла старушка Нащокина, вдова Павла Войновича Нащокина, друга Пушкина. Мне, в должности председателя Литературного кружка, удавалось помогать этой старушке и ее детям, которые в последние годы бедствовали, лично я ее не видел. Но один из моих друзей (художник М. А. Д.) побывал у нее. Прощаясь, он поцеловал ей руку в ладонь. Старушка взволновалась. „Вот, — припомнила она, — и покойник Александр Сергеевич всегда так целовал руку“. Для нас — Пушкин, для нее — „покойник Александр Сергеевич“!».¹³

Существует также ряд хроникальных и эпистолярных материалов о ней, относящихся главным образом к юбилейному 1899 году. В их числе письмо В. А. Нащокиной к М. А. Морозову от 4 апреля 1900 г., в котором Нащокина упоминает о торжественном заседании в Московском университете 26 мая 1899 г., посвященном столетию рождения Пушкина, где она, единственная из оставшихся в живых современников поэта, присутствовала в качестве почетного гостя. В этом же письме Нащокина пишет Морозову о том, что посылает ему фотографический снимок со своего портрета, «писанного в оградную Пушкинскую эпоху <...> академиком П. Соколовым...».¹⁴ Какой была судьба оригинала портрета? Где он находится сейчас? На эти вопросы пока ответить трудно.

Н. А. Раевский сообщает ряд сведений о брате В. А. Нащокиной — Льве Александровиче Нарском, знакомом Пушкина, и публикует его портрет, исполненный также П. Ф. Соколовым и датированный 1836 г.¹⁵ Акварель принадлежит ныне здравствующей внучке П. В. Нащокина — Вере Андреевне Зызиной, которая утверждает, что портрет любимого брата В. А. Нащокиной был парным к портрету ее бабушки.

Хочется надеяться, что портрет и самой В. А. Нащокиной, писанный Соколовым, сохранился. Во всяком случае, еще сравнительно недавно, в 1937 г., он, по всей вероятности, существовал. Н. А. Раевский приводит слова В. А. Зызиной о том, что она «видела портрет бабушки, оформленный одинаково с этим портретом (Л. А. Нарского, — Г. Н.) и кисти одного в того же художника», на Всесоюзной Пушкинской выставке 1937 г. в Москве.¹⁶ Однако в архиве Всесоюзного музея А. С. Пушкина, где хранятся документы экспозиции Всесоюзной Пушкинской выставки, следы этого портрета отыскать не удалось.

Известно, какой большой интерес находил Пушкин в беседах с задушевным другом Павлом Войновичем Нащокиным. В письме к жене из Москвы от 27 сентября 1832 г. поэт писал: «<...> хлопочу по делам, слушаю Нащокина и читаю *Mémoires de Diderot*» (Акад., XV, 771).

«Слушание» Нащокина для Пушкина стоит в одном ряду с литературными делами и интересами его к истории. Увлекательные рассказы друга вызывают пристальное внимание поэта. Пушкин настойчиво побуждает Нащокина писать воспоминания: «Что твой мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче. Незаметным образом вырастет том, а там поглядишь: и другой» (Акад., XV, 777).

¹² Журнал «Простор», Алма-Ата, 1969, № 4, с. 82—100.

¹³ Брюсов В. Я. Памяти. — В кн.: Брюсов В. Я. Избранные сочинения, т. 2. М., ГИХЛ, 1955, с. 521.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 384, оп. 3, ед. хр. 16, л. 2.

¹⁵ Журнал «Простор», Алма-Ата, 1969, № 5, с. 104—106.

¹⁶ Там же, с. 104.

Для почина Пушкин сам записал под диктовку друга начало его воспоминаний, озаглавив их так: «Записки П. В. Н. (ащюкина), им диктованные в Москве, 1830» (Акад., XI, 189).¹⁷

Лишь в 1836 г. Нащокин прислал поэту свои воспоминания в ответ на его просьбу: «...» я забыл взять с собою твои Записки; ¹⁸ перешли их, сделай милость, поскорее» (Акад., XVI, 1201).

В «Записках» Нащокина содержатся любопытные подробности старинного быта русского барства. «Отроду не читывал я ничего забавнее» (Акад., IX, 371), — так отозвался о них поэт в «Замечаниях о бунте».

В этой связи несомненный интерес представляют изображения Воина Васильевича и Клеопатры Петровны Нащокиных — родителей Павла Воиновича, колоритные образы которых зарисованы им в «мемориях».

До нашего времени дошел групповой семейный портрет Нащокиных.¹⁹ Но здесь Воин Васильевич отсутствует как живая модель, так как ко времени написания этой миниатюры он скончался и потому художник представил жену и детей Нащокина возле бюста умершего главы семьи.

Портрет отца П. В. Нащокина, о котором пойдет речь ниже, ценен как единственное известное нам прижизненное изображение Воина Васильевича Нащокина. Судьба этого портрета раскрылась только сейчас, хотя впервые нам довелось столкнуться с ним более двадцати лет назад.

В библиотеке Пушкинского Дома АН СССР хранится уникальный экземпляр «Русской родословной книги» А. Б. Лобанова-Ростовского, принадлежавший Б. Л. Модзалевскому. Благодаря многочисленным скрупулезным замечаниям и дополнениям, сделанным в тексте книги рукой ученого, она представляет уже сама по себе бесценное пособие по русской генеалогии. Но ценность экземпляра Б. Л. Модзалевского увеличивается оттого, что в него вложены фотографии портретов некоторых лиц, упоминаемых Лобановым-Ростовским. Во II томе книги, между страницами 28 и 29, где перечисляются Нащокины, наше внимание привлекли старые, сильно пожелтевшие фотографии немолодого мужчины в кафтане екатерининского генерала с орденской лентой и звездой Анны первой степени и женщины средних лет со строгим взглядом умных темных глаз, в нарядном щепце и платье.²⁰

На обороте фотографий рукой Б. Л. Модзалевского написаны имена изображенных — Воина Васильевича и Клеопатры Петровны Нащокиных. Насколько можно судить по старым фотоснимкам, они сделаны с живописных оригиналов. Отчетливо видны золоченые лепные рамы, в которые вставлены полотна. Подпись художника не обнаруживается. Надо полагать, что оба портрета, несомненно парные, исполнены мастером самого конца XVIII в. или первых лет XIX в.

Весной 1972 г. во Всесоюзный музей А. С. Пушкина пришел отдаленный потомок Воина Васильевича Нащокина — праправнук старшего брата Павла Воиновича (Василия Воиновича Нащокина), В. С. Колюбакин, проживающий в настоящее время в г. Сочи.

Рассматривая предъявленные ему фотографии вышеназванных портретов, В. С. Колюбакин подтвердил, что оба портрета хранились в его семье, находившейся до 1920-х годов в Воронежской губернии, а затем переселившейся на Кавказ. По словам владельца, в 1930 г. холст с изображением Воина Васильевича Нащокина был утрачен. С исчезновением оригинала

¹⁷ Кроме этого известного текста начала «Записок» и «Воспоминаний Нащокина с поправками Пушкина», недавно обнаружена рукопись более полного текста воспоминаний Нащокина. В статье, названной выше, Н. Я. Эйдельман публикует и комментирует эту рукопись.

¹⁸ Здесь речь идет о «Воспоминаниях П. В. Нащокина с поправками Пушкина».

¹⁹ Миниатюра неизвестного художника «Семейство Нащокиных». Опубликована в статье: Назарова Г. И. Из иконографии Нащокиных, с. 424.

²⁰ Об этих портретах см. нашу статью «Много лет спустя...» (Вечерний Ленинград, 1972, № 248, 21 октября).

тем большую ценность приобрела фотография. Но когда и кем она сделана, каким образом попала к Б. Л. Модзалевскому, остается неясным. По всей вероятности, это произошло еще в дореволюционные годы. Что же касается живописного оригинала портрета матери П. В. Нащокина, то он и сейчас находится в г. Сочи в собрании В. С. Колюбакина.

Облик Воина Васильевича Нащокина (в фотоснимке с утраченного портрета) отвечает, думается, той психологической характеристике, которая содержится в «Записках» Нащокина. В лице изображенного угадываются черты властного, своенравного, а порой и сумасбродного человека. Примечательной и столь привлекательной для Пушкина чертой этого незаурядного человека была независимость. «Отец мой генерал-поручик В.<оин> В.<асильевич> Н.<ащокин> принадлежит к замечательнейшим лицам скатертинского века, — писал поэт со слов П. В. Нащокина. — Он был малого роста, сильного сложения, горд и вспыльчив до крайности <...> После похода, в котором он отличился, он вместо всякой награды выпросил себе и многим своим офицерам отпуск и уехал в деревню, где и жил несколько месяцев, занимаясь охотой. Между тем начались вновь военные действия. С** «Суворов» успел отличиться, и отец мой, возвратясь в армию, застал уже его в Александровской ленте. Так-то, батюшка В.<оин> В.<асильевич>, сказал ему С** «Суворов», указывая на свою ленту, покаместы вы травили зайцев, и я затравил красного зверя. Шутка показалась обидною моему отцу, который и так уж досадовал; в замену эпитагмы он дал С** «Суворову» пощечину <...> Вероятно, государыня уговорила С** «Суворова» оставить это дело, для избежания напрасного шума. Несколько времени спустя присылает отцу моему Георгия при рескрипте, в коем было сказано, что «за» обиду, учиненную храброму, храбрый лишается награды, коей он достоин, но что отец мой получает орден по личному ходатайству А. В. С** «Суворова». Отец мой не принял ордена, говоря, что никому не хочет он быть обязану, кроме как самому себе <...> По восшествии на престол государя Павла I отец мой вышел в отставку, объяснив царю на то причину: Вы горячи, и я горяч, нам вместе не ужиться...»

В числе приближенных к отцу моему <...> арапка Мария <...> отправляла при нем должность камердинера; она была высокого роста и зла до крайности. Частехонько диралась она с моим отцом, который никогда не сердился на нее» (Акад., XI, 189—191).²¹

Не менее интересен образ К. П. Нащокиной, как мемуарный, так и живописный. Из всех известных изображений матери П. В. Нащокина портрет, оказавшийся в коллекции В. С. Колюбакина, наиболее выразительный. С холста смотрит на нас умное, волевое лицо женщины также незаурядной. В «Записках» Нащокина читаем о ней: «Мать моя была в своем роде столь же замечательна, как и мой отец. Она была из роду Нелидовых. Отец,

²¹ Отмечая то обстоятельство, что эти эпизоды отсутствуют в рукописи «Воспоминаний Павла Воиновича Нащокина, написанных в форме письма к А. С. Пушкину», но были включены поэтом в текст «Записок» П. В. Нащокина, Н. Я. Эйдельман пишет: «Когда Нащокин принялся писать сам, то, возможно, опасался доверить бумаге слишком смелые „повести прошлого“ или не желал вспоминать об отце ничего плохого <...> Нащокин-отец привлекал внимание Пушкина теми же чертами, что и некоторые другие фигуры XVIII века — Потемкин, Орлов, М. Шванвич, о которых Пушкин много думал и писал именно в последнее десятилетие своей жизни. Замечая их крепостническое буйство, разврат и жестокость, Пушкин одновременно видел широту, размах, самобытность этих характеров <...> В словах Нащокина-отца, сказавшего Павлу I: „Вы горячи и я горяч, нам вместе не ужиться“, — слышатся излюбленные пушкинские мотивы: „я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного“» (Воспоминания Павла Воиновича Нащокина, написанные в форме письма к А. С. Пушкину. Публикация Н. Я. Эйдельмана. — Альманах «Прометей», т. X, М., 1974, с. 282—284).

заблудившись на охоте, приехал в дом с^к Нелидову, влюбился в его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновенного ума и способностей. Она знала многие языки, между прочим греческий. Английскому выучилась она 60 лет. Отец мой ее любил, но содержал в строгости. Много вытерпела она от его причуд. Например: она боялась воды. Отец мой в волновую погоду сажал ее в рыбацью лодку и катал ее по Волге. Иногда, чтоб приучить ее к военной жизни, сажал ее на пушку и палил из-под нее. До глубокой старости сохранила она вид и обхождение знатной дамы. Я не выдывал старушки лучшего тону» (Акад., XI, 191).

В собрании музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) хранится фотография еще одного портрета К. П. Нащокиной (с рисунка Н. Чекмарева).²² В отличие от предыдущего на этом портрете мать П. В. Нащокина, по-видимому, представлена в более позднем возрасте. Строгий и простой облик изображенной не расходится со словами ее сына, приведенными выше: «Я не выдывал старушки лучшего тону».

Попутно упомянем о неизвестном портрете деда П. В. Нащокина — Василия Александровича Нащокина,²³ о котором в «Воспоминаниях» его внука сказано: «Родной дед мой был человек также весьма замечательный <...> Общий молва о нем говорит, что он был человек умный, честный, тверд и быстр в исполнениях» (Акад., XII, 291).

Публикуемые портреты Нащокиных, думается, могут служить реальным образительным комментарием к образам, запечатленным в «Записках» Нащокина и вызвавшим столь живой интерес Пушкина — историка, мемуариста и бытописателя.

Г. И. Назарова

ЖУКОВСКИЙ И СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ...»

О взаимном творческом влиянии Жуковского и Пушкина писали многие дореволюционные и советские авторы. Однако в обширной литературе, посвященной обоим поэтам, в основном освещались вопросы воздействия Жуковского как основоположника русского романтизма на молодого Пушкина. В связи же с изучением пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг...» творчество Жуковского почти не привлекалось исследователями.

Жуковскому было высказано немало упреков в «обеднении» и «приглаживании» пушкинского стихотворения при его первой публикации в 1841 г. Упреки эти в основном справедливы, но, к сожалению, при этом замалчивалась другая роль поэта — вдохновителя и учителя Пушкина в период работы его над этим стихотворением. Влияние это было довольно существенным, однако в рамках настоящей статьи мы остановимся лишь на «этнографической» стороне вопроса.

В третьей строфе стихотворения «Я памятник себе воздвиг...» Пушкин приводит обширный перечень народов, живших в его время в России. Он как бы очерчивает ареал распространения своей посмертной славы. Подобные этнографические (и географические) обозрения были довольно широко распространены в русской литературе XVIII в. Однако у всех

---

²² Местонахождение оригинала неизвестно.

²³ Местонахождение оригинала неизвестно. Фотография с него поступила в музей ИРЛИ в 1929 г. от Л. Б. Модзалевского и, вероятно, принадлежала его отцу, Б. Л. Модзалевскому.

без исключения предшественников Пушкина эти перечисления носили отвлеченный, символический характер.

Многонациональность Российской империи особенно привлекала внимание Жуковского. Перечни народов являются его излюбленным художественным приемом: по сравнению с другими поэтами у Жуковского их во много раз больше. Еще в 1799 г. он написал стихотворение «Могущество, слава и благоденствие России». Россия изображена здесь сидящей на троне «светлом, лучезарном», вокруг которого,

В бесчисленный собравшись сонм,
Стоят полночные народы,
С почтеньем долу преклонясь:
Славянин в шлеме златовидном,
Татар с свинцовой булавой,
Черкес в булатных тяжких латах,
Бобром одетый камчадал,
С сетями финн, живущий в норде,
С секирой острой алеут,
Киргизец с луком напряженным,
С стальною саблею сармат.¹

С такою же подробностью перечислены племена и народности и в ряде других произведений Жуковского. Так, например, в «Послании» к А. Ф. Воейкову, поэту, по словам Жуковского, обездившему «некоторые южные провинции России» («Послание» это опубликовано в № 6 «Вестника Европы» за 1814 г.), он изобразил якобы посещенные Воейковым области, пограничные с Кавказом, где

... среди уединенья
Долин, таящихся в горах, —
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камукинец,
И карбулак, и абазинец,
И чечерец, и шапсук...²

---

¹ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений в 12 томах, т. 1. СПб., 1902, с. 5.

² Жуковский В. А. Стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1956 (Библиотека поэта. Изд. 2-е), с. 142. К последнему цитированному стиху Жуковский в первопечатном тексте «Вестника Европы» сделал примечание: «Народы, обитающие в кавказских горах, по большей части магометане». Жуковский сам не видел Кавказа, замечает в издании 1956 г. Н. В. Измайлов; — отсюда и отмеченные у него позднейшей критикой ошибки в описании, названиях несуществующих кавказских племен, но его описание, стремящееся к конкретности и живости, стало основой изображения Кавказа как экзотического русского Востока в романтической поэзии. Пушкин в примечании к „Кавказскому пленнику“ приводит оба описания — Державина и Жуковского — как своих предшественников» (там же, с. 784). Подобные «каталоги» народов Жуковский встречал и в произведениях зарубежных литератур. Так, в переводе отрывка из поэмы Р. Саути «Родрик» («Roderick, the Last of the Goths», 1814), сделанном Жуковским в 1822 г., находим следующие стихи:

... мусульмане
На берега Иберии помчались.
Могучий мавр, сириец, сарацын,
Татарин, перс, и копт, и грек отступник —
Исполнены свирепым иступленьем
В ужасное совокупились братство...

Двадцать лет спустя, описывая торжество открытия Александровской колонны в Петербурге 30 августа 1834 г., Жуковский снова обратился к сходному перечислению. Рассказывая в своей статье об этом торжестве, он писал, что в тот день между двумя монументами — Петру I на Сенатской площади и новой колонной, воздвигнутой на Александровской площади, — «одним мановением царским сдвинута была стотысячная армия, и в этой стотысячной армии под одними орлами и русским и поляк, и ливонец и финн, и татарин и калмык, и черкес и боец закавказский...» Не вся ли это Россия? — восклицал далее Жуковский. — Россия, созданная веками, бедствиями, победою?»³

Известно, что Пушкина в момент официального открытия монумента не было в Петербурге. «Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать на церемонии», — писал Пушкин в своем дневнике 28 ноября 1834 г. (XII, 332). Таким образом, по возвращении Пушкин, естественно, должен был читать газетные отчеты об этом событии. Одним из таких отчетов, и притом лучшим, и была названная выше статья Жуковского, напечатанная одновременно в двух изданиях: в «Северной пчеле» (от 8 сентября) и в «Русском инвалиде» (от 9 сентября). Кроме Жуковского, и другие журналисты и поэты (Н. Греч, Ф. Булгарин, Б. Федоров, М. Поднебесный, И. Тукаловский) также опубликовали статьи, очерки и стихотворения об открытии колонны, пронизанные духом верноподданничества. Однако никто из авторов, исключая Жуковского, не писал в стихах или очерках о народах, населяющих Россию; здесь давалось лишь общее описание торжественного церемониального марша войск: у монумента теснились «пестрые, красивые, разнообразные толпы верного народа, стремящегося разгадать чувства, наполнившие в сей миг душу любимого их государя...»⁴

Весьма примечательно и следующее обстоятельство. Именно в этот период (август—сентябрь 1834 г.) газета «Санкт-Петербургские ведомости» из номера в номер печатала этнографический материал о малых народах тогдашней Енисейской губернии: тунгусах (эвенках), якутах, бурятах, монголах и др. В очерке писалось, в частности: «Племена, известные ныне под именем бродячих, повержены в глубочайшее невежество. Нет у них признаков богослужения; нет письменных преданий и очень мало изуст-

---

(Жуковский В. А. Сочинения в стихах и прозе. Изд. 10-е. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1901, с. 219). Они близко соответствуют оригиналу:

... The Musselmen upon Iberia's shore
Descend. A countless multitude they came;
Syrian, Moor, Saracen, Greek renegade,
Persian and Copt and Tartar, in one bond
Of erring faith conjoin'd...

Как известно, Пушкин интересовался этим переводом Жуковского и сам перевел начало «Родрика» Саути, но с значительными сокращениями; в переводе Пушкина цитированные стихи Саути, однако, опущены. Ср.: Яковлев Н. В. Пушкин и Саути. — В кн.: Пушкин в мировой литературе. Л., 1926, с. 145—159.

³ Жуковский В. А. Воспоминания о торжестве 30 августа 1834. — В кн.: Полное собрание сочинений, т. 10. СПб., 1902, с. 31.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости, 1834, № 202—203, 1 сентября, с. 788. См. также: Русский инвалид, 1834, № 221, 3 сентября, с. 883. Описание открытия колонны см. также в статье: Божерянов И. Александровская колонна. — Русская старина, 1884, т. XLIII, август, с. 369—376. В последней, в частности, приводятся сведения из брошюры Ив. Бутовского «Об открытии памятника императору Александру I» (СПб., 1834), которую автор называет «посланием русского грядущему столетию».

ных...»;⁵ «бродячие народы Туруханского края ограничиваются [лишь] необходимыми потребностями» в пище, одежде и т. п.⁶

Именно в этих номерах газеты печатались официальные материалы об открытии в столице Александровской колонны: церемониал, отчеты, наградные указы и т. п. Все это вместе взятое дало основание Пушкину позже поместить в свой «Памятник» «ныне дикого» тунгуса. Написав слово «ныне», Пушкин подчеркнул тем самым временный характер отсталости эвенков и свою веру в их последующее развитие: они «дикие» лишь ныне, т. е. сегодня, пока, но есть все основания надеяться, что со временем, в будущем, они догонят более развитые народы.⁷

В «Памятнике» Пушкина встречаются «гордый внук славян» (русский), финн, тунгус, калмык. В черновике, кроме того, были киргизец, грузинец и черкес. Четыре национальности — русский, финн, калмык и черкес (из черновика) — совпадают с перечнем из статьи Жуковского; кроме того, грузинец — это тот же «боец закавказский». Такое совпадение названий народов далеко не случайно. Пушкин как бы хотел сказать этим: потомки тех, кто сегодня прошел мимо монумента царю, завтра придут к памятнику поэта. Обращает на себя внимание и общность в описании народностей, их общего государственной охват: у Жуковского — «вся Россия», у Пушкина — «вся Русь великая», все сущие в ней «языки» (народы).

Таким образом, при внимательном рассмотрении источников пушкинского «Памятника» устанавливается тесная поэтическая связь его с творчеством Жуковского.⁸

А. Н. Шустов

⁵ Санкт-Петербургские ведомости, 1834, № 197.

⁶ Там же, № 205.

⁷ Следует иметь в виду, что многие народы окраин русского государства в предшествующее десятилетие нередко и с полным сочувствием упоминались на страницах «Московского телеграфа». См.: Мухоморова С. Л. «Московский телеграф» Н. А. Полевого (1825—1834) о народах России. — Ученые записки Ошского гос. пед. института, вып. 1, Андижан, 1957, с. 41—62.

⁸ Наряду с Жуковским подобные перечни живущих в России народов встречаются также и у И. И. Лажечникова, например в романе «Ледяной дом», по поводу которого Пушкин писал автору (в письме от 3 ноября 1835 г.), что «многие страницы <...> романа будут жить, доколе не забудется русский язык» (Х, 556). В «Ледяном доме» Лажечников, как известно, рассказывает, что по мановению «волшебного жезла могучей прихоти» императрицы Анны Иоанновны на шутовскую свадьбу (6 февраля 1740 г.) «все народы, обитающие в России, прислали <...> по чете своих представителей» (около 150 пар!): «Белорусец, жид, казах, мордвы, чухонцы, татары, камчадалы, калмык <...> столпились во дворе А. П. Волынского — распорядителя торжества» (И. И. Лажечников. Сочинения, т. 2. М., 1963, с. 8, 14—15). В посвященном этому же событию поэтическом «Приветствии» В. К. Тредиаковского упомянуты лишь несколько наиболее отсталых по тем временам народов: мордовцы, чуваша, самоеды (сама шутиха-невеста, как известно, была калмычкой). Лажечников же называет в основном «экзотические» народности окраин тогдашней Российской империи; приведенное им описание «смотря народов» — это горький упрек царизму, его политике жестокого национального угнетения малых народов. Интересное, но совершенно не обоснованное мнение о народностях в интересующем нас стихотворении Пушкина высказал Г. П. Макогоненко, связав строки из «Памятника» со стихотворением И. И. Дмитриева 1794 г. «Глас патриота на взятие Варшавы» (см.: Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1967, с. 48). Однако, как это уже справедливо отмечалось исследователями, ода Дмитриева по своему построению не выходит за рамки традиции XVIII в. и непосредственной связи со стихотворением Пушкина не имеет.

К ИСТОРИИ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ, ПРИПИСАННОГО ПУШКИНУ

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

До настоящего времени во всех авторитетных советских изданиях сочинений А. С. Пушкина это четверостишие включалось в раздел «Dubia» и датировалось июнем (не ранее 11) 1819 г.¹ В ныне издаваемом десяти томном собрании сочинений оно датировано 1819 г. и напечатано в разделе «Ранние стихотворения, незавершенное, отрывки, наброски».² С сожалением приходится констатировать, что это отступление от сложившейся традиции ничем не оправдано и что вполне вероятным его следствием может явиться лишь неверное представление о четверостишии у так называемого массового читателя, на которого рассчитано издание.

Название «Ранние стихотворения, незавершенное, отрывки, наброски» не соответствует содержанию раздела. Предисловие «От редакции» предупреждает о том, что наряду с произведениями, обозначенными в заголовке, сюда также включены коллективные стихотворения и «произведения, принадлежность которых Пушкину не может считаться окончательно установленной (эти случаи оговорены в примечаниях)».³ Подобную композицию тома нельзя признать удачной не только из принципиальных, научных соображений, но и с точки зрения психологии массового читателя. Далеко не каждый человек, относящийся к этой категории, внимательно ознакомится с предисловием, хорошо запомнит, что в нем говорится о стихотворениях, приписываемых Пушкину, и будет в процессе чтения обращаться к примечаниям, чтобы проверить, не является ли сомнительным авторство того или иного стихотворения данного раздела. Поскольку содержание четверостишия «Мы добрых граждан позабавим...» не содержит ничего непонятного, уменьшается вероятность обращения к примечаниям и возникает вполне реальная опасность, что в сознании многих читателей эпиграмма запечатлется как безусловно пушкинская. Совершенно оче-

¹ См.: Акад., II, 1, с. 488; Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. I. Изд. 2-е. М., Изд. АН СССР, 1956, с. 442; Вольная русская поэзия второй половины XVIII—первой половины XIX века. Вступит. статьи С. Б. Окуня и С. А. Рейсера. Составление, подготовка текста, вступит. заметки и примеч. С. А. Рейсера. Л., «Сов. писатель», 1970 (Библиотека поэта. Большая серия), с. 336. Как безусловно не принадлежащее Пушкину четверостишие напечатано в кн.: Русская эпиграмма (XVIII—XIX вв.). Предисловие, подготовка текста и примеч. В. Мануйлова. Л., «Сов. писатель», 1958 (Библиотека поэта. Малая серия), с. 202.

² Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах, т. I. М., «Художеств. литература», 1974, с. 535.

³ Там же, с. 5. Отметим попутно, что в сборнике «Очерки из истории движения декабристов» (М., 1954, с. 481), вышедшем под авторитетной редакцией Н. М. Дружинина и Б. Е. Сыроечковского, по поводу указанного четверостишия говорится, что уже окончательно установлено отсутствие оснований для приписывания его Пушкину. Это категорическое решение, к большому сожалению, основательно забыто. Трудно перечислить все те издания, в которых четверостишие безоговорочно приписывается Пушкину, притом с совершенно произвольной датировкой. Сошлемся, например, на книгу Б. Трубецкого «Пушкин в Молдавии» (изд. 3-е, исправл. и дополн. Кишинев, 1963, с. 97), в которой четверостишие названо «изумительным по своему революционному темпераменту» (sic!); автор этой книги утверждает: «Точная датировка этого четверостишия не установлена, но можно предположительно отнести его к кишиневскому периоду».

видно, что если в массовое издание сочинений писателя включаются произведения, авторство которых окончательно не установлено, то необходим и раздел «Dubia».

Напечатав эпиграмму среди ранних и незавершенных стихотворений, набросков и отрывков, редакция, казалось бы (если учесть объяснение, данное в предисловии), согласилась с установившейся точкой зрения, согласно которой принадлежность этого четверостишия Пушкину считается недоказанной. Однако иное впечатление оставляет комментарий, в котором говорится: «Четверостишие основано на ходячем двустишии эпохи французской революции:

Et des boyaux du dernier prêtre
Serrons le cou du dernier roi⁴

(«И кишками последнего попа || Сдавим шею последнего короля»), восходящем к знаменитой фразе из „Завещания“ аббата-атеиста Мелье (начало XVIII в.) («Он высказал пожелание, чтобы все сильные мира и знатные господа были перевешаны и удушены петлями из кишков священников».⁵ Глава 2). Выражение „Мы добрых граждан позабавим“ полемически направлено против историка литературы Лагарпа, который в своем общепризнанном „Курсе античной и новой литературы“ (по которому Пушкин учился в Лицее) с негодованием приводит это двустишие, возмущаясь тем, что есть люди, находящие эти слова забавными. Этому четверостишию, приписываемому Пушкину, и словам из „Завещания“ Жана Мелье соответствуют слова, произнесенные поэтом в 1822 г. в Кишиневе. Он утверждал, что дворян „надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли“ (Запись в дневнике П. И. Долгорукова от 20 июля 1822 г. <...>).⁶ Это поддерживает гипотезу о том, что эпиграмма принадлежит Пушкину».⁷

Гипотезу, о которой идет речь в процитированном примечании, выдвинул в 1937 г. М. А. Цявловский, собравший все известные к тому времени и практически ничем в последующие годы не дополненные свидетельства за и против принадлежности Пушкину четверостишия «Мы добрых граждан позабавим...».⁸ В своих выводах М. А. Цявловский был осторожнее автора комментариев к новому собранию сочинений Пушкина, и в системе его доказательств запись П. И. Долгорукова не играла столь решающей роли, какая ей придана в примечании к эпиграмме.

В 20-е годы XIX в. четверостишие получило широкое распространение под именем Пушкина. Как его сочинение оно записано уже в тетради

⁴ La Harpe J.-F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Dernière partie: Philosophie du XVIIIe siècle. T. 16. Paris, l'an XIII [1805], p. 173 (ch. III, sec. VI).

⁵ Мелье Ж. Завещание, т. I. Перевод с франц. Ф. Д. Капелюша и Г. П. Полякова. Под ред. Ф. А. Коган-Бернштейн. Перевод приложения и комментарий Ф. Б. Шуваловой. Вступит. статья В. П. Волгина. М., Изд. АН СССР, 1954, с. 71.

⁶ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I. Вступит. статья В. Э. Вацура. Составление и примечания В. Э. Вацура, М. И. Гилельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М., «Художеств. литература», 1974, с. 361. В тексте примечания опущена ссылка на более раннее издание дневника П. И. Долгорукова.

⁷ Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах, т. I, с. 713—714.

⁸ См.: Цявловский М. А. О принадлежности Пушкину эпиграммы «Мы добрых граждан позабавим...». — Красная новь, 1937, № 1, с. 179—183; то же в кн.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., Изд. АН СССР, 1962, с. 58—65. Подробные сведения о списках четверостишия приведены М. А. Цявловским в комментариях в большом академическом издании сочинений поэта (II, 2, 1199—1200). Дальнейшее изложение гипотезы опирается на эти работы М. А. Цявловского.

1817—1820 гг., принадлежавшей «какой-то дворянской семье, настроенной весьма консервативно».⁹ 18 июля 1827 г. рядовой Д. Брандт, разжалованный из штабс-капитанов, показал, что юнкер В. Я. Зубов декламировал ему следующий «отрывок» Пушкина:

И у фонарного столба
Попа последнего кишкой
Царя последнего удавим.¹⁰

Эти свидетельства исходили от людей, не связанных с поэтом, и поэтому не могут считаться авторитетными. Они лишь отражали существовавшее в те годы убеждение в том, что эпиграмма вышла из-под пера Пушкина.

Большой интерес представляют два других ранних списка четверостишия. Первый из них находится в тетради, принадлежавшей А. В. Шереметеву, который был лично знаком с Пушкиным, связан с декабристами и мог получать тексты стихотворений если не от самого поэта, то от близких ему лиц. Тетрадь заполнялась в двадцатые годы, качество текстов в ней очень высокое, и четверостишие приписано Пушкину. Кроме этого спорного четверостишия, в ней нет ни одного другого стихотворения из числа тех, которые ходили под именем Пушкина, но в действительности ему не принадлежали. Второй список находился в ныне утраченной тетради, принадлежавшей приятелю Пушкина — П. П. Каверину. Здесь имя поэта при эпиграмме не значилось, но в оглавлении она была помещена среди произведений, безусловно ему принадлежащих. Таким образом, лица, знакомые с Пушкиным, считали его автором четверостишия «Мы добрых граждан позабавим...»; однако они не оставили никаких указаний на источник текста, а потому достоверность этих свидетельств не может не вызывать большого сомнения.

Нет таких указаний и ни в одном из поздних списков (Н. С. Тихомирова, В. Е. Якушкина, П. А. Ефремова); не дал их и Н. П. Огарев, опубликовавший четверостишие как стихотворение Пушкина.¹¹

Фактические свидетельства в пользу авторства Пушкина крайне ненадежны. Какое же место в разбираемой гипотезе может занять запись П. И. Долгорукова?

Статья М. А. Цявловского была полемически заострена против тех пушкинистов, которые, не приводя никаких доказательств, категорически утверждали, что эпиграмму написал не Пушкин (Н. В. Гербель, В. Я. Брюсов, Н. О. Лернер¹²). Полемизируя с Н. О. Лернером, Цявловский писал: «Мнение, что Пушкин не может быть автором эпиграммы, основывалось на неверном представлении о поэте как трибуне радикальных идей своего времени».¹³ Именно в подтверждение этой мысли в статье далее приводились запись из дневника П. И. Долгорукова и дерзкий тост поэта в честь

⁹ См.: Сакулин П. Н. «Недостойно Пушкина». — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX. Л., 1930, с. 48. В этом списке первая строка читается «Друзья! Народ мы позабавим...» (с. 54).

¹⁰ См.: Ганцова-Берникова В. Отголоски декабрьского восстания 1825 года. — Красный архив, 1926, т. 3 (16), с. 193.

¹¹ См.: Русская потаенная литература XIX столетия. Отд. I. Стихотворения, ч. 1. С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861, с. 79. В этой публикации первая строка читается «Народ мы русский позабавим...».

¹² См.: Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861, с. XII; Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. I, ч. 1. Редакция, вступит. статья и комментарии В. Брюсова, М., 1919 (на обл.: 1920), с. 135; Лернер Н. О. Мелочи прошлого. Из прошлого русской революционной поэзии. I. «Подражание французскому». — Каторга и ссылка, 1925, № 8 (21), с. 240—241.

¹³ Красная новь, 1937, № 1, с. 183.

убийства Павла I, о котором рассказал в своих воспоминаниях И. П. Липранди.¹⁴ «Все это, — заключал Цявловский, — не позволяет нам в категорической форме отрицать принадлежность Пушкину революционной эпиграммы. Как можно утверждать, что поэт, по словам Вяземского, „живший и раскалявшийся в жгучей и вулканической атмосфере“ декабристских кругов, не мог сымпровизировать вольный перевод французских стихов, с такой страшной экспрессией выражающих дух великой буржуазной революции».¹⁵

Итак, запись Долгорукова не столько «поддерживает» гипотезу, как утверждается в комментарии, сколько позволяет ее не отвергнуть. Не лишне заметить, что слова, которые передает П. И. Долгоруков, были сказаны Пушкиным несколько лет спустя после гипотетической даты создания эпиграммы.¹⁶ К тому же соответствие между ними и эпиграммой, которое особо подчеркивается автором комментария, слишком далекое, чтобы ссылаться на него в подтверждение гипотезы.

Пушкин мог написать четверостишие «Мы добрых граждан позабавим...», но нет весомых доказательств, что именно он его написал. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что современники ассоциировали эту эпиграмму и с другими именами. Например, в памяти Е. И. Бестужевой она сохранилась как сочинение Е. А. Баратынского.¹⁷

М. А. Цявловский сделал вывод, что «эпиграмму „Мы добрых граждан позабавим...“ необходимо вводить в отдел „Dubia“ собрания сочинений поэта».¹⁸ Редакция нового собрания сочинений упразднила этот раздел, а примечание к эпиграмме составила в такой форме, что все сомнительные моменты оказались затушеванными и на первый план выдвинулись второстепенные «доказательства». В результате массовый читатель не получит представления об истинном положении вещей, т. е. фактически эпиграмма фигурирует в собрании сочинений как подлинное пушкинское стихотворение.

Нужно сказать, что комментарий к четверостишию «Мы добрых граждан позабавим...» уже давно оброс многими ошибками, недоразумениями и неточностями, которые в свою очередь породили еще более неприятные ошибки в статьях и монографиях, посвященных отдельным моментам истории литературы и общественной мысли XVIII в.

Все сведения, на которых до настоящего времени основываются комментарии, собрал и сообщил в 1925 г. Н. О. Лернер.¹⁹ В качестве непосредственного источника эпиграммы он указал приведенное выше двустишие из книги Лагарпа, автором которого Лагарп называл Дидро. В сочинениях Дидро таких строк нет, но похожая мысль высказана в его дифирамбе «Бредящие свободой, или Отречение бобового короля» («*Eleuthéromanes, ou Abdication d'un roi de la fève*»), написанном в 1772 г., а опубликованном лишь в 1796 г.:

Et ses mains ourdiraient les entrailles du prêtre
Au défaut d'un cordon pour étrangler les rois.²⁰

(«И за немением веревки его руки разодрали бы кишки попу, чтобы удавить ими королей»). В конечном итоге, как указал Лернер, эта фор-

¹⁴ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 300.

¹⁵ Красная новь, 1937, № 1, с. 183.

¹⁶ Подуточно отметим, что в примечании ни слова не говорится о мотивах датировки четверостишия точно 1819 г.

¹⁷ См.: Воспоминания Бестужевых. Редакция, статья и комментарии М. К. Азадовского. М.—Л., Изд. АН СССР, 1951, с. 414. В варианте Бестужевой отличаются третья и четвертая строки: «Царя мы русского задавим || Кишкою русского попа».

¹⁸ Красная новь, 1937, № 1, с. 183.

¹⁹ Лернер Н. О. Мелочи прошлого..., с. 240.

²⁰ Diderot D. Oeuvres complètes, t. 9. Paris, 1875, p. 16.

мула расправы с королями и попами восходит к «Завещанию» Жана Мелье. Слова Мелье были в статье Лернера приведены неточно, очевидно по пересказу, содержащемуся в одной из использованных им иностранных книг: «Я хотел бы, и это будет последнее и самое пламенное мое желание, чтобы последний царь был удушен кишкою последнего попа».²¹

Сведения, приведенные Н. О. Лернером, повторил П. Н. Сакулин²² На основании их же составил свой краткий, но точный комментарий Б. В. Томашевский, указавший, что эпиграмма является «вольным переводом французских стихов, приписывавшихся Дидро».²³ Этим комментарием несколько позже воспользовался В. А. Мануйлов.²⁴

Однако уже в 1951 г. в комментарии к воспоминаниям Е. И. Бестужевой четверостишие было названо «переводом из Дидро».²⁵ Несколько позже, в сборнике «Очерки из истории движения декабристов», приведенные Н. О. Лернером слова Жана Мелье были «уточнены» без обращения к подлинному тексту: «последний царь» был заменен на «последнего короля», а также сделано указание на то, что это изречение содержится в конце «Завещания», хотя на самом деле оно находится во второй главе. Кроме того, без всяких на то оснований автором двустихия, приведенного в книге Лагарпа, был назван Маршал.²⁶ Эти ошибки повторили С. А. Рейсер²⁷ и М. И. Гиллельсон.²⁸ Легенда о принадлежности Маршалу данного двустихия начала проникать и в специальные исследования, посвященные этому писателю.²⁹

Еще одна литературоведческая легенда, возможно, рождается сейчас. М. А. Цявловский высказал, но ничем не подтвердил предположение о том, что строка «Мы добрых граждан позабавим» является полемическим откликом на возмущение Лагарпа тем, что находились люди, считавшие двустихие забавным.³⁰ В новом собрании сочинений Пушкина в примечании к эпиграмме об этом уже говорится в категорическом тоне.

По-видимому, назрела необходимость по возможности дополнить собранные Н. О. Лернером сведения, чтобы предупредить повторение старых и возникновение новых ошибок и неточностей.

²¹ Кроме нескольких иностранных книг, Н. О. Лернер пользовался статьей В. П. Волгина «Мелье и его „Завещание“» (Голос минувшего, 1918, №№ 1—3, с. 5—46), но в ней этих слов нет.

²² Сакулин П. Н. «Недостойно Пушкина», с. 55.

²³ См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. I. Изд. 2-е. М., Изд. АН СССР, 1956, с. 518.

²⁴ См.: Русская эпиграмма (XVIII—XIX вв.), с. 314.

²⁵ Воспоминания Бестужевых, с. 791.

²⁶ См.: Очерки из истории движения декабристов. Сб. статей под ред. Н. М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского. М., Госполитиздат, 1954, с. 481. Н. О. Лернер, приводя двустихие в своей статье «Мелочи прошлого» (с. 240), указал, что существует предположение об авторстве Маршала. Эта гипотеза не получила подтверждения, но тем не менее в «Очерках» была без проверки принята за доказанный факт. В работах о Маршале не содержится сведений об этом двустихии. См.: Маршал П.-С. Избранные атеистические произведения. Ред. и статья Х. Н. Момджяна. М., Изд. АН СССР, 1958, с. 5—44; Великовский С. Поэты французских революций. 1789—1848. М., Изд. АН СССР, 1963, с. 99—110; Обломовский Д. Литература французской революции 1789—1794 гг. М., «Наука», 1964, с. 294—327; Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М., «Наука», 1968, с. 137—193.

²⁷ См.: Вольная русская поэзия второй половины XVIII—первой половины XIX века, с. 805.

²⁸ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 507.

²⁹ См.: Лихоткин Г. А. Сильвен Маршал и «Завещание Екатерины II» (к истории одной литературной мистификации). Л., Изд. ЛГУ, 1974, с. 50.

³⁰ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине, с. 64.

Кто же был истинным автором слов, процитированных Лагарпом, и почему они приписаны Дидро?

Среди разрозненных заметок, сделанных французским писателем второй половины XVIII в. Шамфором на клочках бумаги и изданных посмертно в 1795 г., есть следующая запись: «Некто осмелился сказать: „Хочу дожить до того дня, когда последнего короля удавят кишками последнего попа“». ³¹ Шамфор записал это изречение не позднее начала 1794 г. (он умер 13 апреля этого года), и, следовательно, еще раньше эта формула стала, очевидно, популярным крылатым выражением, прошедшим ту стадию фольклоризации, на которой утратилось имя автора.

30 фруктидора четвертого года республиканского календаря (16 сентября 1796 г.) в журнале «*Décade philosophique, littéraire et politique*» был напечатан в неполном виде дифирамб Дидро. Полностью он был опубликован 20 брюмера пятого года (10 ноября 1796 г.) в «*Journal d'économie publique*». В редакторском примечании указывалось, что строки о священнике и короле, появившиеся в первой публикации, вызвали негодование многих людей. ³² Одна из целей второй публикации состояла в том, чтобы смягчить это впечатление, напечатав «Аргумент», в котором Дидро объяснял обстоятельства создания стихотворения и его жанровые особенности. «Аргумент», по мысли редакции, должен был убедить негодующих в том, что стихотворение не имеет никакого отношения к событиям дня, что оно выросло из бытовой шутки и что это «страшное» двустишие следует воспринимать не буквально, а лишь как поэтический образ, порожденный условностями жанра. Однако с именем Дидро стала прочно ассоциироваться фраза «нужно удушить последнего короля кишками последнего попа». Ее на все лады повторяла роялистская пресса в своих нападениях на республику. ³³ Один из ее вариантов и привел Лагарп.

В свете этих данных нуждается в дополнительной проверке указание Н. О. Лернера на то, что источником русской эпиграммы послужило двустишие, напечатанное Лагарпом. Само изречение могло стать известно в России через разные каналы: через французских эмигрантов, через роялистскую прессу и, наконец, через книгу Шамфора. В России хорошо знали сборник произведений Шамфора. Извлечения из него неоднократно печатались в переводах в русских журналах начала XIX в. Шамфора цитировал в письмах и записных книжках П. А. Вяземский; афоризмы французского остролова постоянно сохранялись в памяти Пушкина и нашли отражение в его сочинениях и черновых записях. ³⁴ Те из русских, кто читал максимы Шамфора в подлиннике, не могли, по всей вероятности, не обратить внимание на «крамольное» изречение. Правда, никаких свидетельств на этот счет не обнаружено.

Книгу Лагарпа следует, очевидно, рассматривать лишь как один из возможных источников четверостишия «Мы добрых граждан позабавим...».

³¹ Chamfort S.-R.-N. Oeuvres recueillies et publiées par un de ses amis, t. 4. Paris, l'an III [1795], p. 352. Русский перевод в кн.: Шамфор. Максимы и мысли. Характеры и анекдоты. Издание подготовили П. Р. Заборов, Ю. Б. Корнеев, Э. Л. Линецкая. М.—Л., «Наука», 1965, с. 165. Автор приносит благодарность П. Р. Заборову, который любезно указал ему эту запись Шамфора.

³² Diderot D. Oeuvres complètes, t. 9, p. 9.

³³ См. краткую сводку в кн.: Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle, t. 2. Paris, s. a., p. 1173.

³⁴ Свод сведений о популярности Шамфора в России см.: Корнеев Ю. Б. и Линецкая Э. Л. Шамфор и его литературное наследие. — В кн.: Шамфор. Максимы и мысли. Характеры и анекдоты, с. 258—259; Лернер Н. О. Пушкинологические этюды. VII. Пушкин и Шамфор. — «Звенья», кн. V. М.—Л., «Academia», 1935, с. 119—121; Козмин Н. К. Пушкин-прозаик и французские остролювы XVIII в. (Шамфор, Ривароль, Рюльер). — Известия по русскому языку и словесности АН СССР, 1928. т. I, кн. 2, с. 548—551.

Отсюда весьма неопределенным становится и предположение о полемическом характере первой строки. Наконец, если возможен и другой источник эпиграммы, то менее вероятной становится гипотеза о ее принадлежности Пушкину, которая, без сомнения, имела сильное подтверждение в том факте, что по книге Лагарпа поэт учился в Лицее. Из всего этого следует, что изучение истории распространения формулы «задушить одного кишками другого» может оказаться весьма полезным.

Творцом этой формулы считается Жан Мелье, но она существовала гораздо раньше, чем стало известно «Завещание». Изречение из «Завещания» обычно цитируется от имени самого Мелье, в то время как он приводит его как «пожелание одного человека», который «не отличался образованием и ученостью, но, по-видимому, не лишен был здравого смысла», трезво судил о всех «возмутительных злоупотреблениях и обрядах», проник в тайну несправедливости, царящей на земле, и «хорошо понял, кто ее зачинщики и вдохновители».³⁵ По всей вероятности, нет никаких оснований считать, что Мелье использовал обычный прием создания фиктивного персонажа, чтобы при надобности возложить на него ответственность за «крамолу». «Завещание» в буквальном смысле слова начинено от начала до конца «крамольными», «богохульными», «взрывными» мыслями, которые все высказываются от имени автора. Призыв к неповиновению священникам и королям и к физическому их уничтожению звучит в книге неоднократно, в том числе в той же второй главе. Если бы Мелье опубликовал при жизни свое сочинение, то и без этого изречения он обрек бы себя на жесточайшие гонения. Но книга была завещанием в прямом смысле этого слова. Ее написал человек, который, «готовясь к уходу из жизни», «почувствовал себя в силах сделать то, на что он не мог решиться раньше: открыто сказать давно и глубоко им продуманную правду о человеческих отношениях, о религии, о государстве, об общественном строе».³⁶ У Мелье не было причин лукавить, и его словам об «одном человеке», по-видимому, можно доверять, тем более что все «Завещание» отличается искренним тоном. По всей видимости, Мелье прочел это изречение в одном из публицистических памфлетов конца XVII—начала XVIII в.

Действительно, в литературе XVII—XVIII вв. встречается формула, очень похожая на слова, приводимые в «Завещании». На русском языке она представлена в «Письмовнике» Н. Г. Курганова в следующей «краткой замысловатой повести»: «Италианец, будучи вопрошен французом, у кого бы он лучше хотел быть в подданстве — у короля ли французского или у испанского? Я бы желал видеть одного повешена на кишках другого».³⁷

Сходство формулировок, при всем их различии, настолько велико, что на его основе сложилась легенда о Курганове — тиранборце и атеисте, который по всем законам екатерининского времени должен был сгнить в Шлиссельбургской крепости, но неведомыми силами был от этой участи спасен и на протяжении тридцати лет шесть раз безнаказанно публиковал призывы переудушить королей.

Толчком к возникновению этой легенды послужила очередная неточная публикация слов из «Завещания» в сборнике «Очерки из истории движения декабристов». С этими словами Г. П. Макогоненко сопоставил приведенную выше повесть Н. Г. Курганова и пришел к следующему выводу: «Пока не удалось установить источника 291-й повести Курганова. Не исключена возможность, что он был знаком с самим „Завещанием“ Мелье, которое опубликовал Вольтер. Стоит подчеркнуть, что в кургановской повести формула Мелье несколько изменена — из нее выброшен выпад против церкви. Можно предположить, что именно сам Курганов изменил эту формулу, так как избегал какого-либо столкновения с церковью. После переработки

³⁵ Мелье Ж. Завещание, т. I, с. 70—71.

³⁶ Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., Изд. АН СССР, 1958, с. 279.

³⁷ Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие. СПб., 1769, с. 170.

формула не потеряла своей радикальности, а, пожалуй, выиграла, поскольку вся ненависть перенесена на королей. Опубликование и пропаганда Кургановым революционного призыва французского утопического коммуниста расправиться с королями несомненно делает честь русскому просветителю.³⁸

Много вопросов вызывает этот отрывок, начинающийся осторожным предположением и заканчивающийся почти категорическим утверждением того, что несколькими строками выше высказывалось лишь в виде гипотезы. Почему Курганов в этой повести побоялся столкновения с церковью, если во многих других он не стеснялся высмеивать священников? Почему он переработал оригинал так, что в его повести стали ощущаться отголоски давно закончившихся распрей вокруг испанского наследства? Почему царское правительство не усмотрело в этой повести ничего крамольного, и Курганов имел возможность беспрепятственно перепечатывать свой призыв? Почему в мрачные годы николаевской реакции, когда четверостишие «Мы добрых граждан позабавим...» распространялось в списках из-под полы, повесть № 291 без затруднения проходила цензурные рогатки, хотя, например, из предпоследнего, десятого издания «Письмовника» (М., 1831) было изъято двенадцать рассказов, которые, очевидно, были сочтены оскорбительными для религии?

Вопрос о том, как Курганов познакомился с изречением из «Завещания», решается очень просто: он его не знал. Для того чтобы установить тот факт, что повесть Курганова не могла быть подказана «Завещанием», достаточно было обратиться к знаменитому «Извлечению мыслей Жана Мелье», опубликованному Вольтером в 1762 г. В этом небольшом памфлете, занимавшем очень важное место в антирелигиозной пропаганде, развернутой великим французским просветителем, Вольтер, излагая мысли Мелье, искусно их подобрал и препарировал в своих целях так, что превратил их автора из атеиста в деиста.³⁹ Изречения, о котором идет речь, в этом памфлете нет. Сам Вольтер подобной мысли нигде не формулировал. Единственным местом в его сочинениях, в котором можно, по-видимому, с ничтожной степенью вероятности заподозрить отзвук этого изречения, является одно предложение из письма к Шабанону от 21 декабря 1767 г.: «Было бы неплохо отправить всех янсенистов на морское дно, повесив каждому из них на шею по иезуиту».⁴⁰

Итак, до 1769 г., когда вышел «Письмовник», изречение из «Завещания» не могло стать известным Курганову через источник, указанный Г. П. Макогоненко. Этот факт устанавливался легко, и тем более тщательной проверки требовала не только гипотеза о происхождении повести № 291, особенно в части, касающейся переработки гипотетического французского оригинала, но и истолкование повести как призыва передуть королей. Этого, однако, сделано не было. Напротив, гипотеза была немедленно принята в качестве бесспорного положения.

Еще до выхода книги, в которой эта гипотеза была опубликована, Д. Д. Благой, опираясь на докторскую диссертацию Г. П. Макогоненко (1955 г.), ввел в третье издание своего учебника по истории русской литературы XVIII в. рассуждение о крамольном политическом характере повести № 291.⁴¹ Подкрепленное авторитетом двух ведущих ученых, это истолкование повести давало возможность и требовало «подтянуть» к ней по значимости и другим рассказам из «Письмовника». И уже в следующей работе о Курганове это было сделано. Характеризуя «Краткие замысловатые повести», А. П. Денисов писал, что они проникнуты «ненавистью

³⁸ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., ГИХЛ, 1956, с. 107.

³⁹ См.: Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье... с. 50—67.

⁴⁰ Цит. по кн.: Державин К. Н. Вольтер. [М.], Изд. АН СССР, 1946, с. 396—397.

⁴¹ Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 3-е, перераб. М., 1955, с. 387.

к феодально-крепостническим порядкам», что Курганов «обрушивался» на духовенство, что он «жестоко высмеивал» рабское преклонение перед всем иностранным, что в этом разделе «Письмовника» он отвел «значительное место (...) пропаганде естественнонаучных взглядов⁴² и борьбе с реакционными теориями» и, конечно, что он бросил «призыв к истреблению королей».⁴³ Советские литературоведы всегда подчеркивали, что повести Курганова являются произведениями сатирическими и что его сатира имеет ярко выраженный демократический характер.⁴⁴ Однако в столь сильных выражениях никто до А. П. Денисова о Курганове не писал. Но и это еще не было пределом. О. А. Хамицаева нашла в «Завещании» еще две случайные параллели к повестям Курганова и на этом основании сделала следующий вывод: «Идеи французского коммуниста-утописта Жана Мелье были хорошо усвоены Кургановым. Живя интересами своего времени, владея четырьмя иностранными языками, Курганов не мог не знать работ этого просветителя».⁴⁵ Курганов — атеист, коммунист-утопист! — таков логический вывод из этого рассуждения, ибо никак не оговоренное и ничем не уточненное слово «усвоил» здесь может значить лишь одно: принял и согласился. При этом исследовательница не знала о том, что найденные ею параллели находятся в той части «Завещания», которая впервые была опубликована лишь в 1864 г.

В качестве завершающего звена в этой цепи ошибок и абсурдов необходимо отметить, что и автор специальной работы о Мелье, прекрасно осведомленный в истории распространения текста «Завещания», не устоял перед искушением поразить воображение читателей броским фактом. «Выражение [Мелье], — пишет он, — действительно приобрело популярность. Его по-разному употребили в дело и Вольтер, и Дидро — последний в цикле «!» стихов „Мания свободы“ «!». И вот через многие страны и пограничные кордоны долетели эти переделки и до России. Уже в 1769 г. в сочинении Г. «!» Курганова „Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие“ фигурировала поговорка «!», смахивавшая на этот афоризм».⁴⁶

Ни вольтеровское письмо 1767 г., ни стихотворение Дидро 1772 г. не могли «долететь» до Курганова. Откуда же в этом случае появились в «Письмовнике» слова, столь похожие на изречение из «Завещания»?

Повесть № 291 представляет собой дословный перевод рассказа, напечатанного в учебнике французского языка для немцев Жана Робера де Пеплие.⁴⁷ Этот учебник, вышедший первым изданием в 80-х годах XVII в., пользовался в XVIII в. огромной популярностью во многих европейских странах и выдержал большое число переизданий. Интересующий нас рассказ напечатан уже в 4-м издании (1696)⁴⁸ и перепечатывался по крайней

⁴² Пропаганде естественнонаучных взглядов в разделе «Кратких замысловатых повестей» посвящена одна повесть (№ 3)!

⁴³ Денисов А. П. Курганов — выдающийся русский ученый и просветитель XVIII века. Л., 1961, с. 96, 98, 100.

⁴⁴ См., например: Гукровский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939, с. 221.

⁴⁵ Хамицаева О. А. К вопросу о жанре «Кратких замысловатых повестей» Н. Г. Курганова. — В кн.: Вопросы стиля художественной литературы. Под общ. ред. А. И. Ревякина. М., 1964, с. 87.

⁴⁶ Поршнева Б. Ф. Мелье. М., «Молодая гвардия», 1964 (Жизнь замечательных людей), с. 215.

⁴⁷ Вопрос об источниках повестей Курганова разбирается автором в отдельной статье, которая будет напечатана в одном из очередных сборников «XVIII век».

⁴⁸ «Un François demanda à un Italien, lequel de deux il aimait mieux avoir pour son Souverain, le roi de France ou celui d'Espagne. Je voudrais, dit-il, voir l'un pendu avec les boyaux de l'autre» (Pépliers J.-R., des. Essay d'une parfaite grammaire royale françoise, Das ist Vollkommene Königliche Frantzösische Grammatica... Berlin, 1696, S. 4 (раздел «Recueil de bons

мере до 35-го издания (1737). Где-то около этого времени он изымается из учебника. Однако в слегка измененном варианте он продолжает печататься в другом учебном пособии — «Новом методе обучения французскому языку» Лароша.⁴⁹ В 1730 г. вышло 14-е издание этой книги, а в 1764 г. — 25-е.

Все рассказы, входившие в учебник Пеплие, были извлечены его автором из французских книг, главным образом последней четверти XVII в. Таким образом, формула «повесить одного на кишках другого» существовала уже по крайней мере за 35—40 лет до того, как ее использовал Мелье, и это, несомненно, придает убедительность высказанному выше предположению о том, что он почерпнул ее из французской публицистики конца XVII—начала XVIII в.

Вопрос об интерпретации повести Курганова № 291 должен еще стать предметом специального исследования, но некоторые предварительные выводы можно сделать уже сейчас. В числе рассказов, которые в учебнике Пеплие предлагались немцам для упражнения в чтении и переводе, было большое число антифранцузских. Учебник имел явную галлофобскую окраску, которая легко объясняется международной ситуацией в конце XVII в. «Письмовник» Курганова составлялся и вышел в свет в то время, когда в русской литературе шла активная борьба с французским влиянием. В этой обстановке галлофобские рассказы Пеплие должны были представляться Курганову весьма меткими и поучительными, и он заимствовал их из этого источника в большом количестве, в том числе и повесть № 291.

В первой четверти XIX в. «Письмовник» уже прочно осел в «низовой» читательской среде. Ушла туда и повесть № 291, так и не наполнившись злободневным политическим содержанием, которое приобрела сначала на французской, а потом и на русской почве эпиграмма, основанная на крылатом выражении, предлагавшем похожий способ расправы с царствующими особами. В России повесть Курганова и эпиграмма существовали параллельно, независимо друг от друга, выполняя разные функции. Так Пушкин, например, интересовался «Письмовником» и личностью Курганова, когда работал над «Историей села Горюхина»; однако «Письмовник» привлек его внимание отнюдь не как книга, содержащая «крамольные» в политическом отношении мысли, какой она предстает в истолковании ряда исследователей.

Единственный пока известный случай использования формулы «повесить одного на кишках другого», в котором можно заподозрить отзвук повести Курганова, относится уже к 70-м годам XIX в.

В романе Н. С. Лескова «На ножах» (1870—1871) один из персонажей, говоря о двух других, называет одного подлецом, а другого — «гадиной беззубой», заключая свою тираду словами: «Впрочем, я бы ничего не имел против того, чтоб один из них был повешен на кишках другого».⁵⁰ В этом виде формула имеет сильное сходство с повестью Курганова № 291. В связи с этим обращает на себя внимание и другое место в том же романе, совпадающее с повестью № 178 (по четвертому изданию «Письмовника»). Между действующими лицами происходит следующий диалог:

«— А вот и кстати наш почтенный генерал: ответите ли, ваше превосходительство, на вопрос: в какое время люди должны обедать?»

contes...»; из более ранних изданий учебника автор статьи имел возможность ознакомиться лишь с одним (Berlin, 1689), в котором этот раздел еще не был введен).

⁴⁹ «Un François demanda à un Italien lequel de deux il aimait mieux avoir pour son Maître, le roi de France, ou celui d'Espagne. Je voudrais, dit-il, que l'un fût pendu avec les boyaux de l'autre, car je n'aime ni l'un ni l'autre» (La Roche. Nouvelle méthode pour traiter la grammaire française, Das ist: Neue Methode die Französische Grammatic zu tractiren... 25. Aufl. Leipzig, 1764, S. 251—252).

⁵⁰ Лесков Н. С. Полное собрание сочинений, т. 9. Изд. 2-е. СПб., 1897, с. 342.

— Говорят, что какой-то классический мудрец сказал, что „богатый когда хочет-с, а бедный когда может-с“». ⁵¹

«Классический мудрец» — это Диоген, чье подобное изречение привел Диоген Лаэртский в «Жизни и учениях знаменитых философов» (VI, 2 Диоген (40)). ⁵² У Курганова эти слова переведены с французского языка почти в том же виде: «Диоген, будучи вопрошен, в каком часу должно обедать? отвечал: богатый когда хочет, а убогий когда может». ⁵³

Совпадение с «Письмовником» двух мест в романе, расположенных сравнительно недалеко одно от другого, является сильным аргументом в пользу предположения, что формула «повесить одного на кишках другого» дошла до Лескова через книгу Курганова. Однако поскольку слова Диогена были крылатым выражением и могли стать известны Лескову также из других источников, то этот эпизод из истории разбираемого изречения нельзя считать до конца выясненным. Впрочем, и во всей истории этого изречения остается еще немало пробелов.

В. Д. Рак

ДВА ОДЕССКИХ НЕКРОЛОГА О ПУШКИНЕ

Среди первых отечественных некрологов, посвященных Пушкину, выделяются своей содержательностью и общественной значительностью статьи, напечатанные газетами «Journal d'Odessa» и «Одесский вестник» 12 и 13 февраля 1837 г. Они гораздо обстоятельнее откликов петербургской и московской печати на смерть Пушкина и по своему тону могут быть сопоставлены только с известной заметкой В. Ф. Одоевского в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“». Необходимость изучения одесских некрологов давно отмечалась в советской пушкинистике. ¹ Однако до сих пор обстоятельства создания и появления этих статей в печати остаются во многом не выясненными; содержание их в достаточной мере не проанализировано; какова их связь между собой и каково их отношение к петербургским газетным заметкам памяти Пушкина, не установлено; существующие версии об авторах обеих статей вызывают сомнения. ²

Критический анализ источников необходим и потому, что в дореволюционном литературоведении они послужили поводом для панегириков М. С. Воронцову, которому якобы всецело принадлежала заслуга великодушного разрешения публикации некролога о Пушкине в «Одесском вестнике». Так, Н. О. Лернер писал, что уже первая заметка о Пушкине, напечатанная в «Journal d'Odessa», «восхитила одесское общество во главе

⁵¹ Там же, с. 384—385.

⁵² Точный русский перевод: «Человеку, спросившему, в какое время следует завтракать, он ответил: „Если ты богат, то когда хочешь, если беден, то когда можешь“». См.: Памятники поздней античной научно-художественной литературы II—V века. М., «Наука», 1964, с. 158.

⁵³ Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика..., с. 152.

¹ См.: Бориневич-Бабайцева З. А. Пушкин и одесские альманахи — В кн.: Пушкин. Статьи и материалы, вып. II. Одесса, 1926, с. 68.

² Некоторые положения данной статьи мною уже были изложены в работе «К истории опубликования некрологических статей о Пушкине», напечатанной в журнале «Русский язык в киргизской школе» (Фрунзе, 1974, № 3 (89), с. 25—28; № 4 (90), с. 23—29). Мы воспроизводим их здесь, так как это издание мало известно в кругах пушкинovedов, но с необходимыми дополнениями и расширенными библиографическими указаниями, поскольку они не могли быть помещены в первоначальном варианте этой статьи, в журнале, обращенном к широкому кругу преподавателей средней школы и имеющему специфические педагогические и методические задачи.

с супругами Воронцовыми», а второй некролог вообще появился в результате поощрения, переданного редакции через секретаря графа М. П. Щербинина.³ Первый публикатор материалов об истории появления обоих некрологов Л. С. Мацевич, отмечая, что статьи были «теплыми, прочувствованными», восклицал: «Тем больше чести кн. Воронцову, не воспрепятствовавшему их напечатанию».⁴ Все это поддерживало версию о якобы благожелательном отношении Воронцова к Пушкину, на которое поэт отвечал капризами и дерзостями.⁵

Единственным мемуарным свидетельством об истории опубликования некролога в «Одесском вестнике» является заметка одесского литератора Н. Г. Тройницкого «По поводу статьи „Одесского вестника“ 1837 года о смерти Пушкина». Она напечатана в двух вариантах в 1887 г., когда автору исполнилось 85 лет, т. е. полвека спустя после событий, которые в ней описаны.⁶ К тому времени умерли все остальные непосредственные участники этих событий: М. С. Воронцов скончался в 1856 г., А. Г. Тройницкий — в 1871 г., А. И. Левшин — в 1879 г., Е. К. Воронцова и М. П. Щербинин — в 1881 г. Отчасти именно поэтому воспоминания Н. Г. Тройницкого были восприняты как абсолютно бесспорные. Впоследствии они цитировались по существу на правах дневникового свидетельства.

Однако в действительности в рассказе мемуариста не все ясно и четкое его рождает ряд недоуменных вопросов. В частности, так и остается невыясненным, кто же был настоящим организатором публикации статьи о Пушкине в «Одесском вестнике» и какова была истинная роль М. С. Воронцова во всей этой истории.

Все это потребовало привлечения других свидетельств и сопоставления с ними данных мемуариста.

Рассмотрение всех имеющихся материалов позволяет с уверенностью предполагать, что активное участие в подготовке и опубликовании обоих некрологов принимал главный редактор одесских газет Александр Григорьевич Тройницкий. Именно он, быть может в содружестве с братом, был основным автором первого редакционного некролога на французском языке, помещенного без подписи в «Journal d'Odessa».

В пользу такой атрибуции говорят следующие соображения.

А. Г. Тройницкий прекрасно владел французским языком. Образование он получил в Ришельевском лицее, в тот период, когда здесь ведущую роль играл аббат Николь и в учебном процессе доминировала французская речь. Разумеется, только литератору, в совершенстве владеющему французским языком, могло быть поручено редактирование «Journal d'Odessa», во главе которого А. Г. Тройницкий и стал с 1834 г.⁷ Его переписка с М. С. Воронцовым также велась по-французски.⁸

Далее, именно перу А. Г. Тройницкого принадлежали все статьи, печатавшиеся в «Journal d'Odessa» под рубрикой «Одесса»; им было написано

³ См.: Лернер Н. О. По поводу отношений Пушкина к графине Е. К. Воронцовой. (Догадка). — В кн.: Пушкин и его современники, вып. VII. СПб., 1908, с. 76—78.

⁴ М—ч Л. С. (Мацевич Л. С.). Отзывы одесских газет 1837 г. о смерти Пушкина. — Русская старина, 1887, кн. IV, с. 155.

⁵ См.: П. Б. (Бартечев П. И.). Из бумаг А. Г. Тройницкого. — Русский архив, 1894, кн. I, с. 593.

⁶ См.: Тройницкий Н. Г. По поводу статьи «Одесского вестника» 1837 года о смерти Пушкина. — В кн.: Отзывы о Пушкине с юга России. В воспоминание пятидесятилетия со дня смерти поэта 29 января 1887 г. Собрал В. А. Яковлев. Одесса, 1887, с. 7—13. Статья помечена январем 1887 г. (цензурное разрешение книги — 30 января). В сокращении, под названием «Примечание 1887 г. Н. Тройницкого», напечатано: Русская старина, 1887, кн. IV, с. 159—160.

⁷ См.: Русский архив, 1894, кн. I, с. 556—557.

⁸ Там же, с. 590—593.

большинство «некрологов замечательных по чему-нибудь лиц, скончавшихся в Новороссийском крае».⁹ И хотя Пушкин умер не в Одессе, а в Петербурге, одесситы вправе были считать его смерть и своей потерей. Письма тех дней согласно свидетельствуют: в феврале 1837 г. все одесское общество «только и говорило, что о смерти поэта Пушкина».¹⁰

Вероятность авторства А. Г. Тройницкого подкрепляется и относительно сдержанным тоном первых абзацев французского некролога. Такой тон приличествовал редакционной статье полуофициального издания, каким являлся «Journal d'Odessa». Автор-редактор как бы преподносил одесским читателям те самые формулировки, в какие петербургские газеты облекли свое горестное известие. В действительности же статья одесской газеты была самостоятельной, она содержала развернутую, проникновенную оценку жизненного и творческого дела Пушкина. Но для высших чинов местной администрации, несомненно знакомых с петербургскими некрологами, повторение уже напечатанных фраз должно было подействовать успокоительно: одесская статья воспринималась благодаря этому как вариация столичных сообщений; к тому же, написанная по-французски, она была доступна сравнительно ограниченному кругу читателей.

Судя по упомянувшейся выше записке М. П. Щербина от 12 февраля 1837 г.,¹¹ в А. Г. Тройницком видела вероятного автора французского некролога и графиня Е. К. Воронцова. Именно ему адресованы ее похвала и ее просьба — упомянуть в русском варианте статьи о роли Одессы в поэзии Пушкина: «Почтеннейший Александр Григорьевич! Статья, сегодня помещенная в Journal d'Odessa по случаю смерти Пушкина, принята была всеми, а в особенности графиню Воронцовою, с восхищением. Так как, вероятно, она же, т. е. статья сия, будет помещена и в „Одесском вестнике“, то я спешу повергнуть пред вами мысль, родившуюся у графини Елизаветы Ксавериевны, т. е. что большая часть стихотворений Пушкина созданы были в Одессе во время его здесь пребывания. Мысль сия достойна быть обработанною». Потребовать вставок в уже напечатанную статью можно было только от автора или, во всяком случае, от лица, имеющего основные авторские права на эту статью.

Итак, А. Г. Тройницкого можно считать основным, если не единственным, автором первого одесского некролога о Пушкине, напечатанного в «Journal d'Odessa» 12 февраля 1837 г.

Что касается русского некролога, опубликованного на другой день в «Одесском вестнике», то он несомненно написан под сильным влиянием оригинальной части статьи в «Journal d'Odessa». В сходных формулировках, иногда с использованием тех же слов и оборотов, здесь повторены и развиты мысли о европейском значении Пушкина, о глубокой народности его творчества, о могуществе его мысли и фантазии, о гармонии его поэтического языка, о современниках, с любовью следивших за развитием его таланта. Много совпадений обнаруживают начала и концовки обоих некрологов.

Вот как во французском некрологе говорится о мировом значении творчества Пушкина: он был «одним из тех гениев, на которого мы с такой гордостью указывали Европе как на нашего соотечественника!» («... un de ces génies, que nous présentions avec tant d'orgueil à l'Europe comme notre compatriote!»).¹² Та же мысль выражена и в русском некрологе: Пушкин —

⁹ Там же, с. 558.

¹⁰ См.: Пушкин. Статьи и материалы, вып. III. Одесса, 1926, с. 18.

¹¹ Записку сохранил и передал для опубликования Н. Г. Тройницкий. См.: Записка М. П. Щербина к редактору «Одесского вестника» А. Г. Тройницкому по поводу статьи о смерти Пушкина в «Journal d'Odessa». — Русская старина, 1887, кн. IV, с. 160.

¹² Текст некролога из «Journal d'Odessa» приводим по переводу, выполненному Н. Г. Тройницким и исправленному Л. С. Мацевичем (Отзывы о Пушкине с юга России, с. XI), внося, однако, в необходимых случаях

«представитель нашей поэзии, на которого с гордостью указывали мы Европе».¹³ Как видим, здесь полное совпадение. В этой мысли заключалась внутренняя полемика с известными отзывами Воронцова о Пушкине, из которых «придворный хам» в свое время не делал никакой тайны: «Он только слабый подражатель малочетного образца (лорда Байрона)». По сравнению с петербургскими некрологами обе одесские статьи здесь вполне оригинальны: ни одна из столичных газет не ставила покойного поэта в ряд с писателями Европы.

Определение Пушкина как поэта народного, национального содержалось только в одном из петербургских некрологов — в знаменитой заметке В. Ф. Одоевского, напечатанной в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“». Эту оценку подхватывает автор французского некролога в «Journal d'Odessa»: Пушкин, по его словам, «сделался <...> поэтом в высшей степени народным» («...poète éminentement national»). Слово в слово повторяет эту важнейшую характеристику и автор русского некролога в «Одесском вестнике»: «Певец в высшей степени народный...». Формула эта заставляет вспомнить позднейший отзыв Белинского о «Евгении Онегине» как о «в высшей степени народном произведении».

Число подобных совпадений можно было бы значительно умножить. Однако это не значит, что русская статья была бледным повторением французской. Напротив, русский текст, напечатанный в «Одесском вестнике», гораздо оригинальнее, непосредственнее, эмоциональнее и смелее французского по своему общественному звучанию. Несравненно масштабнее выступает здесь и фигура Пушкина. Автор статьи называет его «владыкой русского слова», «бессмертным достоянием русской литературы», «вещим певцом нашего времени».

Особенно подчеркнуты в некрологе «Одесского вестника» общественная значимость и актуальность пушкинской поэзии: «Своими чудными звуками, своими вдохновенными созданиями он выражал все поэтические стороны современной жизни»; «Он указывал нам на все великое нашего века».

Четко и уверенно сказано в этой статье о сочетании национального и общечеловеческого начал в пушкинской поэзии: «Певец в высшей степени народный, он одинаково понимал и сокровеннейшие тайны русского мира, и общие черты жизни человечества». Наконец, ярко подмечена автором одна из особенностей метода Пушкина как художника-реалиста — слияние пластичности, объективности изображения с замечательной психологической глубиной: «Картины внешней природы и глубокие явления мира нравственного облекались в его творениях в такую свежесть, в такую силу, в такую образность выражения».

Патетический стиль русского некролога вполне сопоставим со стилем мемуаров Николая Григорьевича Тройницкого, брата главного редактора обеих одесских газет. И там и тут чередуются горестные возгласы, патетические вопросы, эмоциональные паузы, обозначенные многоточиями. Концовка русского некролога — подлинный плач о великом Пушкине, плач патриота и гражданина, облик которого отчетливо выступает и в мемуарах, написанных полвека спустя: «О, над могилкою твоей обольется горькими слезами каждый сын России, кому дорога Русская слава, в ком горит светлая любовь ко всему родному!».

Таким образом, нет оснований для того, чтобы подвергать сомнению авторство Н. Г. Тройницкого в отношении русской некрологической статьи о Пушкине в «Одесском вестнике», о чем говорит и он сам в своих мемуарах. Но вероятно, что при написании этого некролога им была использована статья брата; не исключено также, что последний и лично участвовал в составлении статьи для «Одесского вестника». Второй некролог был написан, кроме того, явно с учетом просьбы Е. К. Воронцовой к А. Г. Трой-

---

свои коррективы на основе сличения с подлинником, перепечатанным в «Русской старине» (1887, кн. IV, с. 156—157).

¹³ Одесский вестник, 1837, 13 февраля, № 13. Все последующие цитаты из указанной статьи даются по этому тексту.

ническому: в отличие от первой статьи здесь упомянуто о пребывании великого поэта в Одессе.

Все сказанное позволяет представить возможный ход событий. 10 или 11 февраля, т. е. на одиннадцатый или двенадцатый день после выхода в свет, в Одессе были получены со свежей почтой петербургские газеты.¹⁴ Они подтвердили прибывшие ранее от частных лиц сообщения о дуэли Пушкина и принесли горестную весть о гибели поэта. Редактор одесских газет А. Г. Тройницкий написал первый некролог, относительно сдержанный, полуофициальный, с использованием материалов столичной прессы, но во многом уже и самостоятельный. Такой некролог мог благополучно пройти обычную цензуру. 12 февраля он был напечатан в «Journal d'Odessa». В тот же день после выхода газеты редакция получила записку от секретаря Воронцовых М. П. Щербинина. Поощрение графини Е. К. Воронцовой — а на первых порах эта записка была воспринята именно как поощрение — воодушевило редактора и Н. Г. Тройницкого, являвшегося первым помощником брата по выпуску обеих газет. Решено было не повторять дословно французский некролог, а напечатать новую, оригинальную и смелую статью, формально выполнив в то же время просьбу графини, т. е. упомянув об одесском периоде жизни Пушкина.

И вот, когда статья была написана, набрана и сверстана, встал вопрос о том, как же все-таки добиться ее разрешения в печать.

Через кого она была представлена Воронцову?

Изучение архивных материалов позволяет сделать вывод, что в одесской администрации имелись лица, непосредственно ведавшие изданием газеты «Одесский вестник» и осуществлявшие по долгу своей службы наблюдение за ее содержанием. Прежде чем получить аудиенцию у генерал-губернатора, редактор обязан был по самому статусу издания обратиться к этим лицам. Видимо, только в особо важных случаях материал представляли Воронцову, но лишь через посредство этих же лиц или с их резолюцией.

В числе таких лиц, по всей вероятности организовавших публикацию лужкинских некрологов или способствовавших их продвижению в печать, в первую очередь необходимо назвать А. И. Левшина, ученого и писателя, занимавшего с января 1837 г. пост одесского градоначальника. Левшин был одним из основателей газеты «Одесский вестник», одним из первых редакторов ее и активных корреспондентов.¹⁵

С начала 1830-х годов материальная сторона издания лежала всецело на нем. С января 1832 г. типография газеты была причислена к канцелярии градоначальника.¹⁶ В деловой переписке тех лет неоднократно упоминается о том, что все денежные суммы, связанные с выпуском «Одесского вестника», проходили через руки Левшина; он занимался пропагандой газеты и подпиской на нее, даже будучи за границей.¹⁷

Редакторы длительное время обсуждали с А. И. Левшиным программы одесских газет и условия, на которых эти газеты издавались. Порою он собственноручно составлял эти условия, устанавливая примерный объем статей и заметок в зависимости от их жанра и специально оговаривая, какие материалы должны обязательно представляться ему лично.¹⁸ Осо-

¹⁴ «Газеты получались тогда в Одессе не часто и запаздывали; приходили два раза в неделю — на девятый, двенадцатый день и позже, смотря по состоянию труднопроходимых дорог», — рассказывал впоследствии Н. Г. Тройницкий (Отзывы о Пушкине с юга России, с. 12).

¹⁵ См.: Русская периодическая печать. 1702—1894. Справочник, ч. 1. М., Госполитиздат, 1959, с. 196.

¹⁶ См.: Государственный архив Одесской области, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 125, л. 9 («Дело об издании „Одесского вестника“»).

¹⁷ См., например: Архив князя Воронцова, кн. XXXIX. М., 1893, с. 4—6; Русский архив, 1894, кн. I, с. 590.

¹⁸ Государственный архив Одесской области, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 125, л. 4 об. (весь этот документ, состоящий из шести пунктов-условий, написан рукой А. И. Левшина).

бенно важно для нас, что Левшин, поскольку газета «Одесский вестник» являлась полуофициальным изданием, считал нужным оставить за собою контроль за материалами политического характера.¹⁹

Когда редактором газеты стал А. Г. Тройницкий, Левшин продолжал вникать во все детали ее издания. Если же редактор уезжал, то газета оставалась целиком на попечении градоначальника.²⁰

В какой мере Левшин был заинтересован в опубликовании сочувственной статьи о гибели Пушкина? Творческие связи между поэтом и ученым были достаточно интенсивными. Левшин многим был обязан Пушкину. По инициативе Пушкина в «Московском вестнике» в 1827 г. была напечатана этапная для русского и мирового киргизоведения статья «Об имени Киргиз-Казакского народа и об отличии его от подлинных, или диких, Киргизов».²¹ С этой статьи, прошедшей через руки Пушкина, и начинается собственно международная известность А. И. Левшина, в скором времени ставшего членом многих ученых обществ, российских и иностранных. Важным событием была для Левшина предварительная публикация избранных страниц его книги в пушкинской «Литературной газете» (1831).²² Знал Левшин и то, что Пушкин внимательно изучал его труды, ссылаясь на них, давал им чрезвычайно высокие оценки, в особенности в «Истории Пугачева». Бывший сослуживец по одесской канцелярии считал Пушкина «звездой первой величины нашего литературного мира».²³

Кроме того, Левшин был горячим патриотом Одессы, гордился ее достопримечательностями и знаменитостями, стремился пропагандировать их печатно. Сам он несколько лет спустя, будучи отстраненным благоволившим к нему некогда Воронцовым и находясь длительное время «не у дел», так, не без горечи, вспоминал об этом в неопубликованном письме (от 24 марта 1843 г.) к одному из своих главных соратников по линии краеведческих начинаний — А. А. Скальковскому: «Вы расшевелили привязанность мою к Одессе, напомнив мне статью вашу многие подробности того времени, когда я с студенческой ревностью искал всякого рода славы и известности для моей любезной — юной дочери России <...> Если старинная приятельница моя, Одесса, меня не забыла, то и мое сердце к ней никогда не остынет. Пребывание мое в ней составляет поэзию моей службы».²⁴

К началу 1837 г., т. е. к тому времени, к которому относится история с опубликованием пушкинских некрологов, А. И. Левшиным в содружестве с А. А. Скальковским, А. Г. Тройницким и другими местными литераторами была вчерне завершена подготовка материалов сборника «Одесса в 1837 году».²⁵ Некролог, подчеркивавший значение одесского периода жизни Пушкина, отвечал этим интересам писателя-градоначальника. В то же время следует отметить, что близкие служебные отношения Левшина с новороссийским генерал-губернатором могли содействовать поло-

¹⁹ Там же, л. 18—19.

²⁰ См.: Русский архив, 1894, кн. I, с. 589 (письмо С. В. Сафонова к А. Г. Тройницкому от 28 июля 1836 г.). О руководящей роли А. И. Левшина в издании «Одесского вестника», особенно его русского текста, см.: Скальковский А. А. Шестьдесят лет одесской общественной жизни. 1794—1854. — Отдел рукописей ОГНБ им. Горького, ф. 62, картон 6, ед. хр. 864, л. 15—15 об., 16—17, 36 и др.

²¹ Подробнее об этом см. в кн.: Шейман Л. А. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1963, с. 11—32.

²² См.: Фетисов М. И. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX века. Алма-Ата, 1959, с. 150—152.

²³ См.: На память юбилея А. И. Левшина. СПб., 1868, с. 31.

²⁴ ИРЛИ, 7560-а. XLVб. 160.

²⁵ Маркевич А. И. О предполагавшемся издании «Одесса в 1837 году». — Записки имп. Одесского общества истории и древностей, т. XXII, разд. V («Протоколы»), Одесса, 1900, с. 148—153.

жительному исходу хлопот об опубликовании некрологических заметок, посвященных Пушкину, в одесской прессе.

Нам остается восстановить истинную роль графа Воронцова в истории с напечатанием пушкинских некрологов. Наибольшую ценность в этом отношении представляет единственный дошедший до нас достоверный документ тех дней, непосредственно касающийся некрологических статей о Пушкине в одесских газетах, — упомянутая выше записка М. П. Щербинина к А. Г. Тройницкому от 12 января 1837 г.

«Статья, сегодня помещенная в Journal d'Odessa по случаю смерти Пушкина, — говорится в этой записке, — принята была всеми, и в особенности графиней Воронцовой, с восхищением». Под «всеми» здесь, без сомнения, подразумевается семейство Воронцовых, главой которого был граф Михаил Семенович, секретарем которого являлся Щербинин. Ясно, однако, что граф особых восторгов по поводу статьи о Пушкине не изъявлял, во всяком случае предпочел не подчеркивать их от своего имени, скромно укрывшись за неопределенно-обобщенным местоимением «всеми». Зато здесь подчеркнута, что письмо написано специально для того, чтобы выполнить, хотя бы формально, настоятельную просьбу графини Елизаветы Ксавьерьевны и передать ее пожелание редактору газеты. Дальше излагается само пожелание, причем снова подчеркивается, что это мысль не графа, а его супруги: «...спешу повергнуть пред вами мысль, родившуюся у графини Елизаветы Ксавериевны...». Если бы секретарь писал только от ее имени, он должен был бы закончить свое письмо пожеланием графини Воронцовой. Но вместо этого несколько неожиданно следует оценка предложения графини: «Мысль сия достойна быть обработанною». Понятно, что сама графиня подобным образом о своей мысли не отозвалась бы. Вряд ли решился бы выступить в роли благосклонного судьи и секретарь. Здесь явно слышится голос самого графа. И уж совсем выдает его участие в составлении письма последняя коварная оговорка: «Впрочем, бог знает, что скажут в Петербурге...», завершенная красноречивым многоточием.

Письмо Щербинина, прочитанное таким — единственно верным, как нам кажется, — образом, дает возможность представить события в истинном свете. 12 февраля 1837 г. утром графиня прочла газету «Journal d'Odessa» с некрологом о Пушкине и выразила глубокое удовлетворение статьей А. Г. Тройницкого. Граф почел неуместным возражать ей и в сдержанных выражениях тоже одобрил некролог. Продолжая демонстрировать великодушие и благородство по отношению к своему умершему врагу, он поддержал пожелание графини о том, чтобы передать их совместное одобрение редактору газеты — автору некролога и попросить его упомянуть, уже в русском варианте статьи, о благотворной роли Одессы в жизни и поэзии Пушкина. Кстати, одобрение графа, официально передаваемое через секретаря после прочтения газеты, подтверждает наше предположение о том, что до опубликования в печати, т. е. на предварительных стадиях продвижения первого, французского некролога, сравнительно осторожного и полуофициального, Воронцов этой статьи не читал и она была представлена градоначальнику и в обычную цензуру. Внешнее оформление некролога, демонстративно повторявшего ряд выражений из петербургских газет, позволило графу сохранить во время чтения «Journal d'Odessa» и беседы с графиней наружное хладнокровие. Оставшись наедине со Щербининым, он, однако, продикувал секретарю такой текст записки, который недвусмысленно отмежевывал позицию графа от точки зрения его супруги. Завершалась же записка совершенно определенным предостережением.

Подобная двойная игра была вполне в характере и в стиле деятельности М. С. Воронцова. К такой игре вынуждали графа и культ Пушкина, сложившийся в Одессе со времени пребывания поэта в этом городе, и крепнущий голос передового общественного мнения, своеобразными отзвуками которого были некрологи братьев Тройницких, и вероятная благожелательная позиция, занятая писателем-градоначальником Левшиним по вопросу об опубликовании этих статей, и соображения личного, семейного характера. Кроме того, необходимо было считаться с фактом появления статей о Пуш-

кине в петербургских газетах и с частными сообщениями о «благоденствиях», оказанных царем семье покойного поэта. Требовала поддержания также репутация просвещенного либерала, столь любезная сердцу наместника Новороссии и Бессарабии.

Все это определило поведение Воронцова перед лицом тех, кто представил ему на утверждение второй, русский некролог о Пушкине, написанный Н. Г. Тройницким. Это были, как мы полагаем, градоначальник А. И. Левшин, редактор газеты «Одесский вестник» А. Г. Тройницкий и личный секретарь графа М. П. Щербинин. С ними пришел, возможно, и сам автор статьи — Н. Г. Тройницкий, к критическому анализу воспоминаний которого мы в заключение возвращаемся. По словам мемуариста, Воронцов читал статью «очень внимательно». Весьма правдоподобная деталь: дело было чрезвычайно важным, и генерал-губернатор подчеркнул значительность решения своим долгим чтением. Пауза давала возможность не только вникнуть в каждое потенциально опасное слово, но и хорошо взвесить окончательный приговор: «Да уж не много ли тут сказано? Ведь у нас Державин, Ломоносов...».²⁶ Если реплика Воронцова полвека спустя вспомнилась мемуаристу и не дословно, то содержание и интонация ее сразу же внушают доверие. Воронцов всегда считал, что Пушкина как поэта оценивают слишком высоко. Не смог он удержаться от неодобрительного возгласа и в этот момент. Тем более что в полученной незадолго до этого официальной газете «Санкт-Петербургские ведомости» место Пушкина в отечественной словесности было определено уважительно, но тоже довольно сдержанно: «Русская литература не терпела столь важной потери со времени смерти Карамзина».²⁷

Мемуарист не сохранил тех выражений, в которых Воронцов дозволил опубликование статьи. Но в свете всех приведенных выше материалов очевидно, что граф дал понять, что не берет на себя всей полноты ответственности в случае отрицательной реакции петербургских властей на появление этой статьи («Впрочем, бог знает, что скажут в Петербурге...»). В противном случае публикаторам не пришлось бы, уже после его дозволения, задумываться о возможных неприятностях, не пришлось бы им придумывать и подпись «Сообщено», долженствовавшую сыграть роль громовода.

Таким образом, Воронцов остался верен себе и в деле с некрологами о ненавистном ему поэте-мятежнике. Перед лицом складывающегося общественного мнения просвещенной Одессы он не решился прямо и открыто воспрепятствовать напечатанию некролога. Поэтому граф прибегнул к излюбленной лицемерной тактике полуразрешения-полузапрещения. С одной стороны, он изъявил сдержанно-снисходительное одобрение, с другой же — сопроводил его оговорками и возложил всю ответственность на авторов, публикаторов и цензоров.

Привлеченные материалы позволяют расширить наше представление о влиянии Пушкина на литературно-общественную жизнь культурных центров его эпохи, о творческих и биографических связях великого поэта, о политическом резонансе «пушкинской темы» в русской периодике 1830-х годов. А версию о почетительном отношении Воронцова к памяти Пушкина и о мнимых заслугах графа в опубликовании замечательных одесских некрологов, посвященных поэту, следует признать легендой, протворечащей фактам.

Л. А. Шейман

²⁶ Отзывы о Пушкине с юга России, с. 12.

²⁷ Санкт-Петербургские ведомости, 1837, № 25, 31 января, с. 104.

ЕЩЕ О «СЛАВНОЙ ШУТКЕ» ГОСПОЖИ ДЕ СТАЛЬ

Одну из своих самых острых политических статей, «Заметки по русской истории XVIII века» (1822), Пушкин заканчивает несколько загадочной концовкой: «Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники Самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation*» (XI, 17). В примечании к этому тексту Пушкин дает свой перевод французской фразы: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою».

Какую «славную» (т. е. известную) шутку имел в виду Пушкин? Мнения исследователей разошлись. Некоторые из них «славной шуткой» считают приведенный Пушкиным дальнейший текст на французском языке об «удавке». ¹ Но у де Сталь таких слов нет. В ее книге «Десять лет в изгнании» (1821) есть лишь отдаленно схожая мысль: «Ces gouvernements despotiques, dont la seule limite est l'assassinat du despote, bouleversent les principes de l'honneur et du devoir dans la tête des hommes» («Эти деспотические правительства, ограниченные лишь возможностью убийства деспота, опрокидывают в человеческой голове понятия чести и долга»). ² Это высказывание мало напоминает «славную шутку», облечено в сугубо книжную форму и вряд ли могло пользоваться известностью.

Другие исследователи считали «славной шуткой» знаменитый комплимент де Сталь Александру I: ³ «Ваш характер, государь, — конституция вашей империи, а ваша совесть — ее гарантия». Комплимент пользовался в 1810-х годах широкой известностью, был у многих на устах, превратился в своего рода «летучее слово». Удачный ответ царя, сумевшего попасть в тон французской писательнице («Если бы это и было так, то я был бы только счастливой случайностью»), еще больше способствовал популярности шутки. Доводы в пользу этого *bon mot* де Сталь как «славной шутки» представляются весьма убедительными. Однако остается неясным, почему все же Пушкин не привел после двоеточия самый комплимент де Сталь и оставил его за текстом.

На наш взгляд, возможно и иное, третье толкование «славной шутки», отнюдь не претендующее, разумеется, на обязательность.

Известно, что с юных лет Пушкина волновала мысль об участии Александра в заговоре 11 марта 1801 г. В годы южной ссылки поэт мог получить веские подтверждения этой мысли, ⁴ и у него, быть может, появилась

¹ См.: Р ж и г а В. Ф. Пушкин и мемуары M-me de Staël о России. — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1914, т. XIX, с. 47; То м а ш е в с к и й Б. В. Пушкин, кн. I. М.—Л., 1956, с. 583; Э й д е л ь м а н Н. «По смерти Петра I...». — Альманах «Прометей», т. 10, 1974, с. 332.

² M-me de Staël. Dix années d'exil. Bruxelles, 1821, p. 140.

³ См.: Д у р ы л и н С. Г-жа де Сталь и ее русские отношения. — В кн.: Литературное наследство, т. 33—34. М., 1939; Ф е й н б е р г И. Незавершенные работы Пушкина. М., 1969, с. 310. Этой точки зрения придерживался и Б. В. Томашевский в более ранних работах, см., например: То м а ш е в с к и й Б. В. «Кияжал» и M-me Staël. — В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования, XXXVI. Пг., 1923, с. 86.

⁴ В Кишиневе Пушкин был близок с С. А. Тучковым, весьма осведомленным в деле участия Александра I в заговоре. Там же показывал ссыльному поэту свои записки генерал Болховский, стоявший на карауле во дворце в ночь смерти Павла. В Одессе Пушкин часто беседовал с графом Ланжероном, записавшим воспоминания руководителем заговора 11 марта. См.: Записки С. А. Тучкова. СПб., 1903, с. 219; Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819—1822). — В кн.: Пушкин и его время, вып. 1. Л., 1962, с. 65; Ф е й н б е р г И. Незавершенные работы Пушкина, с. 395—413.

естественная потребность отозваться на волновавший его исторический факт. Смешение, нарочитое или может быть безотчетное, двух высказываний де Сталь как раз и отражало эту потребность: создать контекст, который сближал бы в сознании читателей имена Павла и Александра и напоминал бы об отцеубийстве. Мастерски имитируя стиль афоризмов де Сталь, Пушкин как бы «создает» заново нужную ему французскую цитату. Он не только придает высказыванию писательницы отточенную афористическую форму, но и прямо ориентирует его на Россию. С этой целью Пушкин вводит уточняющее «в России» (*en Russie*), заменяет общее понятие «убийство деспота» (*l'assassinat du despote*) конкретным «удушение» (*la strangulation*), злободневный смысл которого поэт в своем примечании-перевode усугубляет саркастическим «*удавка*».⁵ Обычно в своих статьях Пушкин не дает русского перевода французских фраз.

По мнению Б. В. Томашевского, неточность французской цитаты из книги де Сталь «Десять лет в изгнании» объясняется тем, что Пушкин, возможно, цитировал наизусть, по памяти.⁶ Но и обманы памяти отражают тенденцию мысли. Имя Павла прямо названо в начале «Заметок». Имя Александра должно было всплыть в сознании при упоминании о «славной шутке» — знаменитом комплименте г-жи де Сталь. Слово «удавка» связывало имена Павла и Александра воедино.

Л. И. Вольперг

---

⁵ Слово «удавка» ориентировано, видимо, у Пушкина и на декабристскую трактовку русской истории. См. песню К. Ф. Рылеева «Ты скажи, говори...».

⁶ Томашевский Б. В. Пушкин, кн. I, с. 584. Книга де Сталь «Десять лет в изгнании» (1821) была в 1822 г. популярной в России новинкой и, вероятно, имелась в библиотеке И. П. Липранди, которой пользовался в Кишиневе Пушкин.

IV. ХРОНИКА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ЛЕНИНГРАД)

7 июня 1973 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР состоялось расширенное заседание Пушкинской группы, посвященное 174-й годовщине со дня рождения Пушкина. С докладом «О некоторых малоизученных вопросах биографии Пушкина» выступил доктор филологических наук Б. С. Мейлах. Он отметил, что научная биография Пушкина в последнее время изучается неровно, неравномерно и что многие задачи, в свое время поставленные исследователями жизни великого поэта, все еще остаются нерешенными. Необходимо не только возобновить несколько ослабленные в последнее время поиски новых данных для создания такой биографии, но и пересмотреть ряд точек зрения на те или иные периоды его жизненного пути, усилить освещение малоизученных периодов (особенно конца 1820-х и 1830-х годов), вновь проверить многие факты, которые неправомерно считаются вполне установленными. Эти положения докладчик иллюстрировал рядом примеров, заимствуя их из новейших биографических очерков о Пушкине.

Кандидат филологических наук Р. В. Иезуитова в докладе «К проблеме пушкинского фольклоризма. (Народно-фантастические поверья в литературных обработках 20-х годов)» отметила, что многогранный по своим жанрово-стилистическим формам, по широте и глубине охвата действительности мир поэзии Пушкина неразрывно связан с народным творчеством. С конца XVIII—начала XIX в. на почве романтического воссоздания национальной старины и фольклора в русской литературе возник и получил широкое распространение интерес к миру фантастики, в частности к народной демонологии. Докладчица подробно остановилась на отражениях в стихотворениях Пушкина и его современников народного поверья о домовом — одном из популярнейших образов русской демонологии. Как было показано в докладе, стихотворение Пушкина «Всем красны боярские конюшни» находит известную тематическую аналогию в балладе Д. В. Веневитинова «Домовой» (1826), с текстом которой поэт мог ознакомиться еще до появления ее в печати в 1829 г. Докладчица отметила также ряд сюжетных и стилистических аналогий, которые указанное стихотворение Пушкина имеет со статьей о домовом в книге М. Д. Чулкова «Абевага русских суеверий» (1786), сохранившейся в библиотеке Пушкина. В заключение докладчица сопоставила стихотворение «Всем красны боярские конюшни» со стихотворной притчей Ф. Слепушкина «Конь и домовый» (1827).

С анекдотом о Павле I, который со слов Пушкина был записан В. А. Соллогубом, ознакомил присутствовавших на заседании кандидат филологических наук В. Э. Вацуро (в настоящее время это сообщение опубликовано в предшествующем выпуске «Временника Пушкинской комиссии. 1972» (Л., 1974, с. 100—104)).

С докладом «Об интерпретации заключительной строфы „Евгения Онегина“» выступил кандидат филологических наук С. Г. Бочаров (Москва), давший анализ I строфы восьмой главы «Евгения Онегина» в связи с творческой эволюцией и мировоззрением поэта (частичное отражение этот доклад получил в статье С. Г. Бочарова «„Свобода“ и „Счастье“ в поэзии Пушкина», опубликованной в сб.: Проблемы поэтики и истории лите-

ратуры. Саранск, изд. Мордовского гос. университета им. Н. П. Огарева, 1973, с. 147—163). Более подробный отчет об этом заседании в Пушкинском Доме помещен нами в журнале «Русская литература» (1973, № 4, с. 240—241).

О. А. Пини

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В ОДЕССЕ

3 июня 1973 г. исполнилось 150 лет со дня приезда в Одессу Пушкина. Тринадцать месяцев, проведенные Пушкиным в Одессе, — значительный этап в жизни и творчестве поэта и вместе с тем яркая страница в литературной летописи города. Пушкинские памятные даты и юбилеи общественность Одессы всегда отмечала широко и с большой теплотой. В 1923 г. в ознаменование 100-летия со дня приезда Пушкина в Одессу при Одесском доме ученых была создана Пушкинская комиссия, которая на протяжении 50 лет ведет работу по изучению биографии и творчества великого поэта, преимущественно периода его южной ссылки, а также по популяризации его наследия. В июне 1961 г., во время работы VIII объединенной конференции пушкиноведов юга, в Одессе был открыт Музей-квартира Пушкина, и ныне ведущий большую и разнообразную работу. Здесь происходят заседания Пушкинской комиссии, встречи с писателями и артистами, лекции и концерты. С помощью Музея-квартиры и на его материалах в школах Одессы создаются пушкинские уголки. В музее проводятся открытые собеседования и экскурсии.

В юбилейные дни 1973 г. в небольших комнатах музея побывали тысячи посетителей. Экспозиция музея пополнилась многочисленными подарками. Таковы прежде всего произведения изобразительных искусств (пейзажи пушкинских мест работы одесского художника И. И. Козорода; иллюстрации к произведениям поэта, выполненные художником И. Шенкером; юбилейная медаль, отлитая художником Б. Кушницром; скульптурная композиция «У Лукоморья» художника В. С. Вахрушева по мотивам поэмы «Руслан и Людмила»). Одесское общество коллекционеров подготовило для экспонирования выставку «Пушкин в почтовых марках»; секция эмалибристов подарила музею собрание «Пушкин в эмалибрисах». Внимание посетителей музея привлекла выставка предметов быта, фарфора, книг, портретов, гравюр, поступивших в музей из частных собраний (Л. М. Иваницкого, А. М. Белого, А. Я. Бардаха). Здесь экспонировались барельефы и силуэты работы Ф. Толстого, портрет мальчика-подмастерья работы О. Кипренского, портреты современников поэта, среди которых (предположительно) неизвестный ранее портрет одесского знакомого Пушкина — историка, этнографа и литератора А. И. Лёвшина, а также предметы быта пушкинской поры, декоративные тарелки с видами Петербурга начала XIX в., чашки, блюда, чернильница и т. д.

К 150-летию со дня приезда в Одессу Пушкина приурочены были также организованные Союзом писателей СССР дни советской литературы (с 26 мая по 7 июня 1973 г.), в которых приняли участие многочисленные делегации из многих республик СССР.

Все эти дни Одесса жила воспоминаниями о Пушкине. Состоялись творческие отчеты, концерты, на которых исполнялись произведения поэта; был показан спектакль «Всего тринадцать месяцев» (одесского автора Ю. З. Дынова); организованы были декада пушкинских фильмов и большое театрализованное зрелище — праздник Пушкинской улицы, в котором приняли участие многочисленные актеры, музыканты, поэты. Широко были отмечены юбилейные дни в одесской печати; так, например, краевая молодежная газета «Комсомольская искра» выпустила специальный номер

(на 12 страницах), посвященный Пушкину в Одессе. Многие передачи областного радиовещания и телевидения также были посвящены пушкинским местам Одессы, истории создания памятника Пушкину в 1899 г. и др. Юбилейные торжества закончились научной конференцией, организованной Пушкинской комиссией дома ученых и кафедрой русской литературы Одесского гос. университета им. И. И. Мечникова; в конференции приняли участие ученые и писатели Одессы, а также Москвы, Киева, Харькова, Днепрпетровска и других городов.

Н. Островская.

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В МОЛДАВИИ

30 мая 1973 г. в Доме культуры Кишиневского университета состоялось торжественное открытие VII Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии. В празднике приняли участие: делегация Союза советских писателей (П. Антокольский, Е. Долматовский, С. С. Смирнов, Е. Матузявичус, Р. Братуль, И. Юсупов и др.), правнук поэта Г. Г. Пушкин и зарубежные гости — писатели Леопольд Левин (Польша), Хосе Рамон Медина (Венесуэла). Участники праздника ездили в с. Пушкино Ниспоренского района, в Дом-музей А. С. Пушкина, расположенный в бывшем доме К. Ралли, где летом 1821 г. бывал Пушкин; в 1972 г. здесь был открыт новый памятник — бронзовый бюст поэта (работы скульптора М. К. Аникушина). Пушкинский праздник в Молдавии нашел широкое отражение во всех республиканских газетах, выходящих на русском и молдавском языках. В 1973 г. в Кишиневе опубликованы книга Б. А. Трубецкой «Твоей молвой наполнен сей предел...» (Страницы жизни Пушкина в Молдавии) и альбом «Пушкинские места в Молдавии» (составил В. Тымчишин).

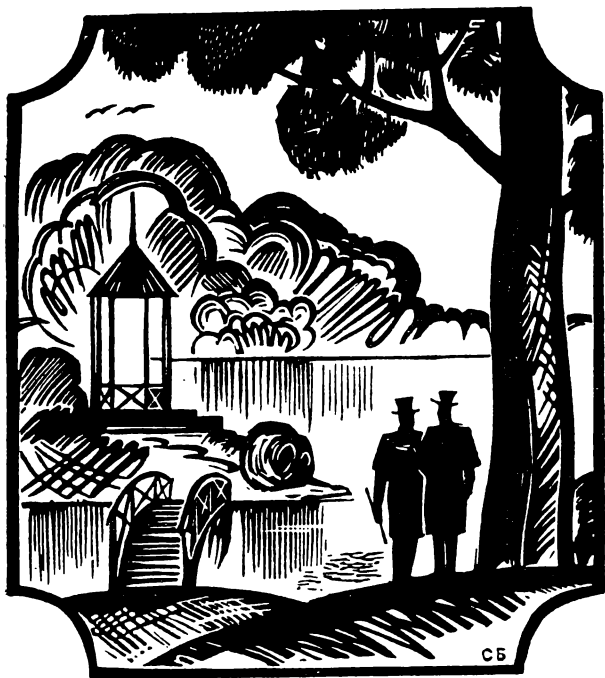
Б. А. Трубецкой

ДНИ ПУШКИНА В ЯЗЫКОВСКОМ ПАРКЕ

Очередной ежегодный, пятый по счету, день Пушкина в Языковском парке (в бывшем имении Н. М. Языкова Самарской губ., ныне Ульяновской области) был проведен Исполнительным комитетом Корсунского районного совета депутатов трудящихся и Ульяновским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

На празднике присутствовало около четырех тысяч человек, в основном труженики языковского текстильного комбината им. М. И. Калинина, но было также и немало приезжих — из Москвы, Ленинграда, Ярославля и Корсуна. Празднество было приурочено к 174-й годовщине со дня рождения Пушкина и 140-летию его двукратного пребывания в Языкове. Для гостей и приглашенных в этот день были открыты фотовыставка («Языково в прошлом, Языково сегодня») и книжная выставка, посвященная творчеству Пушкина, Н. М. Языкова и советских поэтов. После «Слова о Пушкине», которое произнес доцент Ульяновского педагогического института И. Д. Хмарский, состоялись выступления поэтов г. Ульяновска, Корсунского народного хора и концерт артистов Ульяновской филармонии. В парке состоялось открытие двух мемориальных досок (одна — на верхней

5-й ЕЖЕГОДНЫЙ ДЕНЬ
А. С. ПУШКИНА
в Языковском парке

3 июня 1973 г.
р. п. Языково

Пригласительный билет на празднование дня Пушкина
в Языковском парке

террасе парка, на месте, где ранее был дом поэта Н. М. Языкова, другая — на нижней террасе). Тексты мемориальных досок идентичны. По белому мрамору золотыми буквами написано: «Здесь, в бывшем имении поэта Н. М. Языкова, в сентябре 1833 года был дважды А. С. Пушкин. Здесь же неоднократно бывал поэт и партизан Д. В. Давыдов».

А. Н. Блохинцев

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

В 1973 г. в программу Всесоюзного праздника поэзии впервые было включено посещение пушкинских мест Калининской области. Это явилось следствием той большой работы, которая была проведена местными партийными, советскими и общественными организациями с помощью большого количества бескорыстных энтузиастов — почитателей Пушкина по увековечению памяти великого поэта в городах и местностях области. За сравнительно небольшой срок в области сделано очень много по благоустройству пушкинских мест (в Бернове, центре Пушкинского заповедника, в Макинниках, в парках в Грузинах и Павловском).

В г. Торжке полностью освобожден и передан под музей бывший дом Олениных (о музее Пушкина в Торжке, открытом 3 июня 1972 г., сообщалось в предшествующем выпуске «Временника Пушкинской комиссии. 1972» (Л., 1974, с. 150—152); укажем, кстати, представляющую интерес для истории создания этого музея статью В. Бекетова «Дорога к Пушкину», напечатанную в «Правде» 28 октября 1973 г.). Начаты работы по реставрации здания и благоустройству территории усадьбы. В городе закончен ремонт бывш. гостиницы Пожарского (ныне клуба им. Парижской Коммуны). Из Калинина и Торжка до Бернова открыты постоянные автобусные маршруты, что способствовало притоку экскурсантов.

Пушкинский праздник поэзии начался 1 июня в центре области — г. Калинине. На торжество прибыла группа писателей и поэтов во главе с Б. Н. Полевым. Торжественный вечер в концертном зале филармонии открыл секретарь городского комитета КПСС — В. Т. Смирнов. Вслед за ним выступили гости праздника (Б. Полевой, М. Матусовский, М. Румянцев, В. Кузнецов, Г. Семенхин). Состоялся концерт артистов филармонии с участием солистов Большого театра СССР.

2 июня пушкинский праздник был продолжен в Торжке, где на Круглой площади в торжественной обстановке был открыт бюст А. С. Пушкина (скульптор И. М. Рукавишников). В новых залах филиала Калининского областного краеведческого музея — доме Олениных — открыта выставка «Калининские художники Пушкину». Значительно расширена выставка «Пушкин и Тверской край». Участники праздника познакомились с пушкинскими местами Торжка, побывали в Грузинах и Прутне.

Особенно многолюдным был праздник в Бернове. 3 июня присутствующие заполнили склоны естественного холма, амфитеатром спускающегося к эстраде. Выступали с речами гости и местные жители, в частности учащиеся берновской школы. Завершились пушкинские торжества большим концертом, в котором приняли участие самодельные хоровые коллективы из 16 районов области. Выступило 700 самодеятельных артистов.

В эти же дни в поселке Погорелое, городище Зубцовского района и селе Никитском Калязинского района состоялись народные гулянья и вечера, посвященные творчеству Пушкина.

К пушкинским дням областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры выпустило новый значок. Областным краеведческим музеем и областным управлением культуры издан каталог

портретов «Друзья и знакомые Пушкина», продолжающий серию изданий о Берновском музее (составитель С. Т. Овчинникова, художник Ю. Л. Карцелли).

Под общим названием «Пушкин и Тверской край» областным краеведческим музеем изданы 6 плакатов (составители Г. Г. Курочкина и Л. А. Казарская, художник Ю. Л. Карцелли). В издательстве «Планета» вышел набор открыток «Пушкинские места Верхневолжья». Облинопротом созданы фильмы о пушкинских праздниках поэзии в Калининской области в 1971 и 1972 гг.

Л. А. Казарская

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Запись для памяти, сделанная Пушкиным при чтении II части «Нестора...» А.-Л. Шлецера в переводе Д. Языкова. ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 1742. (Стр. 13).
2. Титульный лист издания «Образцы литер, виньетов и полиטיפажей, находящихся у Августа Семена» (1826). (Стр. 81).
3. Литография П. Иванова из книги Ф. Лакруа «Русские тайны» (Париж, 1845). (Стр. 93).
4. Рисунок Пушкина («Золотые ворота Карадага») в черновике первой главы «Евгения Онегина» (строфа XLVI). ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 834, л. 18. (Стр. 95).
5. Скала «Ворота Карадага». Современный вид. (Стр. 96).
6. Павел Воинович Нащокин. Рисунок неизвестного художника. 1820-е годы. Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград). (Стр. 96—97).
7. Павел Воинович Нащокин. Рисунок К. Е. Маковского. Начало 1850-х годов. Государственный Русский музей. (Стр. 96—97).
8. Воин Васильевич Нащокин. Фотоснимок, сделанный с портрета неизвестного художника конца XVIII в.—1800-х годов. (Стр. 96—97).
9. Клеопатра Петровна Нащокина. Фотоснимок, сделанный с портрета неизвестного художника конца XVIII в.—1800-х годов. (Стр. 96—97).
10. Приглашительный билет на празднование дня Пушкина в Языковском парке. (Стр. 130).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Л. С. Сидяков. К истории работы Пушкина над второй главой «Евгения Онегина»	5
Р. Е. Терехеница. Незвестная запись Пушкина к «Слову о полку Игореве»	12
Е. М. Двойченко-Маркова. Заметки о Пушкине и беженцах этерии в Кишиневе	20
Л. М. Аринштейн. Статья о Пушкине в английском журнале 1850-х годов	36
II. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Пушкиниана 1973 г.	52
В. Е. Холшевников. О словаре рифм Пушкина	66
Л. С. Сержан, Ю. В. Ванников. Об изучении французского языка Пушкина. (К постановке вопроса)	72
III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ	
Я. М. Боровский. К тексту наброска «Участь моя решена...»	77
Л. А. Черейский. Три заметки к биографии и сочинениям Пушкина. 1. К датировке одного стихотворения Пушкина. 2. Комментарий к письму Пушкина. 3. История одной виньетки	78
И. И. Грибушин. Из наблюдений над текстами Пушкина. 1. К «Скупому рыцарю». 2. Выигрыш на тройку и семерку до «Пиковой дамы». 3. «Цертелова древние стихотворения»	84
М. П. Алексеев. Заметки на полях	90
Б. А. Протоклитов. Рисунок Пушкина «Золотые ворота Карадага»	94
Послесловие Т. Г. Цявловской	97
Г. И. Назарова. Неизвестные портреты Нащокиных	98
А. Н. Шустов. Жуковский и стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»	103

В. Д. Рак. К истории четверостишия, приписанного Пушкину . . .	107
Л. А. Шейман. Два одесских некролога о Пушкине	117
Л. И. Вольперт. Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь . . .	125 ,

IV. ХРОНИКА

Институт русской литературы (Ленинград)	127
Пушкинские дни в Одессе	128
Пушкинские дни в Молдавии	129
Дни Пушкина в Языковском парке	129
Пушкинские места Верхневолжья	131
Список иллюстраций	133

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

1973 г.

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
Отделения литературы и языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства Н. А. Храмова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректор Г. И. Суворова

Сдано в набор 29/VIII 1975 г. Подписано к печати
26/XI 1975 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2.
Печ. л. 8¹/₂+2 вкл. (1/4 печ. л.)=8.75 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 11.22, Изд. № 6277. Тип. зак. № 534.
М-26902. Тираж 13 000. Цена 63 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 4

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия д. 12